

РК-13

-8072

БОРОВИЧЪ.

ДѢТСКІЙ КЛУБЪ

(Исторія одного опыта)

Ч.б. 30/32

ХАРЬКОВЪ

1919

ЦЕНТРАЛЬНА НАУЧНО-
БІБЛІОТЕКА

Цѣна 7 р.

РК-13
8072

Складъ изданія:

Культурно-Просвѣтительная Организация „Трудъ“,
Харьковъ, Пушкинская 1.

Адресъ для корресп.: Пассажъ, почт. ящ. № 188.

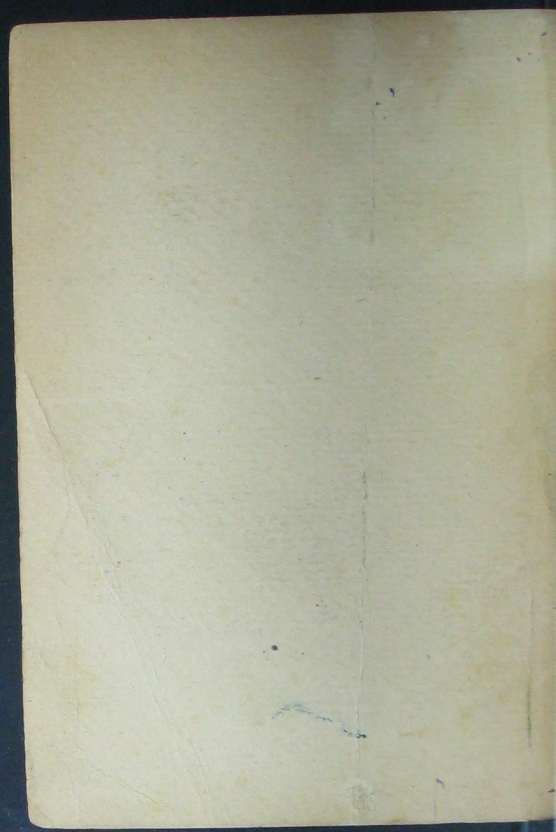
Въ Кіевѣ—Книжный складъ рабочихъ коопера-
тивовъ „Жизнь“, Бессарабка, Крошый рынокъ.

Въ Одессѣ—Книжный магазинъ „Трудъ“ (Дери-
басовская 25); А. А. Ивасенко (Дерибасов. 20).

V.N. Karazin Kharkiv National University

00622773

3. I 93
950
1934

БОРОВИЧЬ.

ВМ
МАВВ

ДѢТСКІЙ КЛУБЪ

(Исторія одного опыта)

8072

2875

1932
ЦНБ
30/32

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Проверено
ЦНБ 1939

ХАРЬКОВЪ

1819.

58
64

а. ВОРОВИЧЪ.

и. ДѢТСКІЙ КЛУБЪ

(ИСТОРИЯ ОДНОГО ОПЫТА).

и. Культурно-Просвѣтительной Организации „ТРУДЪ“.

м. и г. Х., 1919 г. стр. IV+128. г. нр. и. 7 р.

2875
Не претендуя на теоретическое значение, предлагаемая книжка пытается подойти вплотную к практической работе, к тем отдельным, конкретным вопросам, с которыми неминуемо сталкивается всякий работник народных детских клубов. Поскольку ведение этих учреждений является у нас делом сравнительно новым и вызывает ряд затруднений, постольку настоящая работа, написанная в 1914 г. в виде очерка, окажется, надеется, не бесполезной.

Отдельные главы ее были помещены в педагогическом сборнике „Дитя в его жизни и творчество“ (изд. „Вадруи“, М. 1918).

Авторъ.

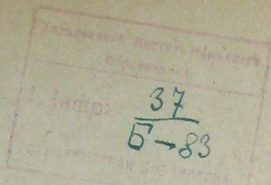
ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.:
Глава I. Хулиганство, какъ социальная зараза.	1
" II. Общiе вопросы постановки дѣла	5
" III. Взаимоотношенія двухъ лагерей	14
" IV. Первые шаги	20
" V. Составъ посѣтителей	27
" VI. Принципы „открытыхъ дверей“	32
" VII. Клубный ручной трудъ	35
" VIII. Экскурси и игры	42
" IX. Тѣнныя стороны дѣла.	43
" X. Мѣры воздѣйствія	54
" XI. Самоуправленіе	66
" XII. Собранія „Дѣтскаго Дома“	74
" XIII. Коллективныя чтенія	91
" XIV. Чтенія-бесѣды.	103
" XV. Библіотека-читальня	114
" XVI. Заключение	125

2825

I. Хулиганство, какъ социальная зараза.

Много кровавыхъ язвъ разъѣдало нашъ общественный организмъ въ теченіе десятковъ и сотенъ лѣтъ и до самаго послѣдняго времени. Одной изъ опасѣйшихъ должна быть признана эпидемія, что еще недавно широкой волной залила какъ города, такъ и деревни, что въ послѣдніе годы, еще до войны и революціи—захватила какъ старыхъ, такъ и малыхъ. Это хулиганство, какъ явленіе массовое.

Невѣжество, темнота, тупость—не ново это на Руси: мы твердо вѣримъ, что такъ уже не будетъ, но такъ было и мучительно долго было. Но хулиганство въ качествѣ определенной линіи поведения, но бандитизмъ, бессмысленное ухарство но безцѣльная разрушительная работа разнузданныхъ удалцовъ и кокетничанье, самолюбование своей безудержностью, своимъ молодечествомъ—это было ужъ чѣмъ то новымъ, что порождено безпросвѣтными годами тяжелыхъ десятилѣтій.

Разнузданность эта проявляется не только внѣшнимъ образомъ, не только въ прямыхъ дѣйствіяхъ, но и внутренне, психически: вѣдь безпринципность, разгильдяйство, неразборчивость въ средствахъ—это все отъ того же, это черви, въ корнѣ подтачивающіе слабые ростки молодого дерева. Просачиваясь во всѣ поры и заражая всю нашу общественность, хулиганство въ состояніи нанести странѣ непоправимый вредъ, размѣры

когого трудно было вполне учесть. Слѣды этой заразы ощущались во многихъ областяхъ нашей сѣрой, сумрачной жизни до-революціоннаго періода; однако, весь ужасъ этой страшной социальной болѣзни пришлось испытать намъ въ самое послѣднее время, когда дикіе инстинкты темной массы проявились въ полной мѣрѣ.

Въ борьбѣ съ хулиганствомъ имѣются два пути, другъ отъ друга отличные. На верхахъ, въ средѣ тѣхъ, кто до сихъ поръ безраздѣльно властвовалъ надъ душой и тѣломъ россійскаго обывателя—нынѣ гражданинъ,—пытались карательными мѣрами бороться съ вѣдшими проявленіями хулиганства, съ очень ужъ рѣзкими, дѣйственными эксцессами; сознательные же круги общества озабочены вопросомъ о борьбѣ съ сущностью явленія, съ его природой, его первоисточникомъ. Вѣдь дѣло не въ томъ, какъ наказывать за проступки, какъ пресѣкать ихъ. Что толку въ побѣдѣ надъ нарывомъ, ежели мы вгоняемъ его внутрь тѣла, дѣлаемъ его снаружи незамѣтнымъ? Болѣзнь-то существуетъ, она-то развивается, она разрушаетъ организмъ, хотя бы и незамѣтно для сторонняго глаза.

Человѣка дѣлаетъ среда, условія всей жизни, окружающая обстановка—ей мы обязаны рожденіемъ и расцвѣтомъ хулиганства и лишъ отъ нея, отъ всей жизни, и зависеть наше избавленіе. Никакія иныя мѣры, какъ бы суровы онѣ ни были, неэффективны. Бороться съ хулиганствомъ значитъ бороться со всѣми тѣми условіями, что порождаютъ и питаютъ его; побѣдить хулиганство, значитъ побѣдить данныя условія, данную обстановку, водворивши иную, создавши другія условія жизни, другую среду. Вѣдь этого—побѣда немыслима, а борьба наивна.

Злокачественная болѣзнь, не ограничиваясь средой взрослыхъ, проникаетъ также въ міръ под-

ростковъ и дѣтей. Бактерія хулиганства, вѣдряясь въ разнородные дѣтскіе организмы, производитъ въ нихъ и различное дѣйствіе. Въ зависимости отъ того или другого соціального слоя, отъ той или другой среды, болѣзнь эта получаетъ и разное выраженіе: въ однихъ случаяхъ уличныя избиенія и сквернословіе, злое озорство и безсмысленное воровство, въ другихъ—менѣе злыя выходки и предѣлки, въ третьихъ—развязность дурного тона, пренебреженіе, чванливость...

Удивляться проникновенію хулиганства въ подростящее поколѣніе совершенно не приходится. Вѣдь дѣти живутъ въ той же отравленной атмосферѣ, въ тѣхъ же моральныхъ и матеріальныхъ условіяхъ, что и родители, старшіе братья и сестры ихъ; они дышатъ тѣмъ же воздухомъ, насыщаются той же трухой, и естественно, что духъ времени почіетъ и на нихъ.

Однако, борьба съ хулиганствомъ среди дѣтей, будучи основана на тѣхъ же принципахъ, должна принять, все же, нѣсколько иной характеръ. На дѣтяхъ сказывается, главнымъ образомъ, *отраженное* воздѣйствіе общихъ условій, жизнь бѣетъ черезъ посредство взрослыхъ, и поэтому возможны извѣстные благопріятные результаты также и внѣ борьбы съ основными причинами. Весьма воспріимчивы къ добру, какъ и ко злу, дѣти нуждаются и въ специфическихъ условіяхъ, являющихся прямой потребностью возраста.

Осуществленіе этихъ то условій, созданіе извѣстной обстановки, способно въ значительной мѣрѣ парализовать то разрушительное дѣйствіе, какое производятъ общіе неблагопріятные факторы среды. Получая—въ предѣлахъ опредѣленнаго возраста—соотвѣтствующую пищу, натура ребенка способна противостоять натиску и уже не столь легко поддается разлагающему вліянію улицы. Правда, весьма

тяжелая задача предстоитъ тѣмъ, кто въ обстановкѣ общей разрухи пытается создать маленькіе дѣтскіе оазисы, ибо и самое существованіе этихъ оазисовъ и ихъ борьба съ вліяніемъ общихъ условий наталкиваются на рядъ препятствій. Но тѣмъ важнѣе эта работа, тѣмъ болѣе цѣнны отдѣльныя успія.

Объ одной такой инициативѣ, объ одномъ опытѣ мы и намѣрены рассказать ниже. Намъ хотѣлось бы убѣдить общественно-педагогическихъ работниковъ, что при энергіи и выдержкѣ всѣ трудности одолѣть можно; можно съ очень небольшими средствами создавать эти дѣтскіе оазисы въ видѣ дѣтскихъ клубовъ. Тѣмъ болѣе возможно это сейчасъ, когда тяга къ просвѣщенію очень велика, когда вся Россія покрывается густой сѣтью культурно-просвѣтительныхъ учреждений и когда всевозможны кооперативныя объединенія отпускаютъ большія средства на просвѣтительную работу.

При созданіи дѣтскихъ клубовъ того типа, о какомъ говоримъ мы, необходимы—особенно вначалѣ—острыя положенія; однако, при твердомъ сознаніи правильности избраннаго пути и при ясности основныхъ лозунговъ, здоровый инстинктъ подскажетъ правильное рѣшеніе. Нечего бояться первыхъ шаговъ, самыхъ трудныхъ и самыхъ ответственныхъ: ошибки, всегда возможные, вполне поправимы.

Останавливаясь на отдѣльныхъ критическихъ моментахъ работы и отмѣчая, какъ были обойдены опасные рифы, мы имѣемъ въ виду нѣсколько облегчить трудъ тѣмъ работникамъ на мѣстахъ, кто захотѣлъ бы проявить такую же инициативу. И если бы намъ удалось возбудить охоту къ тѣмъ или инымъ опытамъ, мы сочли бы цѣль настоящихъ строкъ вполне достигнутой.

II. Обще вопросы постановки дѣла.

Это было въ одномъ изъ большихъ южныхъ городовъ, незадолго до міровой войны. Малочисленная группа общественныхъ работниковъ, преданная идеямъ свободнаго воспитанія, создала общество заботы о дѣтяхъ съ широкими цѣлями и съ доступностью для несостоятельныхъ круговъ населенія. Работу новой организациі рѣшено было начать съ устройства, въ ближайшую очередь, вполне доступнаго клуба, гдѣ дѣти, въ возрастѣ 7—14 лѣтъ, могли бы въ опредѣленные часы находить не только подходящее общество и отдыхъ, не только интересныя работы и разумныя развлечения, ласку и тепло, но и начатки гражданскаго воспитанія. Весь строй этого клуба долженъ былъ содѣйствовать выработкѣ людей энергіи, самодѣятельности, инициативы, людей съ волей, мужественностью, стойкостью, съ умѣньемъ коллективно жить и самостоятельно управляться.

Большіе споры возникли по вопросу о времени открытія дѣтскаго клуба, и въ спорахъ этихъ сразу же намѣтились двѣ линіи поведенія, два теченія, которыя въ той или иной формѣ проявлялись и въ дальнѣйшемъ, при постановкѣ на обсужденіе любого факта или предположенія изъ жизни клуба: тутъ широко общественный размахъ и нѣкоторыя дерзанія сталкивались съ узко-дѣловитымъ практицизмомъ, со стремленіемъ медленно, методически и осторожно дѣлать маленькую работу, захватить поле дѣятельности поменьше, но обработать поглубже. Одни находили, что необходимо, раньше всего, позаботиться о матеріальной сторонѣ дѣла—нужно заняться вербовкой новыхъ членовъ, поискать жертвователей, устроить нѣсколько благотворительныхъ вечеровъ. А ужъ затѣмъ, имѣя достаточныя средства, хорошо оборудованное помещеніе, кадръ подготовленныхъ сотрудниковъ,

можно будетъ начать и самую работу, размахъ который зависитъ отъ матеріальныхъ возможностей.

Большинство работниковъ отнеслось, однако, къ вопросу иначе, хотя и признавало всю заманчивость веденія дѣла при достаточныхъ матеріальныхъ средствахъ. Опытъ показалъ, что всякая новая инициатива вызываетъ въ обывателѣ сразу не содѣйствіе и помощь, а недовѣріе, выжидательное настроеніе—особенно тогда, когда рѣчь идетъ о проведеніи идей, данной средѣ незнакомыхъ, ей чуждыхъ. Въ такихъ условіяхъ не начинать дѣла до притока средствъ,—значить обрекать себя на бездѣлье, вообще. Что жъ до благотворительности, къ ней большинство относилось весьма недружелюбно. Инициаторы учрежденія стремились проводить въ немъ принципы самоуправленія и самостоятельности; практика же многихъ обществъ говоритъ за то, что элементъ благотворительности очень часто въ зародышѣ убиваетъ самостоятельность и самостоятельность дѣла. Участіе стороннихъ людей („патронессы“) хотя и приносятъ съ собой часто матеріальную выгоду, но сразу же налагаетъ и тяжелыя путы. Создается не только матеріальная, но и моральная, идейная зависимость отъ благотворителей, гнущихся часто совершенно иную линію: эта борьба особенно вредна и опасна тамъ, гдѣ нужно вводить новые принципы.

Въ силу этихъ то соображеній и рѣшено было приступить къ практической работѣ немедленно, не дожидаясь ни большого числа членовъ, ни значительныхъ средствъ. Конечно, безъ денегъ первые шаги будутъ затруднены; но зато инициаторамъ, не стѣсненнымъ чуждой имъ, посторонней волей, удастся поставить дѣло именно такъ, какъ оно задумано. Когда же все будетъ налажено, основные принципы укрѣплены, тогда и желателенъ притокъ новыхъ членовъ. Жизнь показала,

что—при большомъ числѣ участниковъ—никогда или почти никогда не удастся наладить новое дѣло, къ которому каждый подходитъ съ иной мѣркой и иными требованіями; наоборотъ, нѣсколько человекъ, заранее спѣвшихся, продумавшихъ и выносившихъ въ себѣ самое идею, способны выполнить всю организаціонную работу, поставить дѣло на надлежащія рельсы.

Кстати нѣсколько словъ о коллективѣ и правильномъ его функціонированіи. Азбука гражданственности учить, что всякое общественное начинаніе должно—даже и въ мелочахъ своихъ—созидаться усиліями всѣхъ работниковъ; должна быть совершенно устранена единоличная воля—индивидуальный разумъ уступаетъ мѣсто разуму соборному. Однако, сенаторы—мудрецы, сенатъ—скотина, говорить древняя римская поговорка: и въ данномъ случаѣ необходимо соблюдать особую осторожность, логичность, послѣдовательность. Суть въ томъ, что при постоянной нуждѣ въ чисто-технической, и при томъ безвозмездной, помощи, многія культурно-просвѣтительныя организаціи охотно включаютъ въ число работниковъ лицъ, которыя со стороны этической отвѣчаютъ требованіямъ общественности, хотя бы во многомъ они и не были солидарны съ программой и основными принципами вновь создаемаго дѣла. Предполагается, что, проработавши нѣсколько времени и ближе ставши къ основнымъ задачамъ, новые работники проникнутся тѣми же идеями и взглядами. Но—изъ ложно-понимаемаго принципа свободного коллектива—верѣдко допускается при этомъ крупная ошибка, которая очень скоро даетъ о себѣ знать: съ перваго же дня, какъ бы въ видѣ компенсаціи за готовность работать, лица эти приглашаются—въ качествѣ полноправныхъ членовъ—въ составъ органа, руководящаго даннымъ учрежденіемъ. Вся несостоятельность такого порядка

вещей, особенно для новаго дѣла, сказывается вскорѣ и иногда очень болѣзненно. Новые люди механически, своей численностью, поглощаютъ подлинныхъ хозяевъ дѣла, его идейныхъ вдохновителей, и очень нерѣдко въ молодое начинаніе вносятся вскорѣ элементы, совершенно ему чуждые.

Конечно, нельзя утверждать, что наилучшими, наиболѣе правильными и разумными принципами являются всегда именно тѣ, что проводятся инициаторами, какъ и нѣтъ основаній думать, что новые сотрудники всегда неправы. Однако, интересы общественности требуютъ единства, определенной принципности, твердой основы; нужно, чтобы все дѣло насквозь пропитано было однимъ духомъ, и лишь въ этомъ случаѣ можно ожидать удачи, лишь тогда можно безъ риска судить о жизнненности того или иного учрежденія, о раціональности даннаго метода. Вотъ почему желательно, чтобы носители опредѣленныхъ идей работали отдѣльно; чтобы каждое теченіе, не сливаясь съ сосѣднимъ, параллельно осуществляло свою программу.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, слѣдуетъ признать излишнюю терпимость безусловно вредной дѣлу и слѣдовательно неприемлемой; во основѣ, во взглядѣ на суть вещей, въ главныхъ путяхъ—расхожденій быть не должно, ибо для молодого дѣла они губительны.

Практически же положеніе вещей можетъ быть урегулировано такимъ образомъ. Въ цѣляхъ постоянного общенія, столь важнаго въ коллективномъ дѣлѣ, вводятся собранія *всѣхъ*, прикосновенныхъ къ работѣ лицъ; на собраніяхъ этихъ, имѣющихъ чисто совѣщательный характеръ, обсуждаются всякіе теоретическіе вопросы, происходитъ обмѣнъ мнѣній, ведутся споры о методахъ, путяхъ, новыхъ и новѣйшихъ принципахъ. Рѣшаетъ же всѣ

вопросы, измѣняетъ самое направленіе дѣла, вводитъ новые пути руководящій органъ учрежденія, куда входятъ инициаторы дѣла; новыя лица входятъ въ составъ этого органа изъ проработавшихъ опредѣленное время сотрудниковъ *путемъ кооптаціи*, при чемъ въ такихъ условіяхъ сохраняется опредѣленный фильтръ. Только этимъ путемъ и можно вести твердую линію и предохранить учрежденіе отъ постоянныхъ толчковъ и колебаній, въ зависимости отъ даннаго, случайнаго состава работающих. И всѣ тѣ, кому дорого то, а не иное веденіе дѣла, кто исповѣдуетъ опредѣленные символы педагогической вѣры, должны сразу же проявить необходимую твердость и настойчивость.

Передъ небольшою группою работниковъ—далеко нелегкая задача: имѣя въ своемъ распоряженіи одну-другую сотню рублей, надо призвать къ жизни новое учрежденіе. Но гдѣ, въ какой средѣ открыть свой первый клубъ? Нужда въ немъ ощущается дѣтьми всѣхъ слоевъ, ибо, въ сущности, дѣти повсюду предоставлены самимъ себѣ, не имѣютъ соответствующей обстановки, лишены своего общества и той атмосферы, какая необходима имъ, вообще, а въ критическій періодъ формированія личности, въ особенности. Конечно, идти надо, всего раньше, къ недостаточнымъ классамъ. въ среду тѣхъ, для кого, собственно, и создано общество. Но и здѣсь имѣются, вѣдь, извѣстныя градаціи: есть служилое мѣщанство и бѣдное чиновничество, классъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, есть фабрично-заводскіе рабочіе, есть домашніе служащіе—дворники, швейцары, сторожа, есть и представители тѣхъ группъ, что носятъ общее названіе Lumpenproletariata. Куда же двинуться въ первую голову, кому сейчасъ понести свою энергію, инициативу, любовь къ дѣтямъ?

Опять двѣ позиціи—узко-утилитарная и широко-общественная. Первая—за то, чтобы начать

съ болѣе легкаго, чтобы пойти къ дѣтямъ не самаго бѣднаго класса, а къ средѣ квалифицированнаго наемнаго труда. Въ этомъ случаѣ придется имѣть дѣло исключительно со школьниками, привыкшими къ опредѣленному городскому укладу и въ извѣстной степени дисциплинированными домашней обстановкой. Здѣсь также удобно будетъ проводить новые принципы и методы, провѣрять на дѣлѣ всѣ завоеванія современной педагогической мысли; задачи клуба—развитіе самостоятельности, гражданскихъ навыковъ, товарищескаго духа и пр.—требуютъ опредѣленной предварительной подготовки, извѣстнаго культурнаго минимума, которому удовлетворяетъ именно этотъ слой—аристократія бѣдности. Позже, когда будетъ приобретень опытъ, когда работники получать извѣстную закалку, можно пойти и дальше, къ наиболѣе обездоленнымъ группамъ.

При всей соблазнительности такой перспективы, при всемъ желаніи поэкспериментировать въ болѣе или менѣе подходящей обстановкѣ, большинство ближайшихъ работниковъ дѣла не нашло возможнымъ пойти по линіи наименьшаго сопротивленія, считая такой путь непозволительной роскошью. Условія нашей дѣйствительности таковы, что и сейчасъ приходится дѣлать тщательный отборъ нуждающимся: какъ ни печально, но жизнь часто заставляетъ устраивать своеобразные курсы нишеты, и общественное вниманіе приходится оказывать лишь наиболѣе голоднымъ изъ голодныхъ, вообще. Громадная и вопіющая нужда наряду съ мизерными средствами для ея удовлетворенія вынуждаютъ расходовать свою энергію съ особой осторожностью, добиваясь максимальной пользы отъ каждаго усилія скудной общественной инициативы.

Мы прекрасно сознавали, насколько нуженъ хорошо-поставленный клубъ дѣтямъ городского мѣ-

шанства. Но вѣдь эти дѣти имѣютъ хоть какой-нибудь семейный уютъ, какое-нибудь, пусть и искаверканное воспитаніе, они пользуются присмотромъ матери. А вѣдь есть тысячи дѣтей, совсѣмъ безпризорныхъ, лишенныхъ и семьи, и ласки и тепла; есть настоящія дѣти улицы, предоставленныя самимъ себѣ; ихъ родители либо умерли, либо же весь день на работѣ, дома же нѣтъ имѣста, ни свѣта и воздуха. Одни изъ нихъ посѣщаютъ народныя школы, другія работаютъ въ мастерскихъ и на заводахъ, третьи поступаютъ въ личное услуженіе въ качествѣ посыльныхъ и пастуховъ, а четвертыя совсѣмъ ничего не дѣлаютъ, не брезгуя изрѣдка и мелкой кражей. Но и тѣ, и другія, и третьи и четвертыя являются грозой всей округи; нерѣдко видя у себя дома лишь побои и пьянство, они выносятъ все это на улицу, заражая весь воздухъ атмосферой злобы и человѣконенавистничества. Обозленные вѣчной нуждой и голодомъ, дѣти, преждевременно созрѣвая, являются типичными представителями „дѣтскаго“ хулиганства.

Вотъ куда необходимо пойти немедленно, чтобы разрядить атмосферу и внести хоть лучъ свѣта, хоть мигъ радости; вотъ гдѣ первый этапъ работы. Правда, интересы клуба, какъ учрежденія, страдаютъ при этомъ; но требованія широкой общественности не позволяютъ двигаться медленно, осторожно, послѣдовательно, и приходится отказываться въ данномъ случаѣ отъ чисто педагогической работы.

Придется потратить предварительно массу силъ на то, чтобы нѣсколько очеловѣчить своихъ посѣтителей, чтобы сдѣлать ихъ способными къ клубной жизни; придется, затѣмъ, подойти къ наиболѣе упорнымъ и искалѣченнымъ элементамъ съ идеями и приѣмами, еще неуровнѣнными на практикѣ, еще не прошедшими сквозь горнило опыта.

Но вѣдь тутъ большая благодарная работа, тутъ крупная общественная побѣда въ случаѣ удачи; а что до приѣмовъ, такъ вѣдь для каждой среды требуются приѣмы иные, особые, и, слѣд., опытъ принесенный нами, въ данномъ случаѣ непригоденъ.

Вотъ доводы, въ силу которыхъ рѣшено было сразу ринуться въ тяжкій бой, начавши свою работу въ далекомъ предмѣстьи, въ районѣ мелкихъ фабрикъ и заводовъ. Мы выбрали мѣстность, населенную бѣднотой различныхъ національностей, при чемъ для насъ не составляло секрета, что христіанское населеніе питаетъ къ евреямъ нѣкоторую неприязнь, которая, благодаря злостной агитаціи, принимаетъ подчасъ рѣзкія формы: не только издѣвательства, но и избиенія тутъ не въ рѣдкость.

Новое учрежденіе названо было „Дѣтскимъ Домомъ“, такъ какъ предполагалось сосредоточить при немъ со временемъ, помимо клуба, и рядъ вспомогательныхъ институтовъ.

Въ представленіи нѣкоторыхъ дѣятелей идеальный „Дѣтскій Домъ“ непременно долженъ имѣть интернатъ, гдѣ дѣти жили бы въ здоровой трудовой обстановкѣ, подѣ постояннымъ и непосредственнымъ вліяніемъ руководителей: только въ этомъ случаѣ можно съ успѣхомъ противостоять постоянному вліянію улицы. Будучи въ теоріи правильной, мысль объ интернатѣ является практически неосуществимой; это совершенная утопія, которая, къ тому же, оказалась бы и вредной, если бы въ силу какого либо чуда сдѣлалась вдругъ дѣйствительностью. Всякій интернатъ требуетъ большихъ средствъ; а такъ какъ борьба съ улицей можетъ и должна быть только массовой, то интернатъ долженъ впитать въ себя всѣхъ желающихъ того дѣтей данной мѣстности. Однако, столь грандіозное дѣло, требующее колоссальныхъ

денегъ, совершенно не подѣ силу не только частному обществу, но даже и любому изъ современныхъ государствъ. Провести такого рода изоляцію дѣтей значить, въ сущности, превратить данную мѣстность въ сплошной интернатъ, т. е. совершенно измѣнить всю обстановку, среду, условія жизни. А для общественной организаціи это лишь красивая сказка, утопія, это дѣло глубокихъ социальныхъ перворотовъ, а отнюдь не доброй воли хотябы и десятка симпатичныхъ учреждений.

Но пройдемъ дальше. Допустимъ на минуту, что удалось бы найти уйму щедрыхъ жертвователей и создать рядъ образцовыхъ интернатовъ, помѣстившихъ бы у себя всю дѣтвору. Предположимъ, что средства были бы неисчерпаемы и что родители согласились бы отдавать на нѣсколько лѣтъ своихъ дѣтей, очень рано дѣлающихся помощниками старшихъ членовъ семьи. Что тогда? Вѣдь наступитъ же моментъ, когда придется выпустить воспитанниковъ въ непосредственную жизнь, на путь самостоятельности, и тогда имъ надо будетъ лицомъ къ лицу столкнуться съ подлинной действительностью, съ фактами дня. И, право же, трудно рѣшить, окажется ли прочной и долговѣчной прививка, слѣланная въ интернатѣ воспитаннику, который попалъ затѣмъ, въ старую среду, въ прежнія удручающія условія, который снова зажилъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ со старымъ разбитымъ корытомъ... И, подѣ влияніемъ особенно контрастирующей обстановки, въ виду рѣзкаго перехода изъ одного состоянія въ противоположное ему, не будетъ ли скоро сбита эмаль, старательно наложенная въ интернатѣ? Вѣдь среда мѣощественна, влияіе ея отличается силой и постоянствомъ, человекъ жетолько продуктъ среды, ея дѣтище.

Не рациональнѣе ли, въ такомъ случаѣ, бороться въ данной же обстановкѣ, не уходя отъ

дѣйствительной жизни, не уединяясь въ особый мірокъ? Правда, самая работа встрѣчаетъ тогда на своемъ пути много препятствій, дѣти не такъ скоро и легко поддаются вліянію клуба, невозможно сразу достигнуть значительныхъ результатовъ, нельзя *ослабить* успѣхъ; но зато побѣда—при конкуренціи съ вліяніемъ общей среды—цѣннѣе, глубже, надежнѣе, за то имѣется увѣренность, что отвоеванное нами крѣпко залегло въ душѣ ребенка и не такъ ужъ легко уйдетъ. Слѣдовательно, то, что мы теряемъ на количествахъ, съ лихвой выгадываемъ на качествахъ; плоды трудовъ, въ этихъ условіяхъ, распылятся и не такъ явны, не такъ очевидны, но это не должно смущать работниковъ, ибо, по существу, успія ихъ окупаются вполне.

III. Взаимоотношенія двухъ лагерей.

Снявши въ облюбованномъ нами районѣ одну большую комнату съ правомъ пользоваться дворомъ, раздобывши нѣсколько простыхъ, некрашенныхъ столовъ и скамей, висячую лампу, шкафъ для хранения матеріала, а также накупивши и самый матеріалъ—картону, бумаги бѣлой писчей, и цвѣтной оберточной, ножницъ и ножииковъ, карандашей и красокъ, игловокъ, нитокъ, гарусу и нѣсколько аршинъ дешевого холста—мы въ одинъ прекрасный день, въ концѣ жаркаго іюля, объявили себя существующими:

Произошло это тихо и незамѣтно, безо всякихъ торжествъ и тостовъ. Явившись въ районъ нашихъ будущихъ дѣйствій за два три дня до открытія клуба и встрѣчая по пути отдѣльныхъ дѣтей, мы нѣсколькимъ изъ нихъ сообщили что тогда-то и тамъ-то будетъ открытъ „Дѣтскій Домъ“; кто хочетъ притти туда поиграть, поработать, отдохнуть,—милости просимъ...

Въ указанный день и часть пришедшіе къ воротамъ Дома нѣсколько руководителей нашли большую толпу дѣтей разнаго возраста—тутъ и крошки 2—3 лѣтъ на рукахъ у двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, и школьники 10—13 лѣтъ, и окончившіе народную школу и подростки—рабочіе, 14—15 л., уже съ басовыми нотками въ голосъ и табачнымъ запахомъ изо рта; тутъ же и нѣсколько любопытныхъ взрослыхъ—родные дѣтей. Дѣвочки держатся сторонкой, отдѣльно отъ мальчиковъ; одѣты всѣ бѣдно, но дѣвочки чище, опрятнѣе; многіе безъ ботинокъ, а иные безъ куртки, въ однихъ порткахъ. Оказывается, всѣ другъ друга прекрасно знаютъ, ибо большинство дѣтей живетъ въ нѣсколькихъ громадныхъ домахъ-казармахъ, расположенныхъ вблизи одинъ отъ другого.

Явились дѣти—особенно мальчики—изъ простого любопытства, совершенно не зная, что ихъ ждетъ и для чего, собственно, ихъ пригласили, находясь въ ожиданіи, по ту сторону забора, галдятъ, кричатъ, затѣваютъ игры, а затѣмъ ссоры и кулачки; нѣкоторые—присяжные забіяки и хваты, а потому общіе любимцы и авторитеты—настроены на особый ладъ, празднично-игриво—вѣдь предвидится возможность побаловаться, посмѣшить народъ, показать свое удалство, свою смѣлость и независимость...

Первая встрѣча двухъ лагерей, искони между собой враждующихъ, произошла въ нѣсколько необычной обстановкѣ и дала необычные—же и результаты. Взрослые люди явились къ подрастающимъ, какъ равные къ равнымъ, какъ старшіе друзья къ младшимъ. Отнюдь не подлаживаясь подъ тонъ, не заигрывая съ дѣтьми и не собираясь завоевывать ихъ расположеніе сладкими рѣчами, мы подошли къ собравшимся, какъ къ будущимъ соучастникамъ общаго дѣла. Мы и не

чувствовали своего превосходства; въра въ природный здравый смыслъ дѣтей, мы ощущали одно лишь стремленіе—помочь имъ устроиться. Помня тяжелыя условія, въ коихъ растутъ малолѣтніе обыватели, зная, что они именно, эти условія, и создаютъ исковерканныя души, мы подошли къ дѣтямъ, какъ врачъ подходитъ къ своему пациенту. Оставивъ обычное учительское морализированіе, роль обвинителя и карающаго судьи, мы оказались на положеніи друзей-доброжелателей; искренно, въ самомъ дѣлѣ, уважая маленькую личность, мы считались съ ея требованіями и запросами; мы охраняли также и достоинство дѣтей, какъ индивидуумовъ съ самолюбіемъ, съ гордостью—пусть и ложно понимаемой, съ различными страстями. Конечно, мы намѣрены были всѣми путями бороться съ отрицательными чертами ихъ характера, но считали нужнымъ дѣлать это осторожно, не убивая тлѣющей въ дѣтяхъ искры Божіей: вѣдь такъ не трудно, перегнувши палку въ другую сторону, достигнуть прямо-противоположныхъ результатовъ... Слѣдуетъ дорожить уваженіемъ дѣтей къ самимъ себѣ, надо раздувать ихъ чувство собственного достоинства, ибо потеря всего этого—весьма худой проводникъ воспитанія. Всего опаснѣе, когда подростокъ перестаетъ стѣсняться, когда онъ чувствуетъ со стороны старшихъ *безнадежно-плохое* мнѣніе о себѣ, и ему уже рисковать нечѣмъ, ему „все равно“, „наплевать“. Тогда является какая-то забубенность, желаніе ухарствовать, пакостничать, и о свободномъ воздѣйствіи думать тогда уже поздно. Искусство и педагогическій тактъ должны предупредить наступленіе такого момента, нельзя доводить дѣтей до состоянія психической безнадежности, ибо это значитъ создать источникъ новаго ряда проступковъ.

Нашъ подходъ къ дѣтямъ былъ не надуманнымъ, не заранѣе выработаннымъ и пущеннымъ

изъ соображеній дипломатическихъ; мы такъ именно и относились къ членамъ будущаго клуба, и не было, поэтому, съ нашей стороны никакой натянутости, никакихъ усилій. Дѣти—инстинктивно, вѣроятно—узнали подлинную правду въ нашемъ обращеніи съ ними и оцѣнили ее—чуть не съ первыхъ дней у насъ установились ровныя, ясныя, хорошія отношенія. Дѣти сразу же отвѣтили намъ довѣріемъ и трогательной, хоть иногда и грубо-выраженной приказанностью; они стали относиться къ намъ, какъ къ старшимъ своимъ товарищамъ, къ которымъ можно обращаться всегда запросто, отъ которыхъ ничего скрывать, которые спокойно и привѣтливо выслушаютъ, обстоятельно отвѣчать, помогутъ. Когда ихъ спросить, посоветуютъ, но сами навязывать свой опытъ не ставятъ; постараются удовлетворить просьбу, если это возможно, если же это почему либо невозможно, честно и просто объяснять истинную причину отказа. Конечно, бывали—особенно, съ первыхъ шаговъ—всяческіе эксцессы и неурядицы, много было и тяжелыхъ моментовъ; однако, почти во всѣхъ такихъ случаяхъ отношеніе дѣтей къ намъ, первымъ въ Дѣтскомъ Домѣ ихъ „учителямъ“, было сердечное, даже бережное какое-то. Несмотря на то, что ближайшимъ работникамъ клуба выпадали на долю вначалѣ и очень нелегкія обязанности, приводившія иногда и къ конфликту съ дѣтьми, и приходилось подчасъ съ немалымъ рискомъ балансировать на самой границѣ педагогически-допустимаго, нашъ авторитетъ былъ силенъ, къ намъ прислушивались, насъ стыдились. Мы никогда не прибѣгали ни къ угрозамъ и покрикиваніямъ ни, тѣмъ паче, къ наказаніямъ; и все же насъ „боялись“, передъ нами охорашивались, старались скрыть свои дурныя поступки.

Говоря объ отношеніяхъ двухъ лагерей, нельзя не будетъ отмѣтить и слѣдующее характерное

Воронки Дѣтскій Клубъ

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

2072

явление, — темъ болѣе, что оно послужило въ пал-
нѣйшемъ яблокомъ раздора. Хотя вся работа стар-
шихъ проводилась на строго-коллективныхъ нача-
лахъ и всѣ были вполне равноправны и самосто-
ятельны, въ психикѣ малолѣтнихъ посѣтителей
Дома, въ ихъ сознаниіи выявилась искорѣ—какъ-то
сама собой, безъ всякаго нашего участія, конечно, —
опредѣленная грань между одними руководителями
и другими. Дѣти какъ-то по иному относились,
какъ то особенно отличали тѣхъ 3-4 „учителей“,
кто работалъ въ Домѣ съ перваго момента, созда-
валъ это учрежденіе и бывалъ тамъ особенно часто
и подолгу. Правда сначала же учувъ общую ат-
мосферу любви и благожелательности, дѣти уди-
вительно просто и непринужденно подходили къ
новымъ лицамъ вообще, очень часто они обраща-
лись за тѣмъ или инымъ дѣломъ, съ какимъ-ни-
будь вопросомъ или за совѣтомъ къ совершенно
постороннимъ лицамъ—посѣтителямъ, подробно
знакомившимся съ нашимъ учрежденіемъ и по-
тому принявшимъ видъ своихъ „учителей“. Од-
нако, непрерываемыми авторитетами и истинными
хозяевами дѣла фактически признавались только
тѣ нѣсколько инспиаторовъ: у нихъ дѣти обо всемъ
спрашивали, у нихъ искали защиты и помощи, имъ
довѣряли, ихъ рѣшенію подчинялись. Никакія пе-
дагогическія мѣры, принимавшіяся для поднятія и
уравненія авторитета остальныхъ руководителей,
ни къ чему не приводили: вотъ придется такая-то
или такой-то, и мы разсудимъ—бывалъ отвѣтъ
дѣтей. Когда случалась какая-нибудь исторія или
кто-нибудь напроказить въ отсутствіи этихъ лицъ,
очень нежѣдко можно было услышать просьбу: не
рассказывайте такимъ-то, мы больше не будемъ...
Такимъ-то образомъ, совершенно произвольно,
лишь силою довѣрія дѣтской громады и благодаря
ей твердой волѣ, всѣ наличные руководители были
разбиты на двѣ—и количественно и качественно
неравныя—части; истинное руководство было

отнято у официального, всего коллектива и передано одним небольшим группам лиц.

Осенью не погрѣшая противъ истины, слѣдуетъ признать, что не пользовались у дѣтей авторитетомъ какъ разъ тѣ лица, которые играли въ Домѣ роль лишь преподавателей, но не умѣли быть воспитателями и, особенно, не годились въ руководители Дѣтскаго Дома—въ томъ его видѣ, какъ онъ былъ задуманъ и осуществленъ. Безкорыстно отдавая свой трудъ, лица эти постоянно были въ учрежденіи лишь гостями, лишь прихожанами, согласившимися безвозмездно обучать дѣтей тѣмъ или инымъ работамъ.

Психически—да и социальнo—далекія отъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, какіе обслуживались Дѣтскимъ Домомъ; чуждые, въ сущности, основныхъ принциповъ демократическаго теченія новой педагогики, лишеныя творческой инициативы, они отдавали дѣлу свое время, силы, разсудокъ, но не душу; они не жали интересами учрежденія и не могли цѣликомъ отдаться ему, не могли органически слиться съ Домомъ. Последнему же—благодаря новизнѣ и сложности задачи—требовалась вся энергія и вся душа инициаторовъ; нужны были раньше всего, педагоги-воспитатели опредѣленнаго типа, люди широкой общественности и извѣстнаго социального размаха, а затѣмъ ужъ и профессіоналы. Все тѣ принципы и приемы, которые, быть можетъ и пригодны для современнаго школьнаго обихода, оказывались совершенно несостоятельными, а нерѣдко и вредными въ народномъ дѣтскомъ клубѣ съ его своеобразными посѣтителями и специальными цѣлями. И если дѣти отличали изъ всей массы руководителей небольшую группу въ нѣсколько человѣкъ, то не слѣдуетъ ли приписать это лишь здоревому ихъ инстинкту?

IV. Первые шаги.

Итакъ, въ нашемъ распоряженіи одна просторная комната, дворикъ—и разношерстная толпа совершенно незнакомыхъ намъ дѣтей, надъ которыми предстоитъ поработать и которыхъ сейчасъ надо занять. Собрали мы воедино всю ораву и стали знакомить съ „богатствами“ Дома: показали скудное содержимое шкафовъ, выволокли на свѣтъ божій нѣсколько игръ, что удалось раздобыть на сторонѣ,—шашки, нѣсколько экземпляровъ зоологическаго и цифроваго лотто, пару-другую мячей и „скакалокъ“, такъ называемый дѣтскій бильярдъ и, наконецъ, убогій крокетъ, въ достаточной мѣрѣ пострадавшій отъ ретивой игры прежнихъ своихъ хозяевъ. Въ нѣсколькихъ незначительныхъ словахъ мы объяснили дѣтямъ смыслъ существованія Дѣтскаго Дома и ближайшія его перспективы, причемъ слѣдали это какъ бы мимоходомъ, безъ всякой торжественности. А затѣмъ, указывая на игры и забавы, заявляя: „Разбирайте все это, господа, играйте другъ другу не мѣшая; а послѣ все на свое мѣсто кладите“.—вотъ, приблизительно, нашъ первый выходъ.

Шуму, восторгамъ и перебранкѣ не было конца. Вѣчно живущіе въ крохотныхъ, сырыхъ конурахъ, безъ воздуха и свѣта, дѣти ошалѣли въ непривычной обстановкѣ, оцѣняли отъ атмосферныя ласки и тепла, отъ возможности легально порѣзвиться,—безъ риска услышать сердитую брань забитой матери или получить затрещину отъ заглазнаго бѣдняги-отца. Въ первый моментъ они не въ состояніи были сообразить, за-что встать, къ чему приступить, чѣмъ раньше всего поиграть. Безтолково топтались они на одномъ мѣстѣ, съ большими усердіемъ вырывали одинъ у другого игры—для того только, чтобы черезъ двѣ минуты уступить

добычу болѣе ловкимъ или болѣе смѣлымъ вой-
камъ; и все это сопровождалось гуломъ голосовъ,
визгиваніями, каскадомъ весьма не легкихъ
эпитетовъ, бранныхъ словъ. Казалось, что внезапно
прорвалась плотина, и вода совсѣмъ зальетъ бе-
рега; со стороны гланда, можно было подумать, что
какая орда собирается разнести помѣщеніе, унич-
тожить всѣ вещи.

Немалыхъ усилій стоило унять разошедшу-
юся публику и водворить хотя бы относительное
спокойствіе: тутъ-то, на мѣстѣ, и представится
первый случай проверить наши теоретическія раз-
сужденія и убѣдиться въ ихъ практической при-
мѣнимости. Однихъ удалось взять лишь взглядомъ,
улыбкой съ легкимъ отгѣнкомъ укоризны, лишь
недоумѣннымъ пожатіемъ плечъ; другихъ при-
шлось усовѣщивать, доказывая всю несправедли-
вость ихъ эсэистически-завоевательскихъ тенденцій;
третьимъ—спокойно, мягко, вполнѣ благожела-
тельно, но и достаточно-вразумительно было ука-
зано, что этотъ крикъ и безпорядокъ принесетъ
всѣмъ намъ лишь одинъ вредъ, ибо въ такихъ
условіяхъ невозможна никакая дальнѣйшая инте-
ресная работа. Словомъ, пришлось индивидуализи-
ровать свое обращеніе въ зависимости отъ мимо-
летнаго впечатлѣнія, какое оставилъ тотъ или иной
объектъ наблюденія своими повадками, манерами,
всѣмъ своимъ поведеніемъ. При незнакомствѣ съ
характеромъ каждаго посѣтителя въ отдѣльности—
а, благодаря постоянно текущему составу дѣтей
Дома, полное такое знакомство, вообще проблема-
тично—приходится руководствоваться въ такихъ
случаяхъ лишь педагогическимъ инстинктомъ, чут-
костью, личнымъ тактомъ.

Черезъ какіе-нибудь полчаса картина рѣзко
измѣнилась—тѣсное помѣщеніе Дѣтскаго Дома
представляло собой своеобразный лагерь красно-

кожихъ ледѣйцевъ. Въ самой комнатѣ всѣмъ намъ приходилось лавировать среди массы головъ, рукъ, туловищъ: расположившись по разнымъ угламъ и посрединѣ изъ живописныхъ, совершенно-первунжидевыхъ позахъ, раскинувши грязныя ноги въ стороны, брюхомъ упершись въ полъ, а руками, достаточно черными, поддерживая подбородокъ, небольшие, „свои компаніи“ мальчишекъ и дѣвочекъ—и тѣ и другіе порознь—играли въ шашки, въ лотто, располагали рядами металлическихъ конныхъ всадниковъ, катили мячъ. Несмотря на раскрытые окна комната очень скоро наполнилась тяжелымъ воздухомъ, который такъ хорошо знакомъ всѣмъ тѣмъ, кому приходится сталкиваться съ социальными „нвязами“, вообще и съ ихъ дѣтворой, въ частности. Это—запахъ грубыхъ смазанныхъ сапогъ и грязнаго платья, смѣшанный со специфическимъ запахомъ испареній дѣтскихъ тѣлъ, витавшихся лишь только чернымъ хлѣбомъ, лукомъ да се-ледкой.

Во дворѣ царило неменьшее ситиленіе. Въ одномъ концѣ его нѣсколько дѣвочекъ вмѣстѣ съ руководительницей играли въ мячъ; тутъ же подвижныя игры въ горѣлки, жуты и пр.: въ другомъ—мальчешки составляли чехарду; тамъ группа дѣвочекъ, сбившись въ кружокъ и впервые взявшись за шитье на розданныхъ доскушкахъ холста, съ затаеннымъ дыханіемъ слушаетъ учительницу, такъ занимательно рассказывавшую сказки и разныя исторіи; а тутъ нѣсколько дѣтей, съ стогорченіемъ на лицахъ, усиленно хлопочутъ надъ крохотными братишкой или сестренкой, никакъ не желающими пассивно наблюдать веселую возню старшихъ и плачемъ мѣшающими своимъ тоже маленькимъ вѣзкамъ принимать участіе въ общихъ играхъ.

Тотчасъ же освѣлились и стали играть наиболѣе разбитые мальчишки, пришедшіе сюда со сво-

ими товарищами; менте рішительные, и при томъ одиночки, тутъ же, у каждой группы, присутствують въ качествѣ зрителей, взрѣдка вмѣшиваясь въ игру или же присматриваясь къ ней, чтобы затѣмъ примкнуть. Впрочемъ, тутъ же шатаются и отдѣльные сорванцы, избравшіе своей спеціальностью—посмѣяться, гдѣ неопасно, подставить „ножку“, ударить болѣе слабыхъ,—вообще, подурить отъ избытка энергіи. Вновь приходящія либо присоединяются къ какой-нибудь изъ играющихъ группъ, либо выжидаютъ очереди или, наконецъ, бесѣдуютъ съ руководителями, старающимися ознакомиться съ дѣтьми, съ ихъ развитіемъ, бытомъ, ихъ домашней обстановкой.

Роль руководителей въ первый же день была, по преимуществу, пассивной: замѣренно предоставляя всю инициативу дѣтямъ, а сами оставаясь въ тѣни, мы избѣгали своего вмѣшательства безъ особой къ тому нужды. Однако, все время были наготовѣ, на всякій случай. Раскаживая межъ отдѣльныхъ группъ дѣтей, мы однимъ своимъ появленіемъ умѣряли пылъ и сдерживали языки. Гдѣ споръ принимаетъ угрозжающій характеръ или гдѣ сильно явно обижаютъ слабыхъ, приблизились невзначай, укажешь, посоветуешь, легонько пожурить—и герой столкновенія тотчасъ же—хоти бы и временно—унижается. Если же случайно окажешься свидѣтелемъ какой-нибудь ссоры или несправедливости, виновника послѣдней пытается найти себѣ то или иное оправданіе, не оставаясь даже передъ отступленіемъ отъ истины. Въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ добиваться подлинной правды, нечего доискиваться точнаго освѣщенія происшествія и истиннаго виновника его: при некрупныхъ событіяхъ нельзя долго фиксировать вниманіе дѣтей на давнемъ конфликтѣ; ово вредно. Всего разумнѣе—какимъ-нибудь словечкомъ, удачнымъ жестомъ или гримасой обратить все это въ шутку

и, отвлекая вниманіе дѣтей отъ объекта раздоровъ, побыть на мѣстѣ—въ качествѣ заинтересованнаго зрителя—до тѣхъ поръ, пока не разрядится атмосфера и не улягутся страсти, т. е., равнымъ счетомъ, одну-двѣ минуты.

Опытъ показалъ, какъ важно выработать въ себѣ опредѣленную выдержку, правильный критерій въ отношеніяхъ къ представителямъ каждаго общественнаго слоя въ отдаленности. Нужно научиться различать значительное отъ незначительнаго, крупное отъ мелкаго, вѣшную форму отъ внутренней сущности; постоянно помня общія условія мѣста и времени, необходимо при оцѣнкѣ фактовъ точно учитывать и психику и моральныя нормы данной среды. Нельзя подходить ко всемъ явленіямъ со своей мѣркой, съ понятіями своей среды о чести и порядочности, о дозволенномъ и недопустимомъ. Конечно все это отнюдь не значитъ, что слѣдуетъ самому опускаться, а не другихъ подымать до себя; но нужно знать давящій укладъ, понимать среду и не переоцѣнивать значенія того или иного факта, тѣхъ или иныхъ словъ. Очень часто насъ огорчаетъ какой-нибудь поступокъ ближняго, который мы не безъ основанія разсматриваемъ какъ показатель опредѣленныхъ внутреннихъ импульсовъ. Однако, это справедливо въ примѣненіи лишь къ данному общественному слою; тотъ же поступокъ, та же выходка со стороны представителя другой социальной группы говорить объ иныхъ импульсахъ, а часто и вовсе никакихъ внутреннихъ побужденій собою не знаменуетъ. Это-то различное значеніе одного и того же факта прекрасно усвоено опытными суебными дѣателями; объ этомъ же должны всегда помнить педагоги, вообще, а работники свободныхъ дѣтскихъ учреждений, въ частности и особенности.

Вотъ почему и мы, первые работники Дѣт-

скаго Дома, съ самаго начала рѣшали многое не замѣчать, пропускать мимо ушей, не всему удѣлять вниманіе. Выраженія, совершенно-недопустимыя для насъ въ собственномъ быту, вызывали съ нашей стороны совсѣмъ не то реакцірованіе, когда попадали изъ устъ малолѣтнихъ посѣтителей; поступкамъ ихъ мы придавали тоже надлежащее значеніе. Не миравсь съ такимъ поведеніемъ, вообще, мы намѣрены были привить иное отнодіе не сгущеніемъ красокъ и наводящимъ скуку морализированіемъ, а иными, болѣе дѣйственными и болѣе дѣйствительными путями. Мы справедливо подумали: измѣнятся вкусы у дѣтей, заполнятся ихъ интересы, хоть нѣсколько содержательнѣе и красивѣе станетъ ихъ неприслужная жизнь—и уйдутъ изъ ихъ лексикона данныя слова и народятся новыя, пропадутъ однѣ повадки и появятся другія. Въ силу этого мы и ограничили свою роль на первыхъ порахъ положеніемъ дежурныхъ: подбирали слонившихся безъ дѣла, пристраивая ихъ къ одной изъ занятыхъ группъ, старались быть поблизи особенно воинственныхъ дѣтей и, незамѣтно для послѣднихъ, сглаживали остроту отдѣльных столкновеній; разнимали уже сдѣившихся противниковъ, примиряя ихъ тѣмъ или инымъ образомъ; наконецъ, сорванцамъ, не желавшимъ въ данный моментъ ничѣмъ заняться, мѣшали пакостничать и безобразить. Однако, все время старались не быть назойливыми и слишкомъ усердными, не запугивать дѣтей своей излишней требовательностью.

Когда наступило время закрывать Домъ, и объ этомъ было заявлено дѣтямъ, явно видна была ихъ неохота уходить: многіе усѣли лашъ войти во вкусъ, другіе недавно явились. Разошлась публика весьма шумно, съ цѣніемъ,—вѣрнѣе, съ криками—отъ избытка чувствъ и долгаго относительнаго воздержанія; предварительно, попрощались

(за-руки) и выразили даже благодарность за игры за ябланы и „за все“. Часть дѣтей—и довольно-значительная—выразила желаніе проводить вѣсь, благо ходить приходилось много и все загородными мѣстами; проехавшіе дорогою съ интересомъ разспрашивали вѣсь о томъ, какъ предполагается поставить дѣло въ Домѣ, „что еще у насъ будетъ“; другіе интересовались, какъ звать каждого изъ вѣсь, гдѣ мы живемъ, есть-ли у насъ дѣти и пр.; а затѣмъ, перебивая другъ друга, стали съ жаромъ разсказывать о себѣ, о своей школьной жизни, объ интересовавшихся ихъ заботахъ.

Въ слѣдующіе дни мы ввели рядъ работъ—лѣпку и рисованіе, вытѣзываніе и склеиваніе изъ бумаги, картонажныя выдѣлы въ примитивномъ ихъ видѣ, рельефное вытѣзываніе по дереву, шитье и вышиваніе, вывязываніе. Дѣти радостно встрѣтили всѣ эти занятія, но не сразу стали продуктивно работать—глава, что называется, разбѣгалась: они переходили отъ одного слова къ другому, всюду пробую, вездѣ начиная работу и не продолжая ее, жадничая, любознательная взять все въ руки, подержать, осмотрѣть. Любопытство отмѣтило, что дѣвочки были вначалѣ крайне неподвижны и выказывали характерную для давняго пола-консервативность: заинтересовавшись шитьемъ или вывязываніемъ, плотно устывшись кружкомъ вокругъ руководительницы, онѣ опосовѣли часами сидѣть въ одномъ положеніи, слушая разсказы или задавая тѣ или нѣмѣ вопросы. Никакія другія работы ихъ не занимали, вѣчто не могло заставить ихъ уйти отъ давней группы и перейти къ другой. Впрочемъ, вскорѣ намъ удалось побѣдить эту инерность, и тогда, наряду съ дѣвочками среди работающихъ мальчиковъ, можно было наблюдать нерѣдко и такую занимательную картинку: какойнибудь чумазый 12-13 лѣтъ, съ лицомъ разбойника и руками трубочиста, затесався среди дѣвочекъ

и съ превеликимъ усердіемъ орудуешь иглой— что-то вышиваешь по готовому контуру или какіе-то поскутки соединяешь. Долго сидѣть овѣ согнувшись, вертя работу и такъ и этакъ, что то прилаживая и въ то же время размышляя вслухъ. Но съ какой радостію, съ какимъ торжествующимъ кличемъ бросается онъ вскорѣ къ руководителнцѣ, чтобы похвастать удачной работой и получить вознагражденіе въ видѣ похвалы; а затѣмъ, съ блестящими вороватыми глазами мчится онъ бесикомъ къ другимъ руководителямъ, передъ которыми считаетъ нужнымъ демонстрировать свое умѣнье— „хоть я вавсегда и балуюся“...

V. Составъ посѣтителей.

Первая же недѣля работы принесла намъ большое удовольствіе. Затрачивая много звергін и силъ, весьма утомляясь, мы уже черезъ нѣсколько дней могли, все таки, констатировать несомнѣнный успѣхъ въ одномъ отношеніи— аудитория была нами завоевана; а въ нашихъ условіяхъ дѣятельности и при данномъ составѣ посѣтителей это— крупный козырь. Дѣти полюбили Домъ, стали ходить туда часто и охотно; мы ежедневно встречали почти всѣхъ прежнихъ посѣтителей и, наряду съ ними, новыхъ— черезъ нѣсколько дней количество ихъ достигало 200 человекъ въ день и больше. Что особенно важно и цѣнно было съ нашей же стороны, — это то, что мы вобрали въ себя, привлекли въ наше учрежденіе и всю зарезу мѣстности, всю соль данной земли: уже черезъ нѣсколько дней мы ясно нащупали компактную группу „босаяковъ“, человекъ въ пятнадцать, державшую себя весьма шумно, но и удивительно солидарно. Эта компанія и оказалась постоянной тройкой окрути, ея вольницей: если дѣтей колодили по дорогѣ, если гдѣ-нибудь устроена была засада съ

западением на неугодившего соседа, если вдруг сыпался град камней, — можно было хоть заглянуть, но безошибочно определить, что здесь орудуешь именно эта шайка мальчугановъ 11-14 лѣтъ. Пропавъ саркскій поросенокъ, угашенъ тавозъ на ближайшей постройкѣ, расхищенъ лѣсъ — и не безъ основанія суется пострадавшій, rather всего, къ родителю главныхъ участниковъ шайки: попороть основательно наиболѣе суровый батька, и нерѣдко огыцается пропажа тогда же. Впрочемъ, толку отъ этого, въ общемъ мало: избитый загнанный въ себя злобу — а въ томъ случаѣ, когда онъ пострадалъ действительно за дѣло и когда палъ жертвой своей же громкой пивѣстности, — а жалобщикъ съ большою опаской сталъ ходить по данному району, каждый моментъ ожидая „таменной бомбардировки“. Эта же компанія служила всегда прекраснымъ, послушнымъ орудіемъ и для проведения попытокъ активнаго антимитизма: „бай жидъ“ — раздавалось именно отсюда, и окровавленные еврейскіе школьники трепетали передъ этими самыми Гришками и Андрюшками. Хотя, какъ мы и предвидѣли, съ этой — небольшою числомъ, но сильной активностью — компаніей возни было очень много, тѣмъ не менѣе появленіе и ежедневное посѣщеніе Дома этой публикой насъ весьма радовало. Въдѣ они всего болѣе и нуждались въ воздѣйствіи, надъ ними, надъ такими, и главная наша работа; и именно такіе элементы тяжелѣе всего залучить въ какое-нибудь учрежденіе, ибо они очень ужъ дорожатъ своей независимостью, и абсолютной свободой. И если и она стала пріязнаться къ Дому, а затѣмъ — зять правильный генъ, и предварительная работа проведена удачно.

Не желая запускать дѣтей, мы старались избѣгать формальностей, и при приходѣ ихъ впервые задавали лишь нѣсколько общихъ вопросовъ: имя и фамилія, возрастъ, занятіе самихъ посѣти-

телей и ихъ родителей, степени грамотности и, наконецъ, адресъ. О воспроизведеніи и національности мы наѣмѣнно не спрашивались, ибо желали демонстрировать наше безразличіе къ этимъ вопросамъ; впрочемъ, соотвѣтствующая графа въ книгѣ была, и мы заполняли ее тоже, на основаніи случайныхъ, но точныхъ данныхъ. За истекшіе годы работы зарегистрировано было посѣтителей около пятисотъ человѣкъ; число посѣщеній каждаго въ точности не опредѣлено, хотя установлено, что ядро Дома—человѣкъ восемьдесятъ и до ста—посѣщали его почти ежедневно, другіе—разъ три въ недѣлю. Огромное большинство дѣтей—изъ нашего района, со всѣхъ ближайшихъ проулковъ и улицъ; сравнительно, немалый процентъ далъ городъ и даже его отдаленныя отъ Дѣтскаго Дома части. По своему социальному составу всѣ посѣтители представляли собой однородную массу, являясь дѣтьми недостаточныхъ трудовыхъ классовъ населенія. Однако, и здѣсь можно было наблюдать двѣ опредѣленныя группы: такъ называемая аристократія—дѣти служителей различныхъ учреждений, мастеровъ, торгующихъ служащихъ, хозяевъ-ремесленниковъ и lumpen-дѣти возничьихъ, торговцевъ въ разносъ, дворниковъ, чернорабочихъ, старьевщиковъ, прачекъ, въ которыхъ заводскихъ рабочихъ изъ мелкихъ предпріятій. Разница бросилась въ глаза—и не только въ костюмѣ, но и въ лицѣ, и во всѣхъ манерахъ и поведеніи; какая-то печать особенной заброшенности и пришибленности лежала на большинствѣ дѣтей лицъ, занимающихся физическимъ, недифференцированнымъ трудомъ. Большая часть дѣтей посѣщала еще народную школу; многіе успѣли пройти ее и искали службы: мальчуганы—въ магазинахъ, дѣвочки—у портнихъ и шляпочницъ; нѣмного дѣтей, бросивши школу на третьемъ году обученія, уже сами добывали хлѣбъ въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ, ремесленныхъ уче-

никовъ, разносчиковъ, портняжъ, даже пастуховъ изрядное количество дѣтей было и дошкольного возраста. Нѣсколько взрослыхъ мальчиковъ были советомъ неграмотны; но за то, у насъ было нѣсколько учениковъ городского училища, духовной семинаріи, нѣсколько гимназистовъ, двѣ епархіалки и даже одинъ гимназистъ, весьма впрочемъ, кичавшійся въ своемъ гордомъ одиночествѣ. Вначалѣ численно преобладали мальчики, но постепенно количество мальчиковъ и дѣвочекъ уравнилось. По вѣроисповѣданію иррипакъ большинство принадлежало православнымъ (приблизительно 60%), затѣмъ шли евреи (25-30%) и, наконецъ католики (10-15%); сравнительно, небольшой процентъ евреевъ объясняется тѣмъ, что первый нашъ Домъ былъ открытъ въ районѣ, по преимуществу, фабричномъ, населенномъ христианами. Большинство дѣтей школьного возраста читало достаточно бойко, хотя дѣвочки сильно отставали отъ мальчиковъ какъ по общему своему развитію, такъ и по знаніямъ: въ одномъ и томъ же классѣ дѣвочки были часто старше мальчиковъ, что объясняется главнымъ образомъ, все тѣми же социальными условіями.

Крѣпкимъ здоровьемъ и цвѣтушнымъ видомъ рѣшительно никто изъ дѣтей похвалиться не могъ — вся полутысяча, проходящая черезъ нашу регистрацію, носила на себѣ явные слѣды сырыхъ и темныхъ жилищъ, недвѣдана, недостатка воздуха; никакого исключенія не составляло даже наше „бѣсячье“, много часовъ проводившее на улицѣ. Худые и слабогрудые, съ замкнутымъ цвѣтомъ лица, многіе изъ измученныхъ дѣтей плакали; другіе часто жаловались на боль въ спинѣ и поясницѣ, третьи — благодаря отсутствію одежды, рванымъ сапогамъ — очень ужъ часто схватывали простуду. Въ интересахъ санитаріи мы считали весьма желательнымъ поголовный осмотръ всѣхъ дѣтей, однако осуществить это намъ не удалось. Чтобы не от-

послать своихъ посетителей, нужно было систематически наблюдать дѣтей, свидѣтельствуя лишь тѣхъ, у кого имѣются вѣщныя симптомы болѣзни; осматривать всѣхъ было немислимо также и потому, что ежедневно являлись въ Домъ новыя лица. Мы признавали, поэтому, наиболѣе рациональнымъ постоянное дежурство врача, а это было пока невозможно по недостаточности наличнаго состава силъ. Послѣ долгаго обсужденія было установлено, что Дѣтскій Домъ долженъ организовывать медицинскую помощь лишь т. н. *ходячимъ* больнымъ дѣтямъ, которыхъ мы направляли—для безвозмезднаго леченія—къ соответствующимъ специалистамъ и снабжали медикаментами. Мы прекрасно сознавали, что дѣленіе дѣтей *по признаку серьезности болѣзни*—весьма искусственное и не имѣетъ достаточно-вѣскихъ основаній; но мы такъ-же хорошо понимали, что для болѣзней социального характера общей медицины недостаточно—необходима и обстановка подкрѣпляющая и воздухъ и питаніе. Мы не могли давать все это своимъ посетителямъ и, въ то же время, не желали попадать въ бессмысленное и ложное положеніе называющихся благотворителей. Вотъ почему и принято было рѣшеніе не заглядывать въ жилища бѣдноты, ограничиваясь лишь стѣнами своего учрежденія.

Есть счастье, эпидемія, много разъ свирѣпствовавшая въ городѣ, къ намъ не были занесены ни разу; помимо простой случайности, мы склонны объяснить себѣ это обстоятельство и нѣкоторой сознательностью дѣтей—ясно помнится, что въ нѣсколькихъ случаяхъ сами дѣти предупреждали насъ, что у такого-то сестренка—въ тафу сейчасъ, а вотъ въ этомъ домѣ—скарлатина. Былъ даже случай, что на одну дѣвочку возвели поклекъ—завѣдомо-ложно или по незнанію, сообщили намъ, что тамъ скарлатина; и, страшно, со слезами

на глазахъ, дѣточка доказывала, что это не скарлатина, а всего только инфлюэнца.

VII Принципъ „открытыхъ дверей“

Основной принципъ Дѣтскаго Дома—полная доступность его для всѣхъ желающихъ—очень скоро оказался въ болѣе-шней опасности. Въ это единственное по своему характеру и цѣлямъ учрежденіе въ городѣ устремлялись дѣти такими массами, что передъ нами всталъ вскорѣ вопросъ о прекращеніи дальнѣйшаго приѣма. Что и говорить—громное количество дѣтей, при нашей исключительной бѣдности и ѣдности, не могло не усложнять и не тормозить дѣла—и ограничительныя тенденціи были не въ интересахъ только отдѣльнаго ребенка, но и всѣхъ работниковъ Дома. Если, при менѣе-мъ составѣ, любой изъ малолѣтнихъ посѣтителей могъ рассчитывать на большее къ себѣ вниманіе, то каждый руководитель, въ свою очередь, имѣлъ бы и для себя нѣкотораго облегченія труда въряду съ болѣе-шней его *видимой* продуктивностью. Однако, прекращеніе свободнаго доступа равносильно было въ нашихъ глазахъ гачагу капитуляціи; это явилось бы вернымъ и опаснымъ шагомъ по пути сдвиги принципіальныхъ нашихъ позицій. Верные своей основной задачѣ—борьбѣ съ вліяніемъ улицы,—мы должны были впитывать въ себя всѣ элементы данной окружи, никого не оставляя внѣ нашего поля дѣятельности. Это особенно важно при специфическихъ жилищныхъ условияхъ, когда скученность всего населенія въ нѣсколькихъ домахъ-казармахъ превращаетъ всѣхъ дѣтей какъ бы въ одну семью, гдѣ всѣ другъ съ другомъ встрѣчаются, и слышатъ

на другого оказываетъ большое вліяніе. Закрѣпить двери для однихъ—значитъ раньше всего, лишиться и другихъ,—ихъ товарищей, уже посѣщающихъ Домъ,— а затѣмъ выдерживать нелегкую конкуренцію съ параллельно живущими и милыми сердцу дѣтей соблазнами.

Необходимо опустошить улицу, лишить ее большой доли привлекательности, убрать оттуда и поселить у себя всѣхъ ея дѣтей. Если, къ сожалѣнію, есть пока только одинъ Домъ, если средства у него мизерныя, это лишь замедлитъ процессъ работы—безъ уменьшенія, однако, общей суммы ея полезности. Но самый принципъ долженъ быть соблюденъ, но самая работа должна имѣть достаточно большой размахъ и идти непременно вширь, а не только вглубь. Когда разражается какая-нибудь эпидемія, главныя усилія направляются, обыкновенно, на то, чтобы захватить всю площадь ея распространенія, и лишь тогда приступаютъ къ систематической борьбѣ съ болѣзью. Нѣтъ смысла тушить огонь на нѣсколькихъ постройкахъ, когда горятъ и всѣ сосѣднія: если бы и удалось отстоять данную маленькую площадь, она, все же, погибнетъ, ибо огонь непременно перебросится тотчасъ же и сюда. Остается, поэтому, заливать одновременно всѣ постройки данной мѣстности, и только въ этомъ случаѣ усилія принесутъ свои плоды. Прекрасно сознавая это, мы употребляли всѣ старанія, чтобы сохранить принципъ „открытыхъ дверей“, и это намъ удалось, хотя и не безъ труда.

Но тотчасъ же возникаетъ новое затрудненіе—въ большомъ количествѣ появляются въ Домѣ 3—4 лѣтнія малютки, съ которыми приходятъ наши постоянные посѣтители. Мы спѣшно отгораживаемъ небольшое пространство земли на дворѣ, навозимъ песку, покупаемъ нѣсколько деревянныхъ песоч-

ныхъ приборовъ и сажаетъ туда этихъ крошекъ; но этого мало—нужно занимать ихъ, ибо онѣ сами еще не умѣютъ играть, нужно удѣлять имъ много вниманія. Да и скучно имъ сидѣть все время въ песочкѣ—хочется и побѣгать, порѣзаться. Однако, Домъ устроенъ не для этихъ дѣтей и не можетъ отдавать имъ свои немногочисленные силы; у него свои сложныя задачи, съ которыми и безъ того очень нелегко справиться, и не можемъ мы разбрасываться въ разныя стороны. Возникаетъ вопросъ о совершенномъ недопущеніи въ Домъ малышей, мѣшающихъ работѣ,—пусть идутъ въ дѣтскій садъ, который должны открыть для нихъ аналогичная нашей организаціи; большинство и склоняется къ такому рѣшенію. Но какъ это выполнить, какъ недопустить малышей, безъ которыхъ не могутъ ходить и старшія дѣти? Родители на работѣ, а младшіе остаются на попеченіи своихъ братьевъ и сестеръ; если мать не уходитъ работать на фабрику, она занята дома—либо стираетъ чужое бѣлье, либо шьетъ, либо торгуетъ въ разносъ,—и все-таки малыши со старшими. Мы требовали не пускать крошекъ и видѣли неподдѣльное горе десятилѣтнихъ нанекъ, все время стоящихъ по ту сторону забора и со слезами на глазахъ глядящихъ на своихъ болѣе счастливыхъ товарищей, свободныхъ отъ тяжелой обузы. Вскорѣ мы убѣдились, что въ данныхъ, исключительно-тяжелыхъ условіяхъ никакъ невозможно провести строгое разграниченіе и что доколѣ не будетъ созданъ дѣтскій садъ для крошекъ, явится недоступнымъ и Домъ для старшихъ. А такъ какъ ни въ самомъ городѣ ни, тѣмъ паче, въ нашемъ районѣ не было ни одного *народнаго* дѣтскаго сада, пришлось подумать объ открытіи такового у насъ.

Малыши были оставлены. Пока было тепло, для нихъ устраивались подвижныя игры на воздухѣ, а къ осени, мѣсяца черезъ полтора, пришлось

отвести имъ отдѣльную комнату, которую мы принимали тутъ же. Вскорѣ наладилась и бойко пошла работа, при чемъ тутъ составъ посѣтителей былъ постоянный, и собиралось до пятидесяти дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 6 лѣтъ. Чувствовали себя малышки въ дѣтскомъ саду очень непринужденно, и чуть не выгонять приходилось ихъ къ 6 час. вечера. Однако, опытъ показалъ, что саду надлежитъ функционировать въ совершенно другое время и отдѣльно отъ Дома—дѣти утомлялись къ вечеру и къ 5½-6 часамъ необходимо было отправлять ихъ домой. Но даже и въ томъ случаѣ, когда за ними являлись ихъ родители, они упорно не желали уходить къ 6 часамъ, видя, что старшіе остаются и что къ этому именно времени всего больше дѣтей собирается въ клубъ и всего оживленнѣе тамъ. Въ интересахъ дѣла мы, нѣсколько времени спустя, перенесли занятія дѣтскаго сада на утренніе часы, съ двухъ до 4 часовъ дня, причемъ приходило сюда разрѣшено было лишь тѣмъ, кто не является въ клубное время. Какъ это устроилось, какъ наладили родители дѣло, не знаемъ, но малышки стали исправно посѣщать насъ днемъ, а ихъ старшіе братья и сестры являлись въ клубныя часы одни. Правда, вначалѣ многіе пытались казаться уже выросшими и приходили, вмѣсто дневныхъ часовъ, въ вечерніе, но, встрѣтивши противодѣйствіе съ нашей стороны, покорились затѣмъ новымъ порядкамъ.

VII. Клубный ручной трудъ.

На первыхъ же порахъ большіе принципиальные споры породилъ среди сотрудниковъ вопросъ о характерѣ предстоящихъ занятій, о томъ, какъ ихъ организовать, какъ поставить самую работу въ Дѣтскомъ Домѣ. И тутъ—опять тѣ же двѣ позиціи, съ которыхъ намъ пришлось ужъ говорить.

Его интересахъ утилитарныхъ, для того, чтобы дѣти могли обучиться тѣмъ или инымъ работамъ возможно скорѣе и лучше, преподаватели наши наставляли на созданіи искусственныхъ отдѣльныхъ группъ; каждый посетитель Дома долженъ записаться въ одну изъ нихъ и работать въ заранее установленныя для того дни и часы. Имѣя свою группу и не привозя туда никого больше, такъ что составъ ея остается на нѣкоторое время неизмѣннымъ, руководитель можетъ повести работу по опредѣленному плану и, спустя тотъ или иной срокъ, достигнуть видимыхъ, осязаемыхъ результатовъ. При отсутствіи же группового дѣленія преподаватели считали свою предстоящую работу непродуктивной, ибо постоянный притокъ новыхъ дѣтей не дасть развернуться.

Однако, раціональный для опредѣленныхъ образовательныхъ учрежденій, порядокъ этотъ представлялся для многихъ изъ насъ, работниковъ Дѣтскаго Дома, совершенно непріемлемымъ. Мы считали необходимымъ съ начала же строго провести демаркационную линію между школой и клубомъ—это разные понятія, которыя смѣшивать никакъ нельзя; клубъ—не есть школа, и цѣли у него и средства совершенно иные. Если бы нашимъ стремленіемъ было—обучать дѣтей однимъ или другимъ ремесламъ—правы были бы сторонники групповыхъ занятій; но тогда наше учрежденіе называлось бы не домомъ или клубомъ, а ремесленной школой или курсами. Однако, не въ этомъ наша цѣль: въѣдъ дѣти, и помимо насъ,—ужь силой социальныхъ условій,—идутъ по одной или другой дорогѣ, готовятся къ профессіи ремесленника или фабричнаго рабочаго, приказчика или конторщика. Мы же—въ качествѣ необходимаго дополненія—хотимъ дать имъ свободное учрежденіе, гдѣ въ обществѣ ровесниковъ они могли бы проводить время за любимымъ занятіемъ, гдѣ въ процессѣ

отдыха и развлеченій выработывались бы въ нихъ общественные и гражданскіе навыки. Но въ этихъ условіяхъ, при этихъ цѣляхъ, обязательное прикрѣпленіе къ данной группѣ неудобно, механическое прохожденіе въ опредѣленное время опредѣленной программы стѣснительно, непріятно, нежелательно. Въ тотъ самый день и часъ, когда назначены занятія группы кто-либо изъ ея участниковъ не можетъ явиться въ клубъ, занятъ, или не желаетъ работать, не расположенъ: вѣдь это его законнѣйшее право, какъ личности, и клубъ не долженъ и не хочетъ принуждать къ чему бы то ни было, иначе онъ потеряетъ всю свою привлекательность, весь свой смыслъ. Допустимъ, даѣе, что участнику данной группы—скажемъ, по вырѣзыванію—вздумалось какъ разъ сегодня, когда идутъ занятія его группы,—лѣпить или рисовать—почему бы и не порисовать ему, если такъ ужъ захотѣлось? Развѣ лучше будетъ, если вмѣсто этого, онъ заставитъ себя вырѣзывать, и подневольная работа пойдетъ дурно?

Но при системѣ групповыхъ занятій все это невозможно: пропустивши нѣсколько уроковъ, участникъ группы уже отсталъ и не можетъ долѣе оставаться въ ней; съ другой стороны, онъ не можетъ удовлетворить своему желанію—порисовать сегодня,—ибо туда не принимаютъ и, кромѣ того, группа по рисованію уже успѣла продвинуться впередъ, ему же нужны сейчасъ первоначальныя указанія. Наконецъ, страдаютъ отъ такого порядка и тѣ, кто вовсе ни въ какой группѣ не участвуетъ: такихъ дѣтей не допускаютъ къ занятіямъ ни въ одну изъ нихъ, хотя бы въ это самое время многіе изъ записанныхъ не явились на занятія и таковыя шли при недостаточномъ составѣ.

Итакъ, искусственная группировка дѣтей должна быть отвергнута, какъ вредная для дѣла,—

пусть каждый изъ нихъ работаетъ надъ тѣмъ, что его въ данный моментъ больше всего занимаетъ. Нужды нѣтъ, что онъ будетъ перебѣгать отъ стола къ столу,—такое положеніе продлится недолго. Если всѣ работы окажутся интересными всѣ онѣ и привлекутъ къ себѣ дѣтей, сообразно склонностямъ cadaго; а такъ какъ развообразіе въ работахъ не очень ужъ велико, то черезъ нѣкоторое время опредѣленныя группировки создадутся сами собой, но свободно, безъ принужденія и какой бы то ни было обязательности. Работающій, въ конечномъ счетѣ, приставаетъ къ какому-нибудь одному берегу, отдастъ предпочтеніе одной работѣ передъ другой. А что до реальныхъ результатовъ, то вѣдь еще спорно, являются ли они, эти результаты, единственнымъ показателемъ психической продуктивности труда, иначе говоря,—не можетъ ли принести свою пользу данная работа даже въ томъ случаѣ, если работающій не сдѣлаетъ искусственнымъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, не закончилъ ни одной работы?.. Не слѣдуетъ забывать, вѣдь, что трудъ является воспитательнымъ средствомъ, что трудовой методъ преслѣдуетъ не узко-утилитарныя цѣли, а широко общественныя.

Кто ревностнѣе будетъ работать, у кого лучшія способности и большая любовь къ дѣлу, тотъ и дальше пойдетъ и больше успѣетъ; кто же располагаетъ малымъ количествомъ свободного времени или менѣе способенъ или не столь интересуется данною работою, тотъ успѣетъ меньше. Надо учитывать въ данномъ случаѣ также и индивидуальныя черты характера: одинъ заинтересуется опредѣленной работою, и ничто другое не можетъ заставить его оторваться; другой же обладаетъ большою подвижностью и, покуда что, не въ состояніи сосредоточиться на какомъ либо одномъ занятіи. И очень ошибаются тѣ, кто полагаетъ, что такая подвижность обязательно говорить о

непостоянствѣ, объ отсутствіи воли и выдержки—далеко не всегда такъ: часто это лишь просыпающаяся любознательность, связанная съ такимъ естественнымъ, законнымъ любопытствомъ ребенка. Съ другой стороны, эта самая настойчивость, эта твердость характера—если она отсутствуетъ—приобрѣтается не путемъ принужденія, хоть и не грубо, не физическаго: только при интересѣ къ дѣлу, свободномъ соревнованіи и другихъ подобныхъ стимулахъ можно добиться упорства дѣтей въ достиженіи ими удовлетворительныхъ результатовъ.

Повторяемъ, клубъ—не школа, и руководители его—не школьные учителя, связанные определенными обязательствами и подробной программой. Конечно, показывая каждому посетителю Дома дальнейшія работы, руководитель слѣдуетъ извѣстному плану, соблюдаетъ необходимую последовательность, но его роль строго ограничена—онъ дежурный демонстраторъ. Поддерживая разными путями вышній порядокъ, онъ помогаетъ работающимъ своими совѣтами и указаніями и постоянно находится на мѣстѣ. Крайне желательно, чтобы руководители по всемъ работамъ бывали въ Домѣ ежедневно—и тогда для дѣтей имѣлся бы постоянно нѣкоторый выборъ, и каждый могъ бы ежедневно заниматься тѣмъ, чѣмъ ему хочется. Однако, недостаточное число работниковъ, съ одной стороны, и крайняя тѣснота помѣщенія, съ другой,—заставили насъ пойти вначалѣ на компромиссъ: несмотря на нареканія со стороны дѣтей, каждая работа производилась въ Домѣ лишь два три раза въ недѣлю.

Рациональность этой—назовемъ ее курсовой—системы незамедлительно проявилась: нѣкоторое время спустя дѣти уже вразумно лѣпили изъ глины, иллюстрируя отдѣльные моменты изъ прочитанныхъ

разказовъ или подмѣченныхъ словъ, недурно пошло и переплетное мастерство; а на устроенной черезъ восемь мѣсцевъ первой въ городѣ выставкѣ произведеній дѣтскаго творчества красовались — среди другихъ работъ — раскрашенныя бездѣлушки изъ дерева, какъ то: разные ножи для бумаги, рамочки и пр. Съ неподдѣльной радостью встрѣчено было дѣтьми введеніе столярнечества — на каждый изъ десяти маленькихъ верстаковъ было постоянно по одному отстоянкомъ, которые тутъ-же терпѣливо выжидали очереди; работавшіе же очень неохотно, иногда съ рѣзкимъ протестомъ, уступали свое мѣсто товарищамъ. Какъ и слѣдовало ожидать, многие наши посетители стали заниматься вначалѣ нѣсколькими работами одновременно; однако, большинство, слѣдуя своей склонности, отдавало предпочтеніе опредѣленному труду, и вскорѣ въ каждомъ отдѣлѣ образовалась небольшая сплоченная группа „завсегдатаевъ“.

Въ основу всѣхъ работъ — будь-то дѣлка или рисованіе, раскрашиваніе или выпрѣзываніе — введены были начала творчества, фантазіи, самостоятельности. Враги всякаго трафарета, убивающаго искусство во всѣхъ его произведеніяхъ, мы старательно избегали всего того, что напоминало ремесленничество; мы упорно боролись съ весьма распространенной, хотя и усталой манерой работы, съ тенденціями къ рабской копировкѣ и совершенно ненужному, вредному детализированію. Всѣ подробности, мелочи отбрасывались для того, чтобы не заслонять основного, самаго главнаго, чтобы идея, душа, зерно работы выявлялись возможно полно и ярко. Въ рисованіи и дѣлкѣ насъ не очень занимала техническая споровка дѣтей, ихъ умѣнье линію въ линію сфотографировать находящійся передъ глазами предметъ или его изображеніе. Пусть рисунокъ весьма мало походитъ на оригиналь, пусть даже трудно догадаться, что

хотѣлъ изобразить неопытный скульпторъ своимъ слѣпкомъ, но зато это вся *его* работа, это отображеніе *его* пониманія вещей, *его* представленій. Глина и карандашъ для клуба—не самоцѣль, а лишь средство для познанія и роста души, лишь способъ выраженія опредѣленныхъ выживаній и путь къ сатороженію, непримѣтному воздѣйствію на остроту воспріятій, на психику, на волю работающего. Намъ видно, что *хотѣлъ* изобразить работающій и почему онъ такъ, а не иначе изобразилъ; важно высвѣтить внутренніе импульсы, имъ руководившіе, а отнюдь не степень сходства копія и оригинала; еще важнѣе, наконецъ,—дать ребенку ту высшую обстановку, ту трудовую атмосферу, при которой только и можетъ развиваться его индивидуальность. Не линия, а контуръ, не отдѣльныя краски, а общій фонъ. Старый методъ, заставляющій вызубривать вначалѣ азбуку, затѣмъ наиболѣе простыя склады, за ними—склады сложныя и т. д. совершенно не интересуется дѣтей и наводить на нихъ лишь безнадежную скуку; мы старались уберечь дѣтей отъ этой скуки и поставить дѣло такъ, чтобы интересъ къ работѣ, проявленный съ перваго разу, продолжался и въ послѣдующее время. Дѣтямъ интересно прочесть сразу все слово, а не лишь отдѣльные слоги, складывать весь домъ, а не готовить отдѣльныя части его. Готовая работа, пусть и очень посредственная, дурно исполненная, безконечно милѣ имъ, чѣмъ долсо выправлявшаяся прямая линия или плоскость, безукоризненно круглый глиняный шаръ или гладко обструганная доска.

Насколько справедливо это, ясно показали намъ первый періодъ нашего столярничества. Методическій школьнаго типа учитель ремесла долгое время держалъ дѣтей, жаждавшихъ живой,

творческой дѣятельности, на безковечномъ струганьи длинныхъ брусковъ, и, свиста въ которое время, мы замѣтили охлажденіе къ работѣ,—были даже случаи, когда отдѣлы не функционировали, за отсутствіемъ желающихъ. Но какъ только руководителями сдѣлались новыя лица, иначе смотрѣвшія на дѣло, все оживилось, закипѣло: одни съ азартомъ стали мастерить рамочки, другіе—подставки и плавки—третьи взялись за починку клубной мебели. Конечно, дѣтямъ приходилось и тутъ стругать, но это дѣлалось совершенно иначе, легко, какъ бы мимоходомъ, ибо уже не упражненія то были, не урокъ, а необходимая часть опредѣленной работы. Имѣя передъ собою уже готовую вещь, хоть и плохо сработанную, членъ клуба ностарается затѣмъ внести тѣ или иные улучшения; заинтересованный своей работой, онъ ужъ самъ будетъ добиваться правды въ ней, и правда эта будетъ расти не только во вѣншемъ, въ механической подражательности оригиналу. Всякій новый коррективъ будетъ имѣть своей предпосылкой прогрессированіе въ области чувствъ, воспріятій, психики, явится показателемъ повышения личности, ея духовнаго уровня; установится тѣсная, непосредственная связь между внутреннимъ міромъ работающаго и его дѣйствіями, поступками, поведеніемъ, а видъ это именно и требуется въ данномъ случаѣ.

VIII. Экскурсіи и игры.

Въ ряду дѣйствительныхъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія далеко не послѣднюю роль играютъ въ настоящее время экскурсіи, которыя на западѣ успѣли уже занять прочное мѣсто. У насъ дѣло это лишь съ недавнихъ поръ стало

пробивать себѣ дорогу въ широкихъ общественныхъ кругахъ; въ официальныхъ оно и сейчасъ не получило еще полного признанія.

Мы не станемъ подробно показывать здѣсь пользу экскурсій, какъ одного изъ приемовъ новой педагогики; замѣтимъ лишь, что, помимо часто-образовательныхъ экскурсій, какъ средства для обогащенія знаніями и расширенія кругозора, крупное и самостоятельное значеніе имѣютъ также коллективные прогулки для пріятнаго отдыха и времяпрепровожденія. Дѣтскій Домъ, имѣя въ виду организацію современемъ и иныхъ экскурсій, началъ съ наиболѣе простаго и доступнаго. Объявивъ однажды записъ желающихъ и отобравъ—по жребію—человѣкъ двадцать пять—а охотниковъ бывало всегда въ нѣсколько разъ больше,—двое изъ нашихъ руководителей, захвативши съ собой достаточное количество хлѣба, сыру и дешевыхъ конфетъ, отправились съ дѣтьми къ морю; въ другой разъ были на пасѣкѣ, а разъ забрались далеко за городъ, гдѣ провели весь день въ большомъ веселіи. Такія экскурсіи повторялись нѣсколько разъ—все съ различными группами. Вначалѣ мы подбирали группы по возрастамъ, но вскорѣ выяснилось, что эти экскурсіи равно доступны, новымъ и пріятны всѣмъ дѣтямъ, начиная съ восьмилѣтняго и кончая четырнадцатилѣтнимъ возрастомъ. Хотя многіе члены нашего клуба прекрасно знаютъ море и бываютъ тамъ часто, тѣмъ не менѣе экскурсіи встрѣчались имъ съ радостью—пріятно и интересно ходить шумной „компаніей“ въ сопровожденіи старшихъ, которые нѣсколько не стѣсняютъ, не брюзжатъ, а часто и сами принимаютъ дѣятельное участіе въ играхъ, шалостяхъ, бѣготѣ. Впрочемъ, тутъ же выяснилось и такое характерное явленіе: живя въ сравнительно близкомъ сосѣдствѣ съ моремъ и обладая свободнымъ временемъ, большой процентъ дѣтей, даже 10-11 лѣтъ, ни разу

не были тамъ. Какъ оказалось, это были наиболѣе робкія и спокойныя дѣти и какъ разъ изъ семей слѣдившихъ за ихъ „воспитаніемъ“; дѣти одни не рисковали пойти ко морю, родители же ихъ, вѣчно занятые, не удосужались, не догадались или считали лишнимъ повести ихъ туда. Съ какой бурной стремительностью, съ какимъ восторгомъ эти дѣти лазили по скаламъ, швыряли камнями въ воду, играли и любовались волнами, тинной морской, морскими обитателями! Особенно большое впечатлѣніе произвело море на дѣвочекъ, которыя рѣдко выходятъ за предѣлы своего района и съ природой совсѣмъ незнакомы.

Если бы загороднія прогулки имѣли своимъ результатомъ одинъ только пріятный *отдыхъ*, то и тогда онѣ оправдывали бы себя вполне. Но наши первыя экскурсіи были плодотворнѣе—благодаря имъ, былъ заложенъ первый камень нашего клубнаго музея. Пользуясь соответствующимъ настроеніемъ дѣтей, руководители рассказывали имъ о жизни моря, о тѣхъ и иныхъ явленіяхъ, объ образованіи морского песка; тутъ же было предложено набрать различныя обломковъ скалъ—и острыхъ и уже обточенныхъ водой, большахъ и меньшихъ—для составленія соответствующей таблицы. Пробывши нѣсколько часовъ на воздухѣ, дѣти, нагруженные „матеріаломъ“, бодро, съ пѣснями, возвращались въ Домъ, а на слѣдующій день началась работа. То въ одиночку, то отдѣльными небольшими группами вчерашніе экскурсанты трудятся надъ коллекціями: тутъ готовится бѣлая картонная таблица, обводимая темнымъ ободкомъ изъ цвѣтной бумаги; тамъ подбираются камешки въ определенной послѣдовательности, а здѣсь торжествующій работникъ приклеиваетъ уже весь матеріалъ тонкой проволокой накрестъ и, гордый самостоятельной работой, собираетъ приклеить съ нижняго края узкую полоску бумаги—„работа такого-то“, при

чемъ самая-то надпись старательно и долго училась экскурсантомъ въ дѣятельномъ сотрудничествѣ съ пыснутымъ языкомъ. Черезъ день-другой таблицы—„образование песка“—развѣшены по стѣнамъ—на зависть тѣмъ, кто еще не былъ у моря и ожидаетъ очереди. Вскорѣ были составлены и таблицы „производство фаянса“, а черезъ нѣкоторое время дѣти запертояли лягушку и стали собирать стрекозы, бабочекъ и жуковъ для составленія коллекцій: приблизить шустрый мальчикъ и съ торжествомъ, но очень осторожно, передаетъ изъ рукъ въ руки коробочку, ожадая, что N. N. похвалитъ интересный экземпляръ. Впрочемъ этихъ интересныхъ экземпляровъ скопилось вскорѣ такая масса, что мы взмолились и, вызывая къ добросердечію маленькихъ коллекционеровъ, просили ихъ не губить понапрасну насѣкомыхъ. Предполагалось приступить и къ составленію гербарія, но это за отчетный періодъ времени сдѣлано не было. Изъ намѣченныхъ промышленныхъ заведеній удалось посѣтить съ группой лишь одну крупную типографію, гдѣ члены клуба—многіе сами продавцы газетъ—увидѣли весь процессъ созиданія большой газеты путемъ новѣйшихъ усовершенствованій. Пораженные всей картиной, дѣти хотѣли непременно сами потронуть машины, ощупать шрифтъ, взглянуть на жидкій металлъ; и если не всё проявляла при этомъ истинную любознательность, то дѣйствительное, активное любопытство захватило безусловно всю группу.

Достойна вниманія, во всякомъ случаѣ, параллель, которая напрашивается по поводу этой образовательной экскурсіи: какъ ведутъ себя, какъ реагируютъ на все для нихъ новое экскурсанты-дѣти среднихъ классовъ, привыкшіе къ извѣстнымъ культурнымъ требованіямъ, и какъ держали себя наши дѣти? Правда, наши внесли много шума, суеты, безпорядка, но зато была и экспансив-

ность, была большая активность при осмотрѣ, не стѣсняясь, дѣти забрасывали вопросами, требовали на все объясненій, обмѣнивались шутками и островами по поводу получаемыхъ отвѣтовъ. Не станемъ оскаривать, что въ дѣтяхъ среднего обывателя нѣтъ той благопріятности, воспитанности больше, но вѣдь, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ въ нихъ и той жизни, того интереса, той подкупающей непосредственности—слишкомъ ужъ всѣ тамъ гладко, раамѣренно, сѣро.

Помня о потребности дѣтскаго возраста, клубъ заботился о доставленіи своимъ членамъ и чистыхъ² развлеченій, не связанныхъ ни съ какимъ утилитаризмомъ,—нужно было хоть нѣсколько скрасить ихъ неприглядные будни, дать также здоровый, бодрящій смѣхъ, примитивную радость жизни. Однако, если въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, когда и возможности иныя и жажда вокругъ не такъ велика, можно и должно быть очень разборчивымъ въ самомъ выборѣ развлеченій, останавливаясь лишь на наиболѣе творческихъ, то въ данномъ случаѣ особенная строгость была бы неумѣстна. Тѣмъ не менѣе мы, не располагая никакими матеріальными средствами, всегда имѣли въ виду, что развлеченія не должны, вмѣстѣ со смѣхомъ, приносить и вредъ. Пусть и не такъ богатыя по самому своему существу, они для насъ приемлемы, если не причиняютъ зла дѣтской натурѣ, если не дѣйствуютъ въ ущербъ здоровой психикѣ дѣтей. Такимъ развлеченіемъ явился и кинематографъ, благо владѣлецъ одного изъ нихъ еженедѣльно отводилъ Дому на дѣтскіе сеансы по нѣскольку десятковъ безплатныхъ мѣстъ, и мы, въ свою очередь, могли раза два въ мѣсяцъ представлять каждому посетителю право входа туда. Въ кинематографѣ дем нстрировались виды разныхъ странъ, бытъ народовъ, комическія картины и др.; правда, не все стояло на высотѣ педагогическихъ требо-

ваній, но и здѣсь можно было вносить кое какія измѣненія, можно было добиться цензуры картинъ. Однако, послѣ двухъ-трехъ посѣщеній, пришлось отказаться отъ кинематографа, благодаря настойчивымъ требованіямъ большинства руководителей, находившихъ, что дѣти тратятъ тамъ *драгоценное* время совершенно непроизводительно. Было признано, что—ради видовыхъ и комическихъ картинъ, хотя и вызывавшихъ восторги зрителей—не слѣдуетъ водить туда дѣтей и что надо замѣнить это посѣщеніемъ научнаго кинематографа. Мнѣніе это одержало верхъ, дѣтскіе сеансы были забракованы.—

въ результатѣ дѣти стали снова усиленно посѣщать, частнымъ образомъ, вѣ Домъ,—общіе вечерніе сеансы. Раза два повели членовъ нашего клуба въ научный кинематографъ („для дѣтей и народа“), но имъ это не понравилось, ихъ не заинтересовало ни демонстрированіе холерныхъ вибрионовъ, ни наглядное представленіе о жизни человеческого организма. „Скучно это, неинтересно и даже противно“, заявило нѣсколько человекъ въ отвѣтъ на нашъ вопросъ.

Въ связи съ кинематографомъ всплыть и былъ поставленъ на обсужденіе принципиальный вопросъ объ играхъ и развлеченіяхъ. Меньшинство находило необходимымъ провести грань между развлеченіями-играми и занятіями играми. Трижды правы тѣ, кто стремится преподносить дѣтямъ знанія въ удобоваримомъ и пріятномъ видѣ и для этого соединяетъ ихъ съ тѣми или иными играючи—играми, ребенокъ легко и свободно усваиваетъ опредѣленные понятія, воспринимаетъ основы знаній. Однако, изъ этого отнюдь нельзя заключить, что игры-занятія вполне удовлетворяютъ запросамъ ребенка и что игры-развлеченія подлежатъ полной отмѣнѣ. Игры-занятія—есть занятія, которыя преслѣдуютъ опредѣленные образовательныя цѣли; ребенку же, повторяемъ, нуженъ также полный, радостный и весе-

лый отдыхъ. Вотъ почему, наряду съ полезными играми и игрушками, имѣють право существовать и просто-пріятныя игры, рядомъ съ научнымъ кинематографомъ, можетъ и долженъ быть и забавный „иллюзионъ“. Воспитанники Дома, въ большинствѣ своемъ, не оцѣнили научныхъ картинъ потому лишь, что они до этого еще не доросли, имъ еще чужды были и холерныя забрюны и, скажемъ, жизль вчель; но если бы все это имъ и понравилось, то и въ этомъ случаѣ общій кинематографъ, поскольку онъ доставляетъ безвредныя радости, не долженъ былъ быть упраздненъ. Большинство сотрудниковъ Дома этого, очевидно, не поняло: былъ забракованъ, поэтому, и кинематографъ и радъ игра, „никакой пользы не приносящихъ“.

IX. Тѣневая стороны дѣла.

Набрасывая отдѣльными штрихами общую картину, какая создалась въ Дѣтскомъ Домѣ уже послѣ первыхъ мѣсяцевъ работы и отбѣная при этомъ наиболѣе существенныя моменты ея, мы, естественно, старались выдѣлить то положительное, къ чему намъ удалось притти, старались дать сводку достигнутымъ результатамъ, не особенно распространяясь объ отрицательныхъ факторахъ работы. Само собой понятно, однако, что не все такъ ужъ гладко протекало, не все удавалось намъ тотчасъ же и въ полной мѣрѣ. Много было и огорченій, много силъ, энергіи и труда ухлопано было на упорную борьбу съ разнокалиберными элементами, наполнявшими наше учрежденіе, — далеко не всегда усилія эти оправдывались, не всегда энергія окупалась. Многие изъ работавшихъ въ безсилія неоднократно разводили руками, не зная,

что предпринять, и не всегда умѣя во время нащупать нужный пріемъ, который соотвѣтствовалъ бы основнымъ принципамъ дѣла; верѣдки были и случаи поспѣшнаго бѣгства „вопновъ“ съ поля сраженія. Одни извѣрились въ своихъ силахъ и своей выдержкѣ, уходомъ какъ бы расписываясь въ собственномъ банкротствѣ; другіе считали несостоятельными идеи, заложенные въ новомъ учрежденіи, и методы, проводившіеся въ немъ; третьи, наконецъ, понимая рациональность современныхъ путей, не сумѣли отбросить старыя навыки и перейти къ новымъ, совершенно инымъ, отличнымъ отъ прежнихъ. Но и тѣ, и другіе и третьи струсили, раньше и больше всего, передъ дѣйствительно своеобразной аудиторіей, которая ввалилась въ Домъ въ такомъ крупномъ количествѣ, съ такой большой охотой, но зато и съ такимъ необыденнымъ въ условіяхъ школьной жизни шумомъ, съ такимъ безпорядкомъ, съ такими ухватками. Справиться съ этою, совершенно недисциплинированной арміей, лишенной, задерживающихъ центровъ и совершенно не умѣющей да и не желающей бороться со своими страстями,—можно лишь при большой волѣ, при полной готовности выдерживать длительную осаду и при твердой вѣрѣ въ правильность избраннаго пути.

Съ самаго ранняго возраста, чуть не съ младенчества, дѣти улицы пріучаются не только защищать призванныя за ними права, но и создавать себѣ новыя путемъ примитивнаго насилія. Духъ общественности развитъ здѣсь крайне слабо, хотя въ то же время крѣпко близкое къ нему чувство товарищества. Сила—вотъ единственный доводъ отъ логики и справедливости, вотъ универсальный способъ доказательства; другихъ, болѣе культурныхъ способовъ тутъ не знаютъ. Гдѣ не помогаютъ брань и угрозы, тамъ несма дѣйствительнымъ оказывается воздѣйствіе нелов-

чившагося кулака; лицо побѣжденнаго, снабженное синяками, а то и орошенное собственной кровью, — лучше свидѣтельство правоты побѣдителя. Физическое насилие вошло у многихъ въ обиходъ, сдѣлалось чѣмъ то привычнымъ и какъ бы нормальнымъ; видъ крови далеко не всегда вызываетъ здѣсь жалость, а, наоборотъ, нерѣдко ослѣпляетъ, побуждая къ дальнѣйшей жестокости. Ту же службу, какую служить въ рукахъ взрослого хулигана ножъ, у подростка выполняетъ булыжникъ, который находится всегда въ карманѣ, на всякій случай. Грубость, ругательства, непристойности сопутствуютъ дракамъ и избиеніямъ.

Намъ пришлось уже упомянуть, что въ средѣ, которую обслуживалъ Дѣтскій домъ, не въ рѣдкость было и воровство. Съ первыхъ же дней работы выяснилось, что малолѣтніе члены клуба не останавливаются передъ расхищеніемъ также и нашего добра: мастерски исчезали въ болшемъ числѣ не только карандаши, ручки, бумага, но и ножъ, ножницы, книги, разные пособия. Вскорѣ исчезъ дорогой шарфъ, неосторожно оставленный одной изъ руководительницъ на видномъ мѣстѣ, а тамъ кошечка не стало, сельди у сосѣдей пропали и т. д. Нужно сознаться: кражи имѣли мѣсто не потому, что дѣти не научились отличать свое отъ чужого, что имъ было бы чужды были самыя понятія о собственности, нѣтъ, совсѣмъ не такъ. Преждевременно рано развиваясь, они прекрасно защищали свое добро отстаивали свою собственность зубами, но при случаѣ не брезгали и чужой; сами дѣти хорошо знали своихъ грѣшниковъ и на горячую минуту, во время какой-нибудь стычки, нерѣдко бросали имъ въ сердцахъ „вора“. Насколько можно было выяснить воровство среди дѣтей являлось и актомъ злой воли, но въ еще большей степени, и слѣдствіемъ тяжелыхъ матеріальныхъ условий. Слѣдуетъ оговориться,

однако: на гроши, вырученные за украденную и тотчас же продаваную вещь, дѣти иногда, быть может, покупали себѣ и хлѣба, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, правильнѣе предположить, что, въ большинствѣ случаевъ, деньги уходили на „баловство“: покупали папиросы, сласти, пили въ компаніи квасу, ходили „на качели“, въ иллюзіонъ. Въ фактѣ покражъ сказывалась, съ одной стороны, слабость нравственныхъ устоевъ, но съ другой, и главнымъ образомъ, полное отсутствіе праздниковъ жизни, безпросвѣтность ея. Дѣтской натурѣ маленькія радости точно такъ же необходимы, какъ и пища и одежда; лишеныя, одна ко, всего, этого, не имѣя ни пищи, ни одежды, ни радостей, дѣти добывали послѣднія запретными путями. Впрочемъ, извѣстны также единичные случаи воровства, какъ проявленія своеобразнаго ухарства, молодечества („ловко, молъ, стянуть, — артистъ“).

Любопытно отмѣтить отношеніе самихъ героев преступленія къ своимъ дѣяніямъ. Случалось конечно, что воръ и не скрывалъ отъ своихъ товарищей содѣяннаго, бахвалился даже, ставя всѣмъ угощеніе на заводившіеся капиталы. Въ большарствѣ же случаевъ ему бывало не по себѣ; и если кто-нибудь изъ своихъ намекалъ о томъ или иномъ грѣхѣ, грѣшникъ густо покраснѣетъ, глаза наполнятся слезами, и онъ очень горлчо пытается опровергнуть „вранье“. Конечно, кражами промышляли далеко не всѣ (какъ, впрочемъ, далеко не всѣ и дрались) — активныхъ преступниковъ было считанное число, но зато существовала масса пассивныхъ соучастниковъ, было много явно и тайно сочувствующей публики, — дѣтей, не сѣявшихъ, но жатву собиравшихъ. Отчаянные кражи, а дружина ихъ молчаливо пользовалась благами „дѣла“. Многіе изъ нихъ и сами бы не прочь стянуть что-либо, но одни побаивались родителей, сканда-

ла, другіе никакъ и не умѣли приступить къ самому дѣлу; вообще, у большинства дѣтей, въ силу ихъ слабости и половичатости, не хватало бы дерзости для активной роли, для совершения самого акта кражи, какъ чего то страшнаго. Они убѣждены, впрочемъ, что не сочувствуютъ кражамъ, искренно порицають ихъ, при случаѣ воюмшактся ворами, но не отмежевываются отъ послѣднихъ, не ставятъ рѣзкой грани между собой и ими.

Я, молъ, не укралъ, я тутъ не причемъ—такъ, приблизительно, усакаиваетъ свою маленькую совесть масса дѣтей—и тутъ же не только общается съ грѣшниками, но и охотно подбираетъ крохи съ ихъ нечистаго стола. Когда же—случайно—раскроется преступленіе и станутъ извѣстны его непосредственные виновники, эти же самые дѣти съ гордо-поднятой головой отойдутъ въ сторону, чтобы никто, чего добраго, не смѣшивалъ ихъ съ „тѣми босаками“. Впрочемъ, весьма распространенное явленіе это—пассивное соучастіе—крайне характерно, вообще, для всей той обывательщины, которая психологически, по своему интеллекту, можетъ, способна украсть, но, вѣроятно, никогда ничего не украдетъ,—единственно благодаря дряблости своей; это—самый несимпатичный и наиболѣе безнадѣжный типъ обывателя... Мы знавали, наконецъ, и честныхъ по натурѣ своей дѣтей, которыя съ замѣтной брезгливостью относились къ любителямъ чужой собственности; однако, и здѣсь не было громкаго возмущенія, не замѣтно было истиннаго негодованія, не слышались тѣ нотки идеалистичности, которыя характерны при глубокомъ убѣжденіи. Такъ какъ, однако, широко распространенный въ обществѣ взглядъ на свое и чужое былъ, повторяемъ, знакомъ дѣтямъ, приходится предположить, что понятія эти, въ силу тѣхъ или иныхъ социальныхъ причинъ, непримѣтно утратили въ

ихъ глазахъ свою неотразимость и непререкаемость.

Мы остановились болѣе или менѣе подробно на вопросѣ о присвоеніи чужого добра потому именно, что это явленіе, нерѣдкое и въ школьномъ быту, а въ Дѣтскомъ Домѣ ставшее вначалѣ очень ужъ частымъ, требовало особенно снѣснаго, но и исключительно осторожнаго, продуманнаго реагирования. Однако, кондуктный списокъ нашъ страдалъ бы существенной неполнотой, если бы, касаясь поведенія дѣтей, мы не упомянули еще о двухъ тяжелыхъ факторахъ—мы имѣемъ въ виду наблюдающееся въ дѣтяхъ стремленіе къ абыдничеству, во—первыхъ, и какой-то вандализмъ, озорство, во—вторыхъ. Последнее составляетъ, преимущественно, монополию наиболѣе „отпѣтыхъ“. Нападаютъ на нихъ вдругъ такой стихъ, и, какъ бѣшенныя, вихремъ несутся они по Дому; инстинктъ безсмысленнаго разрушенія обуялъ ихъ,—и все, что ни подвергается имъ подъ руки, будь то рисунки, книжки или ихъ же собственныя работы, въ мигъ обращается въ клочья. Съ какимъ то сладострастіемъ подвергаютъ они легкой казни всякую вещь, все, что имѣло неосторожность попасть въ ихъ поле зрѣнія. Тутъ именно, въ этой дикой безшабашности, и коренятся зародыши подлиннаго хулиганства. Среди „ушкунниковъ“ Дѣтскаго Дома встрѣчались и закоренѣлые, принципиальные вандалы, которые занимались уничтоженіемъ всего, встрѣчавшагося имъ на пути, изъ любви къ сему искусству, методически, постоянно, даже и не въ приподнятомъ настроеніи. Этотъ же озорникъ никакъ не упуститъ случая и непременно ударить или ущипнуть мѣмоходомъ собѣда, толкнетъ или схватитъ за ногу углубившагося въ работу товарища, и все это продѣлывается спокойно, незлобиво, съ улыбкой на устахъ и блескомъ въ блестящихъ—непремѣнно блестящихъ, жуликоватыхъ—

глазахъ. Надо, однако, отдать справедливость „боснякамъ“: почти монополизирова область буйныхъ экспессовъ, они оставили дѣло ябедничества своимъ болѣе спокойнымъ товарищамъ; сами же не только не „занимались ябедой“, но зачастую нешадно били за нее своихъ сочленовъ. Довосительство же, кляуза, повторяемъ, занесена была въ Домъ массой сѣрыхъ, безцвѣтныхъ дѣтей, которые пытались такимъ путемъ и защитить себя отъ буйства, и понравиться и выслужиться передъ нами, руководителями учрежденія. Если, въ дополненіе ко всему сказанному, мы отмітѣмъ также весьма недоброе отношеніе христіанскихъ дѣтей къ евреѣйскимъ, съ одной стороны, и всѣхъ мальчиковъ ко всѣмъ дѣвочкамъ, съ другой,—то и получимъ болѣе или менѣе полную картину, на фонѣ которой протекала съ самаго вачала работа Дѣтскаго Дома и его учредителей.

X. Мѣры воздѣйствія.

Какъ же бороться со всѣми этими явленіями — съ драчливостью и сквернословіемъ, съ воровствомъ и озорствомъ, съ антиобщественностью и ябедничествомъ,—наконецъ, съ дикими проявленіями зоологическаго націонализма. Мы твердо вѣрили, что современемъ все это исчезнетъ, отойдетъ въ область прошлаго; постепенно намъ удастся одержать побѣду надъ своей дезорганизованной арміей; упорное, безостановочное вѣдреніе вонюхъ вавыковъ неминуемо приведетъ къ отрицательнымъ результатамъ,—живой экстрактъ вонюй жизни, въ ко-вечномъ счетѣ, не можетъ не всосаться въ податливый организмъ дѣтскаго коллектива. Что именно мы собирались противопоставить всему этому, какую другую обстановку стремились дать дѣтямъ,—какъ вѣксе противоядіе вліанію ихъ обста-

новки, ихъ среды, всей ихъ жизни,—объ этомъ въ краткихъ словахъ было говорено выше. Однако, какъ быть въ данный моментъ,—сегодня, завтра? Какими путями достигнуть уже сейчасъ необходимаго минимума,—того минимума внѣшняго порядка, при валичii коего только и возможно приступить къ планомѣрной работѣ? Анархiя—весьма слабый проводникъ всего положительнаго, творческаго, и весьма мало сулитъ она надежды. Что же предпринять для ея укрощенiя, для того, чтобы ввести бушующее море въ какiе ни на есть—пусть и крайне широкiе пока—берега?

Пока нѣтъ дисциплинированности ума и чувства, пока не воспитана разумная воля, необходима хоть внѣшняя дисциплина, нужно изыскать какойнибудь стимулъ, который заставилъ бы дѣтей сдерживать себя хотя бы на то время, пока они находятся въ Дѣтскомъ Домѣ. Но какъ добиться этой внѣшней дисциплины, какой стимулъ можетъ оказаться въ нашихъ условiяхъ—не только действительнымъ, но и приемлемымъ? Въ принудительныхъ коллективахъ внѣшнiй порядокъ среди элементовъ безпорядочныхъ достигается цѣлой серiей строгихъ взысканiй, а стимуломъ послушанiя является страхъ передъ этими взысканiями; въ школахъ та же сѣть и легкихъ и болѣе тяжелыхъ наказанiй, та же боязнь послѣдствiй. У насъ всего этого быть не можетъ: для насъ немислимъ этотъ устрашающiй стимулъ, какъ совершенно неприемлемъ и самый принципъ наказанiй. Вправдѣ ли мы наказывать дѣтей, если знаемъ природу и подоплеку ихъ преступленiй? Да за что взыскивать-то? За то ли, что они являются прямымъ порожденiемъ жизни, продуктомъ среды. Или за то, что въ хлѣбѣ, въ свѣтѣ и въ воздухѣ они всегда нуждаются, что воспитать ихъ некому было, что радости у нихъ никогда нѣтъ, а душа этого настойчиво требуетъ? Наконецъ, за то, можетъ быть, что

условія ихъ быта такъ удручающе богаты уродливыми явленіями? Нѣтъ, наказывать мы не вправе, не смѣемъ; впрочемъ, наказывать мы и не можемъ,—физически не можемъ.

Наказаніе есть продуктъ непременно обязательныхъ отношеній и обуславливается существованіемъ двухъ различныхъ по своему положенію сторонъ: одной практически, а не только психически, подчиненной и другой—подчиняющей; одной—физически сильной, другой—физически слабой. Нельзя вѣдь забывать, что такъ называемое добровольное подчиненіе тоже несвободно, оно базируется въ конечномъ счетѣ, тоже на силѣ: лишь вѣра въ дѣйствительность этой послѣдней, благо-разумные люди часто вынуждены, „добровольно“ подчиняться чужой волѣ, какъ бы мало они ей ни симпатизировали. Но вѣдь у насъ вовсе нѣтъ рабства, нѣтъ подчиненности, вѣдь въ нашихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ совершенно исключенъ элементъ принужденія: дѣти совсѣмъ не обязаны посѣщать Домъ, могутъ бывать тамъ, когда и сколько хотятъ, и если бывають у насъ, то, дѣйствительно, лишь по доброй волѣ, исключительно, по охотѣ. И, если бы мы когда-либо и вздумали въ той или иной формѣ наказать ребенка, намъ это просто не удалось бы: ощущая свободу взаимоотношеній и отсутствіе у насъ принудительной силы, онъ не повиновался бы нашимъ приказаніямъ—и все тутъ. И рѣшительно ничего въ этомъ смыслѣ сдѣлать не удалось бы.

Впрочемъ, эта вполне естественная увѣренность дѣтей въ томъ, что никто не посмѣетъ ихъ наказать, что они гарантированы отъ всякаго насилія,—а, особенно, физическаго,—давала, наряду съ несомнѣнными положительными результатами, также и отрицательные. Многіе изъ нашихъ посѣтителей, почти никогда не слышавшіе отъ своихъ родителей

словесныхъ доводовъ и доказательствъ и привыкли признавать лишь прикладную аргументацію, въ видѣ физическаго воздѣйствія, нерѣдко провоцировали насъ на употребленіе силы. Случалось, что какой-нибудь сорванецъ, будучи почему либо въ особенно-воинственномъ настроеніи и стремясь досадить данному руководителю, не пользуясь у него ни авторитетомъ ни любовью, тутъ же, на глазахъ старшихъ, позволялъ себѣ ту или иную выходку; на просьбы—прекратить безобразіе—нагло улыбавшееся лицо вызывающе отвѣчало: „не хочу; а что мнѣ сдѣлаетъ?“. Впрочемъ, это, разрѣшала себѣ рѣдко отдѣльные „босики“ и справедливость требуетъ признать—большею частью тогда когда руководитель допускалъ какую-нибудь безтактность, когда онъ не умѣлъ надлежаще реагировать на то или иное явленіе, не находилъ нужнаго тона. Смотря, какой-нибудь пакостникъ намѣренно безобразитъ и тутъ же вертится подъ ногами съ явнымъ, не скрываемымъ желаніемъ получить тумака; очевидно, ему это иногда пріятно, даже нужно, отъ тоскуетъ по милой встряскѣ...

Совершенно отказавшись отъ принципа возмездія, мы нрѣдка прибѣгали, все-таки, къ нѣкоторымъ формамъ непосредственнаго реагирования на поведеніе дѣтей: выражалось это въ видѣ лишенія виновниковъ нашей благосклонности и перехода съ теплаго, дружескаго обращенія съ ними на вѣжливый сухой тонъ. Иногда какой-нибудь особенно напроказившій мальчуганъ, лишался также права участія съ нами въ прогулкѣ или совместнаго пѣсненія какого нибудь зрѣлища; однако, этому придавался характеръ не наказанія, а недовольства—получалось такъ, что сами сотрудники, соучастующіе дѣламъ, не пожелали имѣть въ своемъ составѣ такого то проказника. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь необходима крайняя осторожность: не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ оружіемъ, иначе оно

скоро притупится и потеряет свою силу; а затѣмъ—самое реагированье, поскольку оно признано необходимымъ, должно послѣдовать непремѣнно тотчасъ же, вслѣдъ за поступкомъ,—позже оно, вмѣсто ожидаемой пользы, причинитъ лишь вредъ. Дѣти улины, вслѣдствіе своей большой экспансивности, весьма стремительно задумываютъ и осуществляютъ какую-нибудь проказу и тѣмъ же скоро забываютъ про нее; и если даже черезъ два-три дня восполнится то или иное реагированье, это вызоветъ лишь новые эксцессы. „Преступникъ“ сейчасъ уже не помнитъ своей вины, въ данный моментъ онъ въ спокойномъ состояніи и вдругъ къ нему „придираются“, его обижаютъ: оно не только совершенно излишне, оно и вредно, поскольку вредно въ нашей тяжелой работѣ всякое венужное раздраженіе, ведущее къ новымъ выходкамъ.

Мы уже говорили, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшающую роль играетъ все тотъ же тактъ старшихъ: видя основную цѣль своего вмѣшательства *только* восстановление порядка, руководитель долженъ стараться все сглаживать, утихомирять: опытъ говоритъ, что достаточно бываетъ иногда двухъ-трехъ дружески, но серьезно, сказанныхъ словъ, чтобы унять буяна; часто слѣдуетъ не слышать, не замѣчать, а часто преласкать, посмѣяться.

Но вотъ какой нибудь сорванецъ или небольшая группа ихъ свирѣпствуютъ сегодня особенно жестоко и вестерливо: либо они пришли въ Домъ въ приподнятомъ настроеніи, послѣ какой-нибудь уличной исторіи; либо-что, къ сожалѣнію, тоже бывало совсѣмъ не въ рѣдкость—руководителей явилось весьма мало, мало игръ и занятій, и некому занять всѣхъ дѣтей. Словаясь безъ дѣла, они начинаютъ забавлять себя различными выходками.

Никакія напоминанія, повторныя просьбы, доводы не помогают, и тогда въ резервѣ должна оставаться—какъ средство крайнее—изоляция сугубаго безобразника, удаленіе его изъ среды тѣхъ, кому онъ своимъ поведеніемъ мѣшаетъ. Но и это можно дѣлать, лишь исчерпавши всѣ другіе способы, и тактъ, чтобы неизбежность даннаго шага была совершенно ясна всѣмъ присутствующимъ дѣтямъ, чтобы они его какъ бы санкціонировали своимъ—пусть и молчаливымъ—одобреніемъ. А затѣмъ—что особенно необходимо помнить—удаленіе это ни въ какомъ случаѣ нельзя превращать въ наказаніе. Если, какъ это было у насъ, дѣти успѣли уже привязаться къ своему клубу и полюбить его, изоляция это сама по себѣ явится для нихъ несомнѣнной неприятностью; мы же прибѣгаемъ къ этому лишь какъ къ послѣднему средству сохранить необходимый порядокъ *въ данный моментъ*. Но вредность мальчугана стихійна, настроеніе его скоропреходяще; отсюда—неизбѣжный выводъ: удаленіе тоже не можетъ быть длительнымъ, не должно нормироваться опредѣленными сроками. Сейчасъ посѣтитель востерпѣвъ—и онъ удаляется; но уже черезъ два часа, успокоившись и, быть можетъ, отдохнувши, приходитъ онъ снова въ Домъ—въ совершенно другомъ настроеніи—и тогда его *нужно* впустить. Тѣмъ паче, нельзя удалять его на два дня, на недѣлю, на мѣсяцъ—и не за что и крайне нецѣлесообразно.

Крупную ошибку—и тактическую и педагогическую—допустило въ этомъ отношеніи большинство руководителей Дома, и вѣдешеву обошлась она, весьма неприятныя послѣдствія дала. Первое: далеко не всегда удаленіе дѣтей вызывалось безспорной необходимостью, ибо не исѣ другіе пути бывали предварительно испробованы. А затѣмъ—и что всего хуже—при удаленіи виновника принималась во вниманіе степень его вины, а это уже со-

вершено неправильно. Въ данномъ его настроеніи факты совсѣмъ несущественны и являються простой случайностью, капризомъ психики,—мальчуганъ съ одинаковымъ успѣхомъ могъ совершить какъ незначительный проступокъ, такъ и крупную пакость. Но борьба вѣдь идетъ въ данномъ случаѣ съ настроеніемъ, а не съ личностью, и остракизму онъ можетъ подвергнуться только при упорствѣ, при длительности этого настроенія. Въ Домѣ учитывали, однако, степень важности проступленія и стали изгонять на сроки. Привыкшій къ Дому изгой являлся, тѣмъ не менѣе, къ намъ уже на слѣдующій день; если ему удавалось проникнуть внутрь, онъ старался быть незамѣченнымъ, избѣгалъ опасныхъ встрѣчъ съ руководителями, спокойно и усердно работалъ. Но, въ большинствѣ случаевъ, его вскорѣ открывали,—и тутъ-то разыгрывались тяжелыя—скажу, безобразныя—сцены. Грѣшникъ начиналъ просить, осыпался на то, что вѣдь сейчасъ онъ спокойно работаетъ и никого не трогаетъ, что онъ былъ невиноватъ вчера, что, наконецъ, и такіе-то безобразности тоже, а почему ихъ пустили? На это ему указываютъ, что таково, молъ, постановленіе всей комиссіи, и мы безсильны сдѣлать для него что-либо сейчасъ—онъ долженъ немедленно удалиться и не приходить до конца срока своего изгнанія. Видя, однако, всѣхъ „своихъ“ за работой и не желая уходить на улицу, гдѣ все такъ слѣкотно, холодно, сыро, скучно, гдѣ никого изъ товарищей нѣтъ („всѣ сюда позабавались“), мальчишка мало интересуется разными тамъ комиссіями и свѣтостью ихъ постановленій; онъ не хочетъ уходить и продолжаетъ настаивать—настаиваемъ и мы. Иногда группа выключенныхъ прекрасно знаетъ, что не будетъ выпущена и ничѣмъ, слѣдовательно не рискуетъ,—врывается въ Домъ демонстративно и задается цѣлью пакостить, доходя даже до гнусностей („а чего не выпускаете?“). Но

вотъ, съ большими усиліями мы, наконецъ, выпро-
важиваемъ проказника за ограду, нѣ вашей тер-
риторіи. Онъ постовѣть-постовѣть, снова попросится,
снова получить отказъ, а тамъ начинается со скуки
да со злости безобразничать: дѣтей проходящихъ
затрагиваетъ и бьетъ, демонстративно курить, кри-
чить, бранится. Руководитель выйдетъ, попроситъ,
пригрозитъ продленіемъ срока, выключенный еще
пуще озлится; даліе—больше, а тамъ, смотришь,
—и камень въ окно полетѣлъ и на улицѣ тѣ или
иные руководители оскорблены. Что вы съ ними
подѣлаете,—особенно въ малолюдномъ мѣстѣ, гдѣ
неловкость испытывать имъ не предъ кѣмъ? Поли-
цію развѣ на помощь звать? Растетъ гекатомба
преступленій за каждымъ сорванцомъ.—растетъ
параллельно и его озлобленіе, растетъ и срокъ
изоляции: одно порождаетъ другое. Наступилъ, на-
конецъ, моментъ, когда не только былъ поднятъ
(поднимался неоднократно!), но и рѣшенъ въ утверди-
тельномъ смыслѣ вопросъ объ окончательномъ
изгнаніи изъ Дѣтскаго Дома нѣсколькихъ, особен-
но отличавшихся подростковъ. Фатально, силой
вещей, взарѣвало это рѣшеніе, оно вытекало изъ
предшествовавшихъ шаговъ. Но—для нѣкоторыхъ
работниковъ дома—совершенное выключеніе дѣтей,
—и именно тѣхъ, кто больше всего въ насъ ну-
ждается и для кого, собственно, и созданъ Домъ
на окраинѣ,—равносильно было большой катастрофѣ,
крушенію основныхъ привычекъ. Это было отка-
зомъ отъ широкихъ общественныхъ задачъ, отъ
самой идеи *народныхъ* дѣтскихъ клубовъ и, въ част-
ности, отъ ихъ крупнаго значенія, какъ орудія
борьбы съ дѣтскимъ хулиганствомъ.

Къ такимъ-то тяжелымъ послѣдствіямъ приве-
ла основная ошибка, допущенная работниками Дома
во взглядѣ на самую сущность изоляціи и въ оп-
редѣленіи ея длительности. Впрочемъ, и здѣсь
имѣлся выходъ изъ положенія, и выходъ разум-

ный, но, въ силу нѣкоторыхъ ложныхъ представле-
ній, онъ, къ сожалѣнію, оказался забракованнымъ.
Въ практикѣ нашего учрежденія извѣстны случаи,
когда необходимо было тотчасъ же и въ рѣзкой
формѣ реагировать на какую нибудь особенно без-
образную выходку и ощущалась потребность сра-
зу и сильноодѣйствующимъ средствомъ пробудить
спящее сознаніе, отрезвить проказника и поста-
вить его на надлежащее мѣсто, чтобы другимъ не-
повторно было. И если въ такихъ случаяхъ выведен-
ные изъ равновѣсія руководители, не находя тутъ
же другихъ способовъ, опредѣляли выключение на
сроки, это имѣло за собою нѣкоторое психологи-
ческое объясненіе. Но тогда, параллельно съ этимъ,
необходимо было и введеніе сущаго тѣснаго коррек-
тива въ формѣ „досрочнаго освобожденія“. Когда
уже на слѣдующій день столкнешься съ исключен-
нымъ, послушаешь его просьбы и общанія, когда
видишь съ его стороны искреннюю готовность, снова
прочекунувъ въ Домъ, держать себя пристойно, не
можешь, не смѣешь не вѣрить ему, — даже если
онъ успѣлъ издавна лишь нарушать такое свое
общаніе. Да и нѣтъ смысла продолжать изгнаніе
ибо нѣтъ никакихъ основаній думать, что черезъ
извѣстное число дней онъ будетъ лучшимъ поведе-
ніемъ, чѣмъ сейчасъ, — впрямь удаленіе воспитательной
роли ужь никакъ играть не можетъ.

Пишущій эти строки нѣсколько разъ усту-
палъ просьбамъ, и ему отнюдь не приходилось
раскаиваться въ своемъ максимизмѣ — ничего,
кромѣ признательности и желанія угодить руково-
дителя — онъ со стороны провинившихся не встрѣ-
чалъ. Да и какъ было не впустить въ читальнѣ —
о ней рѣчь впереди — свѣтло, уютно и весело, нѣ-
которые столы заняты читающими про себя; въ
сторонкѣ, составивши тѣсный кружокъ, дѣти слу-
шаютъ чтеніе руководителя. А на подоконникѣ, но
по ту сторону, — въ холоду и темнотѣ — завистливо

цѣпляются и заглядываютъ внутрь изгоя. Тутъ не каждый вновь приходящій членъ клуба передаетъ успешныя ходатайства находящихся въ дворѣ, причемъ не переминетъ и самъ замолвить теплое словечко. Когда же случайно повернешь голову въ сторону оконъ, встрѣчаешься съ молящими глазами дѣтей, жестами сигнализирующихъ грядущее свое спокойствіе. И тогда становится неловко, стыдно переѣзжающими наружу, тогда самъ испытываешь чувство вины... Припоминается особенно рѣзко еще и слѣдующій случай. Однажды — то было черезъ полтора мѣсяца по открытіи Дома — признано было необходимымъ потюковать съ посѣтителями по поводу большихъ неурядицъ, установившихся въ послѣдніе дни; бесѣду эту долженъ былъ вести я. Съ первыхъ же минутъ мнѣ стало ясно, что группа сорванцевъ, человекъ 8-9, пришла съ цѣлью „сорвать“ бесѣду: они тутъ же безобразничали, прерывали говорившихъ, паясничали. Я предлагалъ имъ сѣсть возлѣ меня, раза два прерывалъ разговоръ, выжидая, пока они успокоятся — ничего не помогало: публика разошлась во-всю и была совершенно невмѣняема. Мнѣ пришлось тутъ же констатировать опасный характеръ шалостей — впервые мальчуганы стали безобразничать открыто, цинично, на виду: такъ, одинъ просить слова и, получивши его въ очередь, заявляетъ, что курить хочетъ; другой при сдержанномъ смѣхѣ всѣхъ дѣтей, выкидываетъ подобную же шутку и т. д. Видя, что зараза распространяется, я въ твердыхъ тонахъ предлагаю всѣмъ присутствующимъ выключать двухъ зачинщиковъ, главныхъ вожаковъ, на пять дней, что и принимается. Съ шумомъ выходятъ вожаки, а за ними вслѣдъ, демонстративно, ближайшіе ихъ товарищи и соратники. Громко прощаясь, съ видомъ самымъ заубреннымъ, направляются они — черезъ столы и скамьи — въ корридоръ и съ гикомъ, присвистываніемъ и притоптываніемъ вы-

ходятъ во улицу. Тотчасъ же подъ окнами разда-
ется кошачій концертъ, летятъ камни въ стекла,
слышатся ругательства... Выхода, по окончаніи заня-
тій, на улицу, я еще издали примѣтилъ въ тем-
нотѣ нѣсколько фигуръ, о чемъ-то оживленно шеп-
тавшихся; завидя меня, два-три подростка быстро
отдѣлились и стали на дорогѣ, держа что-то въ
рукавѣ. Понимая, что здѣсь что-то затѣвается и
что необходимо, поэтому, дѣйствовать, я наиѣежно-
замедлилъ шагъ и держась поближе къ разгово-
рщикамъ, громко простился. Этими „до-свиданья,
господа“ сразу какъ-то разрѣжена была атмосфера;
сбитые съ толку неожиданностью сорванцы, среди
которыхъ не было, очевидно, полнаго согласія, въ
одиночку подошли ко мнѣ. Одинъ, дѣлая видъ, что
не помнитъ, вызывающе спрашивается, насколько
его выключили,—я спокойно и дѣловито отвѣчаю
другой, ушедшій по своей волѣ и явно бравиру-
ющій этимъ обстоятельствомъ, задаетъ тотъ же
вопросъ—я такъ же спокойно заявляю, что онъ
не выключенъ. Тутъ же я перечисляю, какія сим-
патичныя затѣи нами задуманы, но не могутъ
быть осуществлены изъ-за поведенія нѣсколькихъ
зачинщиковъ; апеллируя къ послѣднимъ, я вспоми-
наю, что нѣдѣ они сами на-дняхъ рѣзко высказались
за выключеніе систематически нарушателей порядка.
Въ отвѣтъ на это добровольно ушедшій сорванецъ
заявляетъ буквально слѣдующее (цитирую по днев-
нику): „да, выключать ихъ, выключать, щобъ не
баловались; а выключили холодныхъ, и я ушелъ.
Они мои товарищи, если ихъ то и меня. Нельзя
иначе. Пусть всѣ идутъ.“ Такъ формулировалъ
чувства коллективизма двѣнадцатилѣтній вороватый
хлопецъ, по профессіи свинопасъ... Потолковавши
еще нѣсколько минутъ просто дѣловито, ровно, я
простился; отвѣтили не всѣ присутствовавшіе, по-
затѣи ихъ—ясно было—провалены... На слѣдующій
день всѣ вчерашніе буяны были на мѣстѣ, у ка-

лятки Дома, еще за полчаса до открытія, но никого изъ нихъ не пропустили; когда я пришелъ, ко мнѣ обратился упомянутый выше коллективистъ съ указаніемъ, что, вѣдь, его не исключали, почему же „не пушаютъ“—я и пропустилъ, появивши, что желаніе быть въ Домѣ оказалось сильнѣе чувства товарищества. Черезъ нѣкоторое время проникли и „изгой“, но имъ тотчасъ же было указано, что они должны подчиниться рѣшенію товарищей и уйти, они обѣщали удалиться, не обѣщанія своего не сдержали. Спокойно и чинно работая и стараясь не попадаться на глаза, они оставались въ помѣщеніи Дома до конца. Я также старался не замѣчать ихъ: работъ имъ не поручалъ, на односложные вопросы тоже односложно и сухо отвѣчалъ. Въ послѣдующіе дни эта же серіозная прекрасно вели себя, сдѣлывали поддержанію порядка, помогали старшимъ, и такимъ образомъ инцидентъ вскорѣ разошелся.

Но досрочное освобожденіе вызвало сильнѣйшую оппозицію со стороны большинства, считавшаго это актомъ совершенно недопустимымъ и деморализующимъ. По мнѣнію руководителей, это подорветъ ихъ авторитетъ окончательно: сорванцы истолкуютъ „пемиллованіе“, какъ признакъ нашего безсилія, и тогда съ ними совсѣмъ сладу не будетъ—они станутъ все больше наглѣть. Если уже назначено вѣдѣніе на опредѣленный срокъ, необходимо, молъ, выдерживать до конца, не останавливаясь даже передъ самыми крайними мѣрами, и ни подъ какимъ видомъ не идти на уступки. Только въ этомъ случаѣ проказникъ пойметъ, что съ нами шутки плохи и что необходимо подчиниться опредѣленному порядку.

И тутъ, въ этомъ стремленіи къ охранѣ физической авторитета, сказала та же старая за-
васка, тотъ же духъ дисциплины, основанный лишь

на силѣ и страхѣ. Вѣдь истинной авторитетность въ такихъ условіяхъ быть не можетъ—это липа-люзия ея; между тѣмъ, смѣть говорить, что разумная благожелательность, умѣнье быть настолько справедливымъ и требовательнымъ, не я забывчивымъ, возмѣщаетъ въ глазахъ дѣтей авторитетъ старшихъ. Надо обставить дѣла такъ, чтобы вракиники видѣли, что, въ действительности, мы могли бы и не впускать ихъ, но хотимъ забыть прошлое, хотимъ простить имъ предѣлки и вѣрять въ ихъ добронерядочность—и нечего смѣяться тогда умаленію своего авторитета. Что же до острастки, какъ стимула, то вѣдь каждый носѣтитель поскольку онъ дорезать Демонъ—решуется, въ случай особыхъ эксцессовъ, быть удаленнымъ на данный день, а этого вполне достаточно. Дабы покончить съ вопросомъ, слѣдуетъ констатировать, что дѣти, всегда рекомендовавшія исключеніе безобразниковъ, за нечувствительности досрочному помилуванію: они старались прикрыть нелегальное проникшаго своего товарища отъ нашихъ взоровъ, ходатайствовали за нихъ, а иногда, при серьезности дѣла, выражали даже готовность „ручаться“.

XI. Самоуправленіе.

Потеряемъ: и одиозное и срочное удаленіе носѣтителей—все это мѣри отнюдь не воспитательнаго характера: къ нимъ приходится прибѣгать лишь въ случаяхъ крайнихъ, экстренныхъ, и при необходимости тотчасъ же парализовать распространеніе заразы; кѣмъбымъ же средствами ихъ никакъ превзять нельзя. Но и въ значномъ мерализированіи телку мало—оно, подобно надоблившему жуванію шмеля, скучно, оно и непродуктивно: нотадія выслушиваютъ дѣти и дома, и въ школѣ и на фабрикѣ, это въ достаточной мѣрѣ пріѣлось имъ и воспринимается весьма слабо. Различные регламенты, какіе мы могли бы своей

властью ввести въ Домъ, тоже ни къ чему, — имъ неучиниться не будутъ. Есть болѣе дѣйствительный путь.

Параллельно съ введеніемъ здороваго трудоваго начала, рациональнѣйшимъ способомъ борьбы съ дурными наклонностями некалѣченыхъ натуръ является въ коллективизмъ какъ личный примѣръ, такъ, главнымъ образомъ, некримѣтное, но и неуклонное воздѣйствіе громады. Нѣтъ такого коллектива, гдѣ рѣшительно у всѣхъ была бы одинакова безылая исконка, одинаково узорная воля, одинаково бурный нравъ: неумѣнно найдутся и болѣе уравновѣшенные, хотя и менѣе самобытные люди съ иными вкусами и инымъ, болѣе мирнымъ настроеніемъ — и такихъ именно, какъ показываетъ опытъ, — постоянное большинство. Но весь секретъ не только физическаго, но и моральнаго владычества этого буйнаго меньшинства — въ инициативности его единицъ, въ ихъ яркости, въ ихъ большой активности, и главнымъ образомъ, въ совершенной неорганизованности сравнительно спокойнаго большинства. Слабая воля цѣлаго десятка изъ этого большинства пасуетъ передъ пріятельной силой отдѣльнаго смѣльчака, передъ его — пусть какими и какими — подвигами; сила, храбрость, натискъ иммигрируютъ, нравятся, влекутъ къ себѣ, — часто независимо отъ внутренняго содержанія этихъ подвиговъ. Впрочемъ сознаніе и воля большинства очень часто и не одобряютъ поведенія этихъ яркихъ единицъ, но видъ это сознаніе и эта воля пассивны, видъ элемента сопротивленности въ нихъ нѣтъ: они способны поразить уже *post factum*, спустя нѣкоторое время, но совершенно неспособны возмущаться на мѣстѣ, въ самый нужный моментъ, не умѣютъ оказать ни неаппетитнаго ни какого иного противодѣйствія. Ихъ перабождаетъ большая активность отдѣльныхъ соразносъ, ихъ воля поглощается волей болѣе

сильной; ибо въ нихъ нѣтъ стойкости, и цѣны они не сами по себѣ, лишь а какъ составная часть большого цѣлаго.

Между тѣмъ, эта пассивность, это молчаливое сочувствіе толпы, эти одобрительные смѣшки лишь больше раззадориваютъ лицедѣевъ; здѣсь, именно въ этомъ, они черпаютъ дальнѣйшую поддержку, свѣжее вдохновеніе, новую смѣлость — они сильны тѣмъ, что слабъ коллективъ... Ясно, что нужно создать прочный, коллективъ, организовать общественное мнѣніе сконцентрировать и сплотить отдѣльныя слабыя воли — и тогда получится сила, которая сумѣетъ противостоять натиску меньшинства. Когда это будетъ сдѣлано, когда, такимъ образомъ, сорванцы окажутся изолированными, они немедленно сократятся, ибо очень скоро учуютъ опасность тяжелаго одиночества. А залогомъ того, что, въ общемъ, большинство не сочувствуетъ выходкамъ отдѣльных „босиковъ“, можетъ служить ихъ привязанность къ Дому и большая любовь къ землѣ работъ и занятіямъ, какія мы имъ предоставляемъ. Всякій безпорядокъ безусловно мѣшаетъ этимъ работамъ — и ясно, что работающіе не могутъ, не должны быть довольны. Нужно потерпѣть самое незначительное время — доколѣ повторныя выступленія ушкунниковъ перестанутъ быть заманчивой новинкой и начнутъ нѣсколько пріѣдаться — и тогда необходимо противоставить солидарной группѣ сорванцовъ волю организованнаго большинства.

Но можетъ ли служить эта воля сдерживающимъ вачаломъ, подчинится ли буйное меньшинство этому пассивному большинству? Съ виду кажется это нѣсколько страннымъ и даже неправдоподобнымъ, но оно такъ: именно они эти сорванголы, всего больше дорожатъ мнѣніемъ громады, только своимъ авторитетомъ у нея они и держатся. И стоятъ только этой массѣ всячески слабыхъ

дѣтей завтра же возесть противъ нихъ, какъ весь ихъ куражъ немедленно пропадетъ—пофорсятъ-пофорсятъ-да и ступуются... Можно, поэтому, предполагать,—и опытъ блестяще подтвердилъ это, что сорванцы будутъ признавать извѣстныя правила, считать ихъ и для себя обязательными, если правила эти провести черезъ коллективъ, санкціонировать ихъ волей всей громады. Но какъ обратъ эту волю, какъ ее вывить, какимъ путемъ создать правильно функционирующий органъ, выражавшій бы общественное мѣненіе и имѣвшій бы достаточно-твердый авторитетъ?

„На міру и смерть красна“,—правда же тѣмъ паче. Если какъ мы уже отмѣтили, маесовый подростокъ способенъ обнаруживать свою настоящую сущность и истинную волю лишь въ толпѣ себѣ равныхъ, если, далѣе, общественное мѣненіе составляется изъ суммы этихъ волей и, наконецъ, если открыто-выраженное желаніе громады можетъ имѣть столь значительное вліяніе на поведеніе отдѣльных сорванцовъ и, слѣдовательно, на весь ходъ вещей,—то—отсюда прямой выводъ: единственнымъ надежнымъ органомъ въ такомъ случаѣ является общія собранія носѣтителей Дома, а единственно-правильной и разумной формой веденія дѣлъ въ немъ—самоуправленіе, какъ основной принципъ. Приучимъ дѣтей къ тому, что это ихъ, а не нашъ, Домъ, ихъ, а не наши, порядки, ихъ убѣжденіе, ихъ забота; пусть же они и разбираются въ дѣлахъ, пусть сами тезисничаютъ и законодательствуютъ, пусть постановляютъ и рѣшаютъ, судятъ и осуждаютъ. Но—помилуйте!—раздаются тотчасъ же возраженія—какъ можно вводить институтъ народоправства въ среду дикарей? Вѣдь самоуправленіе—это высшая ступень современной общественности и дается, обыкновенно, лишь коллективу развитому, разумному и привычному къ этимъ формамъ общежитія; до этого надо дорости,

надо созрѣть подняться... Предоставить же столь широкія права некультурной и недержанной ердѣ — значить погубить самое учрежденіе въ его зародышѣ. Эти буйныя сумасбредныя головы, съ одной стороны, и смиренныя, но прибитыя съ другой, — что онѣ смислятъ въ введеніи такого ележяго дѣла, что понимаютъ въ управленіи, вообще? Да и можно ли рассчитывать на участіе дѣтей, можно ли полагаться на вѣтъ предлагаемый здравый смислъ, котораго, въ дѣйствительности, у нихъ нѣтъ вовсе? Можно ли, наконецъ, откликаться отъ своего вліянія, отъ своей роли, отъ руководительства, котораго такъ не хватаетъ именно этой средѣ? И, въ сущности, не равносильно ли введеніе сейчасъ самоуправленія въ Домѣ отдача его на потокъ и разграбленіе?...

Раньше всего о самоуправленіи въ принципѣ. Напрасно многіе видятъ въ народоуправствѣ лишь то „сладкое“, которое должно отпущаться въ видѣ награды, за доброе поведеніе и хороше успѣхи; большимъ предубѣжденіемъ является также весьма распространенный взглядъ, будто переварить это блюдо безъ вреда для организма способны только высоко-развитые интеллигентныя и будто некультурная масса имъ непременно подавится, — совершенно неправильны эти сужденія. Право держать свои дѣла въ своихъ рукахъ — священное право каждаго живого существа, и никакой интеллектуальный цензъ тутъ, собственно, и не требуется. Принципы самоуправленія прекрасно усвоены не только въ Европѣ, но и въ Африкѣ, не только горожанамъ, но и крестьянинамъ, не только современнымъ мыслящимъ челоѣкомъ, но и — еще въ большей степени — дикаремъ. То, что сейчасъ именуютъ въ культурной общественности референдумомъ, близко и хорошо знакомо, у насъ по глухимъ селамъ и деревнямъ, — то некое раньше названіе вѣча, а сейчасъ — съѣзда, приговора, рады.

И какъ бы ни были люди малокультурными, они постоянно предпочитаютъ свое—звучитъ и не всегда глубоко продуманная—рѣшенія навязаннымъ извнѣ, хотя бы и очень логичнымъ; и именно они, эти названные культурны, свѣто блуждаютъ неостановленіе міра, считая ихъ неприкосновенными. Умственный уровень данной среды, дѣйствительно, играетъ большую роль, но не въ технической постановкѣ дѣла, не въ вопросѣ принципа: безспорно, что, чѣмъ культурнѣе среда, чѣмъ болѣе у насъ запросы и требованія, тѣмъ культурнѣе и жизнь, различные институты, тѣмъ, естественно, на болѣе высокой высотѣ должны стоять и стоять также органы общественнаго управленія; все органы эти,—при сколько нибудь правильномъ представленіи—есть въ востѣ данного общества,—иначе оно и быть не можетъ. Изъ этого ясно, что, чѣмъ интеллектуальнѣе выше данная среда и данные люди, тѣмъ и примѣнители ихъ самоуправленіе, примѣнители кругъ дѣятельности его, его взгляды и рѣшенія. Но это совершенно не значить, что лишь за высшей ступенію развитія люди могутъ удостаиваться наведоброуства и что до этого нужно предварительно дерести, нужно пройти нѣкую эволюцію. Мы не настаиваемъ на томъ, чтобы всѣ люди тотчасъ же стали спать непрѣмѣнно на мягкихъ подушкахъ, ѣсть роскошные замкаские блюда, расхаживать въ дорогихъ лиловыхъ одеждахъ, и заниматься при томъ, не прѣмѣнно чистой философій,—не идѣ безусловно всѣ, независимо отъ своего культурнаго уровня, должны и спать, и ѣсть, и одѣваться и читать... Самоуправляться—это такая же потребность, такое же основное условіе для жизни всякаго общественнаго организма, какъ спать и ѣсть—для организма физическаго.

Если допустить, что самоуправленіе своимъ существованіемъ обязано культурѣ, то, по всей

сираседеллвостя, прядетса прязнать, что еше въ болъшей степеня культауа своимъ распытомъ обязаа прынцапу самоуправленія. Если для данаго культаурнаго уровня самоуправленіе, вообще, является еднственно-мыслимой формой общезитія и въ этой формѣ совершенно невозможна нормальная жизнь, то для другой среды самоуправленіе—школа граждаетвенности и общезвенныхъ навывковъ; это мастерская, гдѣ куется правовое сознаніе, пониманіе взаимныхъ интересовъ, умѣнье подавлять свои эгоизмическіе инстинкты во имя блага коллектива. Конечно, чѣмъ долъше функционируетъ правильное представительство, тѣмъ болъше опыту накопляется, болъше умѣнья, болъше знаній, тѣмъ, наконецъ, общезвенно воспитаннѣе громада, сознательнѣе относится ко многимъ вопросамъ и, вѣроятно, правельнѣе рѣшаетъ свои дѣла. Но слѣдуетъ ли изъ всего этого, доколѣ не накопленъ этотъ опытъ и нѣтъ этого воспитания, ненужно, не здорово, вредно самоуправленіе? И такой воистину куръезный выводъ не напоминаетъ ли намъ того анекдотического россійскаго городничаго недавнаго времени, который обезпокоился частыми столновеніями лошадей съ внозь появившамся тогда въ городѣ автомобилями; отремся навести порядокъ и здѣсь онъ,—ничтоже сумняшеса, распорядился: „не пускать по городу автомобилей, пока не привыкнутъ къ нимъ лошади“... И, правду говоря, разлѣ не уподбляются этому городничему всѣ тѣ, которые искренно признають пользу самоуправленія, но въ простотѣ душевной настаивають на отсрочкѣ, пока мы молъ, не слѣлаемса болъе культаурными, „пока мы не привыкнемъ“? Да въ ѣ—какъ лошади къ автомобилю,—такъ люди къ самоуправленію нисгда безъ самоуправленія и не привыкнуть, въдѣ и культаурный ростъ ихъ безконечно сильно задержится и за-

держивается—въ атмосферѣ даже благожелательной оцѣнки...

Согласно принятому положенію, психика и самочувствіе современныхъ дѣтей приравниваются къ психикѣ и самочувствію дикарей, этихъ дѣтей челоѣчества,—одно у нихъ состояніе, одно и сознаніе. Потому-то и мы говорили все время о самоуправленіи, вообще, не касаясь возраста: мы правы тѣмъ болѣе, что клубные дѣти, дѣти улицы жизненно болѣе развиты и уже приближаются къ тому умственному и духовному состоянію, въ которомъ обрѣтаются окружающіе ихъ, ихъ родители и старшіе братья. Вотъ почему все сказанное въ полной мѣрѣ относится и къ дѣтскому коллективу, къ органамъ дѣтскаго самоуправленія.

Но, быть можетъ, дѣйствительно опасно опираться на орду маленькихъ дикарей, нельзя разсчитывать на ихъ здравый смыслъ? Опытъ показываетъ, что этотъ ходячій взглядъ также весьма ошибоченъ—и у дѣтей, какъ у взрослыхъ, развито сознаніе своихъ интересовъ и стремленіе ихъ защищать. Правда, нѣтъ у нихъ никакого опыта, нѣтъ знаній, не развито мышленіе, но здѣсь именно и должны прятти имъ на помощь взрослые. Отстаивая принципъ самоуправленія, руководители отнюдь не отказываются ни отъ своего вліянія ни отъ руководства; но и то и другое, преподносится въ скрытой формѣ, дѣлается незамѣтнымъ и совершенно безболѣзненнымъ для психики маленькихъ гражданъ—и въ этомъ то все умѣнье, все искусство руководителей. Дѣло обставляется такъ, что дѣти на своихъ собраніяхъ сами обсуждаютъ всѣ вопросы и самостоятельно выносятъ *тѣ или иные рѣшенія*, но, въ дѣйствительности, они постановляютъ *опредѣленные рѣшенія*, и именно тѣ, которыя желательны руководящимъ въ интересахъ дѣла, вотъ почему мы и выразились выше, что данныя правила должны *проводиться* черезъ

дѣтскій коллективъ, санкціонироваться имъ. Нужно, умѣть такъ поставить вопросъ, такъ его осмыслить, такъ направлять процессъ, чтобы гадерование ни въ какомъ случаѣ не было случайнымъ, неожиданнымъ — при большей восприимчивости дѣтей искусство и опытность руководителей могутъ служить въ данномъ случаѣ несомнѣнной гарантеей. Впрочемъ, и здѣсь входитъ вразвѣсъ полная аналогія съ коллективными рѣшеніями среди взрослыхъ. Кому же изъ общественныхъ работниковъ неизвестно что, въ большинствѣ случаевъ, всякія собранія — если только они не имѣютъ какой либо специфической подоплеки и заранее не обречены на скандалъ — проходятъ у насъ такъ, какъ того желаютъ руководители общественной организаціи, и выносятся тѣ мыслие резолюціи, какіе этими лицами заранее выработаны. Таковое уже свойство всякой толпы, а дѣтской и подавно. Но если въ собраніяхъ взрослыхъ заисніе отдѣльныхъ личностей бываетъ подчасъ и очень вреднымъ, ибо не всегда стремленія ихъ вытекають изъ чистыхъ источниковъ, то въ дѣтскомъ клубѣ, гдѣ руководители ни съ какой стороны не заинтересованы лично въ томъ, а не другомъ рѣшеніи и имѣють въ виду исключительно процвѣтаніе учрежденія, незамѣтное руководительство ихъ не только весьма желательно, но и вполне законо.

XII. Собраніе Дѣтскаго Дома.

Собранія дѣтей, введенныя въ Дѣтскій Домъ, оказались безусловно живыми и серьезными факторами воздѣйствія: по убѣжденію дѣтей, близкое стезишнѣ къ этому начинанію, они уже на первыхъ порахъ дали всѣ тѣ результаты, какіе можно было ожидать въ данномъ случаѣ. Однако, благодаря сильному крѣпководѣйствію со стороны многихъ руководителей, это полезнѣйшее дѣло

пришлось вѣснорѣ столь основательно обмѣрять, такъ „обезвредить“, что, въ конечномъ счетѣ, все было сведено къ нулю и потеряло своей *raison d'être*. Какъ и всякая другая мѣра, собранія могутъ оказать свое благотворное дѣйствіе лишь совокупностью своихъ свойствъ, лишь суммою различныхъ заключающихся въ нихъ приѣмовъ; и иногда достаточно бываетъ забраковать какой-нибудь одинъ изъ нихъ, чтобы вся мѣра въ цѣломъ потеряла свои цѣлебныя свойства.

Часть сотрудниковъ, вообще, не представляла себѣ принципиальной возможности устроить какія-бы то ни было дѣтскія собранія, ибо „собранія дѣло лишь взрослыхъ“; другіе хоть и считали самую мысль приемлемой, но находили, что необходимо немедленно, подготовить раньше дѣтей къ роли вершителей своихъ судебъ (исторій съ автомобилями и лошадьми!) Поэтому найденъ былъ компромиссный выходъ—вести лишь собесѣдованія: пусть, молъ, дѣти только обсуждаютъ, но отнюдь не постановляютъ, пусть они выражаютъ пожеланія, а тамъ ужъ мы сами разберемъ. Конечно, если бы въ Демѣ были дѣти только 7-8 лѣтъ, слѣдовало бы начать съ подготовительныхъ шаговъ и лишь годъ другой спустя перейти отъ совѣщательнаго органа къ законодательному. Но вѣдь у насъ и подростки, которыхъ многему научила жизнь, которыхъ сама улица успѣла ужъ надѣлать своеобразнымъ развитіемъ. Вѣдь въ такихъ условіяхъ начинать съ усовѣщеваній, не представляла правъ рѣшающаго голоса,—значить дискредитировать въ корнѣ идею дѣтскихъ собраній, аннулировать все ихъ воспитательное значеніе, всю ихъ сущность; такой рядовъ стобѣтъ у дѣтей всякую охоту участвовать въ тѣхъ обиденныхъ бесѣдахъ, которыя и въ передовыхъ школахъ, всегда пользовались столь малой популярностью, и, во всякомъ случаѣ,

отвадить старших, то-есть тѣ именно элементъ для которыхъ и вводятся самыя собранія.

Предвидя то возбужденіе дѣтей, какое совершенно естественно и неминуемо при введеніи въ жизнь столь необычнаго инстатута-особенно вначалѣ,—мы эти собранія подгоняли къ концу клубнаго дня,—такъ, чтобы участники ихъ, по окончаніи, тотчасъ же расходились по домамъ. Было объявлено, что участвовать могутъ дѣти, начиная съ десятилѣтняго возраста, но, въ то же время, не возбранялось присутствовать—конечно, въ качествѣ молчаливыхъ слушателей—и болѣе молодымъ членамъ Дома. Первое собраніе устроено было уже недѣли черезъ три по открытіи нашего учрежденія. Дѣти очень охотне, хотя и весьма шумно, отозвались на приглашеніе: желающихъ остаться для участія на „какомъ-то“ собраніи оказалось подавляющее большинство, если не все. Зная, какъ важно сразу же придать новому дѣлу значительность и авторитетъ въ глазахъ малолѣтней публики, руководитель—въ томъ случаѣ имъ былъ авторъ настоящихъ строкъ—старался, даже въ мелочахъ, соблюсти форму и внѣшніе признаки самоуправляющейся общины: желательно—въ интересахъ дѣла—обзавестись небольшою кафедрой, столомъ подъ цвѣтнымъ сукномъ, звономъ, ибо здѣсь по платью встрѣчаютъ: тѣмъ стальнѣе обстановка, тѣмъ вначалѣ и больше авторитету.

Объявивъ собраніе открытымъ, руководитель въ нѣсколькихъ словахъ указалъ цѣль собраній, вообще, а нашего Дома, въ частности: это, молъ, исключительно ваше учрежденіе, для васъ создано, васъ обслуживаетъ, а потому и вамъ надлежитъ управлять дѣломъ и заботиться о порядкѣ въ немъ,—тѣмъ болѣе, что насъ, руководителей, мало, временно свободнымъ мы не располагаемъ и, поставивши этотъ клубъ, направимъ свое вниманіе на другой районъ города. Затѣмъ руководитель кратко

познакомилъ дѣтей съ самой организаціей, съ техникой собраній: какъ выбираются и что дѣлаютъ председатель и секретарь, какъ ведутся записи ораторовъ и пренія, что такое большинство и меньшинство и каковы ихъ взаимоотношенія, какъ, наконецъ, рѣшаются дѣла. Предложивши избрать секретаря, руководитель высказался за то, чтобы на первое время,—пока участники собранія не ориентировались еще въ веденіи его—председательствовалъ кто-либо изъ сотрудниковъ Дома, что тутъ же и было санкціонировано.

Выполнивши эту предварительную работу, мы перешли къ дѣловой части программы. Председательствующій отмѣтилъ, что въ первую очередь слѣдуетъ обратить вниманіе на большой беспорядокъ, какой царитъ иногда въ домѣ и мѣшаетъ занятіямъ; необходимо какъ-нибудь устроить это: нужно выработать сообща какія-нибудь правила и постановленія, обязательныя для всѣхъ; сами члены Дома должны избрать изъ своей среды дежурныхъ, которые вмѣстѣ со старшими слѣдили бы за порядкомъ, затѣмъ, чтобы сильные не обижали слабыхъ и т. д. Желательно, далѣе, выслушать пожеланія дѣтей относительно Дома и веденія работъ въ немъ, о часахъ, какіе наиболее удобны для всѣхъ дѣтей, о тѣхъ измѣненіяхъ, какія кажутся нужными въ интересахъ дѣла. Сразу же вызывалось много охотниковъ говорить, при чемъ одни робко, краснѣя, просили записать ихъ въ очередь, за другихъ заявляли объ этомъ ихъ болѣе бойкіе сосѣди; были также и такіе, что сами громко выкрикивали свои фамиліи. Любопытно, что за первымъ собраніемъ не рискнула говорить ни одна дѣвочка, но послѣ и онѣ освоились и стали выступать, хотя вначалѣ и подъ улюлюканье отдѣльных сорванцовъ.

Всѣ дѣти, не исключая и особенно рѣзвыхъ, видимо робѣли, впервые выступая публично; хотя

говорить приходилось и передъ своими, но это тѣмъ болѣе тяжело, ибо разговоры то очень ужъ необычныя. За рѣдкими исключеніями, всѣ говорили слабымъ голосомъ, волнуясь и глотая обильную слюну; многіе часто останавливались, не находя нужныхъ словъ, которые, впрочемъ, тутъ же и подсказывалъ руководитель; другіе варьировали на разные лады какую-нибудь одну мысль, прочно зацѣпшую въ ихъ сознаніи, а иные цѣлкомъ, хотъ и неамѣрно, повторяли все то, что уже было сказано ранѣе выступавшими товарищами. Однако, рѣшительно всѣ указывали, что необходимо соблюдать порядокъ, что шумъ и различныя предѣлки очень мѣшаютъ дѣлу—одни рекомендовали наказанія для шалуновъ, другіа требовали, чтобы такихъ „баловниковъ“ выключали.

Характерно, что болѣе сердитыя мѣры предлагались именно участникамъ активной шайки, — тѣми, противъ чего, главнымъ образомъ, и направлено было это оружіе, и, насколько мы успѣли подытаты эти предложенія отличались безусловной искренностью. Объяснили мы себѣ это явленіе тѣмъ, что болѣе спокойные элементы пока еще боятся выступать открыто противъ врагуновъ, способныхъ положительно каждый мигъ оравить своимъ преслѣдованіемъ; съ другой стороны, сами сорванцы—элементы, вообще, болѣе живые и лучше реагирующіе,—когда они находятся въ сравнительно спокойномъ состояніи, прекрасно понимаютъ положеніе вещей, ибо и каждому изъ нихъ въ отдѣльности мѣшаютъ извѣстныя, въ минуты „рабочаго настроенія“, выходки товарищей; впрочемъ, было тутъ и нѣкоторая доза бравады искренностью и откровенностью.

Послѣ обсужденія вопроса и резюме въ примирительномъ, обнадеживающемъ духѣ, было рѣшено выработать нѣкоторыя общія правила, а для наблюденія за порядкомъ выбрать дежурныхъ. Изъ

среди дѣтей выдвигались фамиліи желательныхъ кандидатовъ, изъ коихъ каждый тутъ же подвергался общей „поверхностной“ баллотировкѣ поднятіемъ руки; для того, чтобы не осложнять процедуры по сравнительно малому вопросу и не затягивать излишнее собраніе, мы ограничились общимъ впечатлѣніемъ, не подчитывая голосовъ въ точности.

Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что оцѣнка кандидатуръ дѣтьми вполне совпала съ оцѣнкой взрослыхъ: совершенно безе всякаго нашего вліянія были выбраны въ дежурные вполне подходящіе дѣти, изъ числа намѣченныхъ нами на нашемъ совѣщаніи. Желая, съ одной стороны, обезвредить наиболѣе буйные элементы и, съ другой дать имъ стимулъ для иного поведенія, обязать ихъ положеніемъ дежурныхъ, мы находили весьма полезнымъ депускать—въ качествѣ своихъ помощниковъ—именно ихъ, этихъ злыхъ проказниковъ; останавливаясь на такомъ же выборѣ, нехоти, вѣроятно, изъ того, что буйны, козыгуясь авторитетомъ и квалітете своей быстрой расправой, конечно, таковая у насъ абсолютно запрещалась заставлять всѣхъ соблюдать порядокъ. Впрочемъ, нѣкоторыя подробности позволяютъ намъ думать, что отдѣльными, наиболѣе развитыми дѣти, при выборѣ дежурныхъ, руководствовались тѣми же соображеніями, что и мы. Такъ или иначе, а этотъ порядокъ, который прямо противорѣчитъ всему тому, что мы видимъ въ нашихъ школахъ, оправдалъ себя вполне: дежурными изъ числа сорванцовъ скоро изкучивали ихъ обязанности, и они отъ нихъ старались избавиться, но, доколь буйны состоятъ въ дежурныхъ, его поведеніе полно было достоинства, такъ что человека и узнавать нельзя было. При выборахъ мальчики упорно игнорировали дѣвочекъ; однако, когда имъ была объяснена вся несправедливость и неохоти.

мость такого обхода, они сдались, но—любопытно—въ данномъ случаѣ выборъ палъ уже на наиболѣе солидныхъ, исложительныхъ, благонравныхъ посѣтительницъ.

Кстати о выборахъ. Припоминается еще одинъ случай, когда дѣтскому собранію также пришлось производить выборы, но уже въ библиотечную комиссію—въ помощь завѣдывающему библиотечкой. Тогда каждый, желавшій попасть въ эту комиссію, называлъ свою фамилію; но потому ли, что это происходило значительно позже, когда дѣти уже освоились съ собраніями, или же въ виду разныхъ функцій тѣхъ и этихъ выборныхъ, участники проявили на этотъ разъ большую активность: тутъ же, на мѣстѣ, производилась довольно шумная, но и не менѣе строгая оцѣнка личности претендента, и очень многіе оказались забаллотированными. Впрочемъ, и тогда попало въ число избранныхъ немало записныхъ забіякъ.

Вернемся однако, въ первому собранію. По вопросу о времени функционирования Дома, общій голосъ былъ за то, чтобы, открывая клубъ въ 4 часа дня, мы его закрывали не въ семь часовъ вечера, а въ девять или, во всякомъ случаѣ, не раньше восьми; мотивировка та, что многіе заняты на фабрикахъ и мастерскихъ; другіе, по возвращеніи изъ школы, исполняютъ различныя домашнія работы, и поэтому являются въ Домъ къ 5—6 часамъ, а въ 7—8 ч. лучшее время и для работъ, и, особенно, для чтенія, и тогда уходить очень не хочется. Тутъ же выражено было желаніе, чтобы посѣтелямъ предоставили возможность готовить школьные уроки въ помѣщеніи Дома: мысль эта, пущенная въ свое время въ среду дѣтей нами же, такъ и не была осуществлена изъ-за тѣсноты помѣщенія. Что же до увеличенія числа часовъ функционирования Дома, здѣсь намъ удалось, въ оцѣмъ, продлить время на полчаса и закрывать

между 7 и 8 часами, ибо среди руководителей не было охотниковъ работать дольше.

Каковы же общія впечатлѣнія перваго дѣтскаго собранія? Относясь къ дѣлу не по диллетантски, учитывая всѣ привходящія обстоятельства и обстановку, надо признать впечатлѣнія вполне благопріятными, обвадеживающими—есть для чего работать и работать стоитъ. Конечно, дѣло не обошлось безъ крупнаго шума и всяческихъ дурачествъ. Во время произнесенія рѣчей слѣдовали различныя реплики и смѣлки по адресу говорившихъ; когда дѣти повторялись, изъ группы „босиковъ“ доносились нетерпѣливые крики: „слышали уже“, „чего тамъ еще“, „сиди“; вдругъ раздавались жалобы, что таков то сѣлъ на чужое мѣсто, а тотъ уцѣпнулся или ударилъ; приходилось также прерывать разговоры и призывать къ спокойствію, а затѣмъ разсаживать сотрудниковъ Дома по всей комнатѣ, въ разные концы ея; по окончаніи засѣданія многіе съ воємъ и криками „ура“ ринулись къ выходу, опрокидывая стулья и сбивая съ ногъ своихъ товарищей, другіе затянули хоромъ одну изъ своихъ уличныхъ пѣсенекъ. Но въѣдъ все это такъ понятно, такъ естественно и даже такъ обычно! Развѣ на собраніяхъ взрослыхъ русскихъ людей не наблюдаются точно тѣ же картинки—эти реплики и смѣлки, эта неспособность спокойно выслушать инакомыслящаго, эта повышенная нервозность? Правда, не всегда тамъ раздается брань, не всегда слѣдуютъ драки, нѣтъ заключительнаго галдежа, но должна же быть какая-нибудь разница между взрослыми гражданами, пріобрѣтшими уже и нѣкоторую выдержку и положительность,—и уличными дѣтьми, которыя, вѣроятно, впервые очутились всѣ вмѣстѣ въ такомъ большомъ количествѣ и въ столь непривычной обстановкѣ, въ—роли хозяевъ?

Изъ нѣсколькихъ состоявшихся затѣмъ дѣт-

скихъ собраній отмѣтить еще одно, созданное стуси недѣлю послѣ перваго и посвященное, главнымъ образомъ, разговорамъ о кражахъ, которые принали чуть не эпидемическій характеръ. Шекотливость самой темы и необходимость соблюсти особую осторожность, заставили меня нѣсколько по-иному провести данное собраніе: я счелъ не только излишнимъ, но и опаснымъ (быть мнѣнъ, въ данномъ случаѣ. Балансируя самъ на границѣ дозволеннаго, я понималъ, что предоставить слово дѣтямъ—значить рисковать очень многимъ, включая сюда и оговоры и доносы: трудно заранѣе сказать, куда приведутъ разговоры дѣтей по этому острому, большому вопросу. Конечно, я не намѣревался отказывать въ словѣ—это слишкомъ скользкій шагъ; но дѣло поведено было такъ, что никто не захотѣлъ говорить,—сразу создалась такая атмосфера, что совсѣмъ и не ощущалась надобность въ дальнѣйшемъ обсужденіи. Въ связи съ этимъ, а также съ цѣлью произвести сразу нужное впечатлѣніе, былъ взятъ съ первыхъ же словъ опредѣленный твердый тонъ.

Мямлить, усовѣщевать и приводить всяческіе резоны въ защиту принципа личной собственности—нехорошо, вредно, антипедагогично: вѣдь надо помнить свою аудиторию и ея социальное настоящее, надо учитывать ея неспособность заниматься вопросами отвлеченной этики и ея отвращеніе къ морализированію старшихъ. Тутъ не слѣдуетъ сгущать краски, нечего нагромождать ужасы и разыгрывать пессимиста, но и весьма вредна романтическая елейность. Чгобы въ сознаніи слушателей зафиксировать опредѣленное отношеніе къ кражамъ, которые имъ, вообще, хорошо знакомы и представляются явленіемъ обычнымъ, нужно вызвать инстинктивное чувство безразличности къ данному факту, боязнь его; нужно апеллировать не къ ихъ логикѣ, не къ чувству справедливости,

а къ самолюбію; нужно заставить дѣтей *попытаться* ужасу факта, утратить ихъ.

Вотъ почему я сталъ говорить громко, отчетливо, нѣсколько рѣзко, съ нотками возмущенія. Перечисливъ всѣ случаи покражъ, я тотчасъ же предупредилъ своихъ слушателей, что мы отнюдь не ищемъ виновниковъ, ибо не къ чему и не стоитъ; раздававшіеся при этомъ стѣблыныя фамиліи я тутъ же властно покрывалъ своимъ завлеченіемъ, что дѣло не въ этомъ—мы не знаемъ, кто виновникъ, да и знать этого не хотимъ. Обкрадывавая Домъ, воры обкрадываютъ самихъ же себя и своихъ товарищей, ибо исчезнувшіе инструменты, къ сожалѣнію, не могутъ быть вновь приобрѣтены; имъ да будетъ стыдно, но стыдно и всѣмъ намъ. Мы не хотимъ и не станемъ шпионить, мы и впредь не будемъ закрывать шкапы съ вещами и различными матеріалами; но можемъ ли мы мириться съ тѣмъ, что въ нашемъ Домѣ происходятъ кражи, что есть *среди насъ* воры? Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного—вотъ какъ у насъ, а потому въ кражахъ повинны всѣ—какъ дѣти, такъ и руководители: то нашъ общій позоръ, нашъ общій стыдъ. Если мы желаемъ, чтобы посторонніе не говорили о насъ, какъ о нечистыхъ на руку, то сейчасъ всѣ единодушно обязаны заявить: „Отныня кражъ быть не должно, ибо онѣ ложатся грязнымъ пятномъ на весь клубъ и на всѣхъ его посѣтителей.—и тогда кражъ не будетъ“. И такъ, господа, мы всѣ категорически требуемъ прекращенія этой гадости, мы этого больше не потерпимъ“, — закончилъ я съ твердой увѣренностью въ голосъ; и увѣренность эта, властность, являясь переданась слушателямъ, шумно поддерживавшимъ мои послѣднія слова: между прочимъ, искренно возмущались фактомъ и вѣроятные участники кражъ...

По соображеніямъ тактическимъ, собраніе, о которомъ идетъ рѣчь, закончилось не на этомъ:

тотчасъ же поставленъ былъ и другой вопросъ — по поводу куренья. Руководитель въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ вредъ табаку, которыхъ у насъ отравляютъ себѣ организмъ даже дѣти 8—9 лѣтъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ запретить имъ куренье, вообще, но, какъ собраніе заинтересованныхъ лицъ, и можемъ и должны потребовать, чтобы никто, — ни дѣти ни руководители — не курили въ помѣщеніи клуба, гдѣ воздухъ и безъ того малъ. Въ такомъ духѣ и было вынесено постановленіе — тоже безъ предварительнаго обсужденія дѣтьми — и вскорѣ послѣднія привыкли къ тому, что съ табакомъ можно возиться лишь на улицѣ. Впрочемъ, насколько дѣйствительно оказался такой методъ борьбы, можно заключать изъ того, что многие изъ курильщиковъ стали прятать отъ насъ дымящуюся папиросу и на улицѣ; а ихъ товарищи, желая скомпановать передъ нами какъ-нибудь изъ нихъ, шутили заагдвали: „Смотрите, N. N. а онъ куритъ“.

Мнѣ пришлось вскорѣ слышать возраженія кое-кого изъ своихъ коллегъ по поводу собранія о кражахъ: во первыхъ, нельзя было такъ рѣзко говорить, не слѣдовало молъ употреблять слова „кража“, „воръ“; во вторыхъ, нужно было вызвать дѣтей на разговоры, дать имъ высказаться именно по этому вопросу. Тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что данное собраніе проведено было какъ разъ такъ, какъ того требовали обстоятельства дѣла. Что это утвержденіе не голословно, свидѣлствуютъ также и бѣдаившіе послѣ собранія дѣла: не только рѣзко сократилось число пропажъ, но и многое изъ украденнаго прежде — возвратилось. Медальки — карандаши, линейки, части отдѣльныхъ игръ — оказались вдругъ въ большемъ противъ общаго количества; многія дѣти, желая демонстрировать свою честность, приходили то съ пропавшими ножницами или ножиками, те съ инструментами

или мячами, которые ими были „случайно замѣчены“ или „найлены“. Припоминается и такой случай. Нѣсколько времени спустя была обнаружена пропажа одной изъ любимыхъ дѣтьми книгъ; дня черезъ два послѣ того, нами былъ оглашенъ фактъ хищенія, прибѣгаетъ одна изъ нашихъ дѣвочекъ съ заявленіемъ, что она эту книгу видѣла сегодня во дворѣ, въ собачьей конурѣ, и что готова сейчасъ же сбѣгать за ней,—обѣгала и принесла. Мы конечно, ни о чемъ не спрашивали, не интересовались обстоятельствами „находки“, а съ благодарностью принимали вещь, дѣлая видъ, что не сомнѣваемся въ правдивости объясненія.

Большому сокращенію числа кражъ безусловно сдѣйствовало, впрочемъ, также и наше поведеніе: мы стали особенно слѣдить за собой, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы не „плодить воровъ“. Раньше сплошь да рядомъ вводили дѣвъ соблазнъ—то кошелекъ свой сотрудница оставить на видномъ мѣстѣ, а сама уйдетъ, то инструменты „плохо лежать“, то при шкапахъ никого изъ старшихъ нѣтъ; сознавая весь вредъ такого порядка, мы его уничтожили—ничего не замыкая, мы; незамѣтно для дѣтей, убирали съ глазъ соблазны, устраняли удобную для преступленія обстановку. Зато нѣсколько поздне, когда дѣти уже неспособны были тащить, мы вознаградили себя въполнѣ, получивши возможность совершенно спокойно оставлять все на ихъ попеченіи.

Вспоминая обстановку, при которой происходили дѣтскія собранія, находимъ достойнымъ вниманія любопытный эпизодъ, имѣвшій мѣсто незадолго до ликвидаціи этого института. Обсуждается все тотъ же больной вопросъ о безпорядкѣ, какой вносить въ Домъ нѣкоторые его посѣтители; охотниковъ говорить много, и всѣ рекомендуютъ, въ качествѣ основной мѣры, исключеніе. Въ это время записывается въ очередь, а затѣмъ, и

получаетъ слово одявъ нѣтъ сравнительно новыхъ членовъ Дома, нѣкій Ш. — мальчикъ лѣтъ 12-13, очень симпатичной наружности, чисто и прилично одѣтый, скромно себя держащій, — по справкамъ, онъ оказался жителемъ городского района, сыномъ мелкаго торговослужащаго, бывшамъ у насъ до того 3-4 раза. Тономъ искренняго возмущенія онъ отмѣчаетъ, что многіе являются въ свой клубъ грязными, неряшливыми, неопрятными; необходимо обязать всѣхъ являться въ Домъ въ чистой одеждѣ, необорванными и обутыми. Онъ тутъ же дѣлитъ впечатлѣніями послѣ первыхъ своихъ посѣщеній Дома, гдѣ онъ увидѣлъ грязныхъ дѣтей, вбѣгающихъ въ помѣщеніе босыми ногами и вносящихъ съ собой много толпой грязи. Хотя этотъ мальчикъ не предлагалъ никакихъ карательныхъ мѣръ и, съ этой стороны, былъ умереннѣе представителей братерства, однако его слова вызвали негодованіе части слушателей. Раздались крики: „пошелъ вонъ“, „а если нѣтъ сапоговъ“, „вотъ ужъ покажемъ тебѣ ободраныхъ“ и т. д.

Руководитель, сейчасъ же послѣ выступленія этого Ш., взялъ себѣ слово для поясненія: было указано, что только что говорившій совершенно правъ въ отношеніи неряшливости — всюду есть вода, и можно до прихода въ Домъ вымыться; слѣдуетъ также и вытирать ноги, нужно какъ нибудь зашивать рванную одежду. Однако, Ш. совершенно неправъ, говоря объ обуви и сносомъ платьѣ, онъ, очевидно, не знаетъ, что не у всѣхъ имѣется обувь: многіе вынуждены ходить босыми, другіе — надѣвать старое и часто не свое платье. Сгладивши впечатлѣніе, произведенное Ш. на слушателей и постаравшись объяснить это простымъ недоразумѣніемъ, руководитель предоставилъ слово очередному подростку. Но „активная“ группа очевидно, не дремала: незамѣтно организовавшись „босяки“ быстро учредили слѣжку за Ш. — за

нимъ, при выходѣ домой, учредили погоню и, какъ потомъ передавали намъ, чувствительно „помяли бока“. Мальчикъ больше въ Домъ не ходилъ, опасаясь побоевъ. Продавши нѣсколько дней повзвасну, мы стали говорить дѣтямъ—особенно нѣтъ группы „босяковъ“,—что ими учтена большая несправедливость въ отношеніи симпатичнаго мальчика, рѣшительно ни въ чемъ не провинившагося, и что дѣло это необходимо какъ-нибудь уладить. Такъ повторено было въ короткій промежутокъ времени нѣсколько разъ, пока, наконецъ, не выражена была дѣтями готовность что-либо предпринять въ этомъ направленіи: было рѣшено, что двое изъ нашихъ посѣтителей, по имѣющемуся у насъ адресу, разыщутъ Ш. и, извинившись отъ имени клуба, будутъ гарантировать ему не прикосновенность въ дальнѣйшемъ. Къ сожалѣнію,—ибо мы считали нужнымъ, въ педагогическомъ смыслѣ, урегулировать этотъ случай—по данному адресу Ш. не значился, и разыскать его не удалось.

Идея дѣтскихъ собраній очень скоро снискала себѣ большія симпатіи дѣтей, которая высказывалась за то, чтобы устраивать ихъ систематически, еженедѣльно; постепенно посѣтители привыкали къ мысли, что „объ этомъ поговоримъ въ четвергъ“, „это надо рѣшить на собраніи“.

Помимо отдѣльных бесѣдъ съ дѣтьми, матеріалъ для собраній давалъ и дѣтскій дневникъ. Завели мы его уже черезъ мѣсяць послѣ открытія Дома, при чемъ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ служилъ истиннымъ зеркаломъ настроенія посѣтителей. Была приобретена внушительная тетрадь, куда и предлагалось дѣтямъ заносить все, что касается Дома, безъ всякаго стѣсненія; было объяснено, что намъ особенно дорога въ данномъ случаѣ правда—пусть каждый, даже самый маленький, сообщаетъ эту правду, какъ онъ

умѣть. По дневнику мы будемъ узнавать о желаніяхъ дѣтей, объ ихъ отношеніи къ новому учрежденію, и, конечно, будемъ считаться со всѣми записями. Программа была очень широка—рекомендовалось отмѣчать, что въ Домѣ нравится и что не нравится, что и какъ слѣдовало бы измѣнить, что еще желательно было бы ввести; очень цѣнными также мы считали впечатлѣнія, записанные дѣтьми непосредственно вслѣдъ за какимъ-нибудь событіемъ изъ клубной жизни. Считаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ неумѣемъ дѣтей быстро излагать на бумагѣ свою мысль,—а это отсутствіе техники письма очень скоро расхолаживаетъ,—мы устроили такъ, что подъ диктовку посѣтителя записывали руководители; при этомъ старались тщательно сохранять и стиль и выраженія автора записи, а, кромѣ всего, ея самостоятельность. Но вѣдь необходима и искренность, надо добиться и того, чтобы дѣти не кокетничали, съ одной стороны, и не старались угодить, съ другой: для того, чтобы достигнуть этого, дневникъ писали лишь два—три руководителя,—изъ числа тѣхъ, кто пользовался у клубной публики наибольшимъ авторитетомъ, довѣріемъ, любовью; кто шутливымъ словомъ, сказаннымъ въ товарищескомъ духѣ, могъ бы остановить явно увлекающагося подростка.

Въ устраненіи подражательности, которая такъ свойственна дѣтямъ, первыя записи производились въ отдѣльной комнатѣ, въ присутствіи лишь автора; нѣсколько времени спустя, когда стала уже и здѣсь проявляться индивидуальность, мы записывали и въ присутствіи группъ дѣтей: очень часто одинъ дополнялъ другого, и получалась коллективная запись. Сопоставляя даты дневника съ датами собраній, приходится констатировать взаимное ихъ вліяніе другъ на друга, тѣсную зависимость: какъ мы уже указывали, дневникъ давалъ матеріалъ для собраній; но и собранія отражались

на записяхъ ли вника. Дѣти жаловались на поведение отдельныхъ сержанцовъ, рекомендуя представлять ихъ общему собранію для исключенія; на порядкомъ должны слѣдить старшіе посѣтителі; за кривать Домъ надо попоуже. Всѣмъ дѣти довольны, въ клубъ идутъ съ большой охотой и любятъ его. Изъ пожеланій чаще другихъ встрѣчались такіа: о введеніи столарничества, которое впоследствии и было введено, объ обученіи грамотѣ и письму, о занятіяхъ и при свѣтѣ (раньше, за отсутствіемъ лампъ, мы расходились съ наступленіемъ сумерокъ,) о вылазкахъ на домъ, о приобрѣтеніи общественнаго футболла, „сами деньги соберемъ, сами и печинять будемъ“ и др. Нѣсколько разъ дѣти просили открывать Домъ и по воскресеньямъ такъ какъ тогда они свободны и могутъ дольше быть у насъ; если невозможно работать и въ субботу и въ воскресенье, то—объ этомъ хлопотали всѣ христіане—держать Домъ закрытымъ по субботамъ.

Тѣ нѣсколько дѣтскихъ собраній, которыя были проведены въ Домѣ оставили безусловно крупный слѣдъ въ его жизни, сильно подняли дѣтскую общественность. Коллективъ, несомнѣнно, окрѣпъ и сталъ играть извѣстную роль, чему имѣются яркія доказательства.

Уже много времени спустя, къ концу отчетнаго періода,—а таковой тянулся 9-10 мѣсяцевъ, съ осени и до весны,—была сдѣлана попытка создать совѣщательный органъ, нѣкій президіумъ клуба; хотя самый институтъ дѣтскихъ собраній—если не формально, то фактически—былъ къ тому времени основательно погребенъ, попытка эта оказалась весьма удачной и лишній разъ подчеркнула правильность основныхъ посылокъ. Весною, очень ужъ какъ-то разошлись наши „хулиганы“ и снова стали буйствовать—ихъ осталось тогда ужъ человѣкъ пять, ибо остальные участники былой

шайки слились съ массою; необходимо было что-либо предпринять для возст. новленія порядка. Желая имѣть постоянную опору среди членовъ клуба и еще большѣ вовлечь ихъ въ дѣла управления, руководитель пригласилъ однажды нѣсколькихъ изъ завсегдатаевъ на частное совѣщаніе; чтобы это не было оглашено а скрыть что либо въ Домѣ отъ взоровъ нашихъ проныръ почти не возможно—совѣщаніе это было устроено на квартирѣ инициатора его. Въ назначенный часъ, несмотря на проливной дождь, явилось—вмѣсто приглашенныхъ двѣнадцати девять человекъ, изъ коихъ трое дѣвочки. Ознакомивши ихъ съ положеніемъ дѣлъ, съ тѣми слухами, какіе теперь распространяются про нашъ Домъ въ связи съ поведеніемъ нѣсколькихъ сорванцовъ, руководитель предложилъ изыскать какія нибудь мѣры; между прочимъ, было указано, что перестали посѣщать Домъ многія еврейскія дѣти, которыхъ подстерегаютъ по дорожѣ и избиваютъ „хулиганы“, выключаемые изъ клуба на опредѣленный срокъ и этимъ желающие мстить. Послѣ долгаго, толковаго и дѣловитаго обсужденія рѣшено было немедленно повести систематическую борьбу съ насильниками; характерно, что всѣ дѣяютъ человекъ, среди которыхъ не было ни одного еврея, предложили навсегда удалить небольшую группу дикарей, а лишь послѣ обстоятельнаго поясненія руководителя, отвергнута была эта мѣра, какъ нехорошая, неправильная. Совѣщаніе постановило возможно-скорѣе созвать собраніе дѣтей и предложить ему слѣдующіе вопросы: о безобразіяхъ „святой пѣтерки“, о назначеніи ежедневныхъ дежурствъ по самостоятельной уборкѣ клубнаго помѣщенія („деньги, что платимъ теперь сторожу“,) пойдутъ на покупку книгъ, лѣса, недостающихъ инструментовъ о дежурствѣ при книгахъ и пр. На этомъ единственномъ групповомъ совѣщаніи руководитель—свелъ

свое участіе къ мнниму, и всѣ разговоры вели почти исключительно дѣти: большое удовлетвореніе давала эта милая картина, это любовное отношеніе къ своему Дому, это сосредоточенное вниманіе. Чувствовалъ съ, что уже выѣтся здоровое, прочное ядро, что есть, на кого полагаться, кого противопоставить насильникамъ. Любопытная деталь: участники созѣшанія по собственной инициативѣ, подняли вопросъ о томъ, чтобы о „хулиганахъ“ на предстоящемъ собраніи говорить въ ихъ отсутствіи, ибо дѣти будутъ опасаться ихъ мести; но послѣ нѣкотораго раздумія, рѣшено, все таки, говорить при нихъ же, пусть слышать и знаютъ. Сравнительно съ тѣмъ, что было при первомъ собраніи, прогрессъ несмѣнный.

XIII. Коллективныя чтенія.

Въ ряду факторовъ, оказавшихъ большое влияние на ходъ всего дѣла, первое мѣсто, во всей справедливости, принадлежитъ книгѣ. На рискую власть въ преувѣдиченія, можно сказать, что если мы добились определенныхъ результатовъ, если намъ удалось нѣсколько „очеловѣчить“ свою публику, то благодаря активному содѣйствію книги: безъ ея участія врядъ ли могли бы мы притти къ чему нибудь положительному. Но, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, книга была чужда дѣтямъ, они еще не знали ея и поэтому не успѣли полюбить ее. Въ настоящей главѣ мы попытаемся показать, что и какъ было сдѣлано, дабы—приблизить книгу къ читателю и превратить ее въ друга, прослѣдимъ ту эволюцію, которая съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе проглядывала въ отношеніяхъ малолѣтняго читателя къ этому нѣрному другу.

Возстановляя въ своей памяти всю работу Дома въ этомъ направленіи и придерживаясь хронологическаго порядка изложенія, мы должны отмѣ-

тять пегвую—и, по нашему мнѣнію, неудачную—попытку организаціи чтеній съ волшебнымъ фонаромъ. Это было въ самомъ началѣ, когда совершенно недисциплинированная масса дѣтей еще не способна была спокойно высидѣть хотя бы десять минутъ; въ небольшую комнату набивалась сотня слишкомъ дѣтей всѣхъ возрастовъ, такъ какъ во время чтеній, насколько намъ помнится, другихъ работъ въ Домѣ не было. Въ виду отсутствія въ помѣщеніи электрическаго свѣта, приходилось держать дѣтей во все время чтенія въ темнотѣ а это, обыкновенно порождаетъ эксцессы среди шалуновъ: щипки, оплеухи и всякаго рода колѣнца всего удобнѣе и безопаснѣе отпускать именно тогда; къ тому же столь обычныя при демонстрированіи картинъ задержки также содѣйствуютъ нарушенію порядка. Однако, все это—техническія неудобства—въ общемъ, устранимыя; неудача же лежать въ самой постановкѣ дѣла. Сопровождая чтеніе, картины имѣють цѣлью оживить его, придать ему больше интереса; однако, въ конечномъ счетѣ, получаютъ противоположные результаты—интересъ къ прочитанному убивается. Для того, чтобы чтеніе оправдывало себя и захватило читателя, оно—помимо ряда другихъ условій—должно быть не только художественнымъ, но и цѣльнымъ, непрерывнымъ; а этой цѣльности, непрерывности и не можетъ быть при попутномъ иллюстрированіи. Разсѣиваясь при демонстрированіи картины на экранѣ, дѣти невнимательны въ промежуткѣ между одной и другой картиной; текстъ имъ уже не интересенъ, они окуцають и, конечно, начинаютъ развлекать себя сами. Такимъ образомъ, чтеніе со всеми его предполагаемыми благими послѣдствіями уступаетъ мѣсто простому развлеченію; центръ тяжести переносится отъ книги, къ картинкѣ. Совершенно ясно, что чтеніе, какъ таковое, должно уже само обла-

дать всеми нужными свойствами, должно въ себѣ самомъ содержать достаточно-захватывающій инте-ресъ и безъ иллюстрированія: картины же, въ каче-ствѣ необязательнаго дополненія, могутъ быть пред-ложены лишь въ самомъ концѣ, послѣ прочтенія всего, текста. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ онѣ ока-жутся фактически упраздненными: выборъ ихъ сей-часъ весьма бѣдный, не соответствуетъ выбору книгъ, книги, во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающія требова-ніямъ дѣла, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ, соответствующаго иллюстрированія на экранѣ.

Побѣдное шествіе книги въ Дѣтскомъ Домѣ началось съ малаго, совершенно непримѣтнаго; постепенно расширяя свое вліяніе и захватывая все большее поле дѣйствій, книга превратилась затѣмъ въ крупное и серьезно орудіе борьбы.

Лѣто. На дворѣ масса дѣтей: одни составили группы и занимаются подвижными играми; другіе шьютъ, лѣпятъ, а кое-кто наблюдаетъ только, не принимая активнаго участія. Руководитель запасся нѣсколькими хорошими книжками — разными и по содержанию своему и по „возрастному цензу“ — и разгуливаетъ по двору, нарѣдка останавливаясь то у той то у другой группы. Черезъ нѣсколько ми-нутъ поступаетъ запросъ: „N. N., что это у васъ въ рукахъ?“, а затѣмъ и просьба: „N. N., почи-тайте намъ вслухъ!“.. Руководитель соглашается почитать, но предлагаетъ найти еще двухъ-трехъ охотниковъ слушателей; таковыя рекорды объявля-ются, и гдѣто въ закуткѣ, на кул. недавно сва-ленныхъ досокъ, образуется импровизированная читалка — первая кладка большого зданія. Сразу опредѣливши возрастъ и общее развитіе (не книж-ное большинство слушателей, которые располо-жились въ самыхъ неспешныхъ позахъ, руко-водитель безъ излишнихъ задержекъ присту-паетъ къ чтенію, избравши для этого „Богъ правду ви-

дить, да не скоро скажетъ" (Л. Н. Толстой). Не привыкшіе къ спокойствію, нѣкоторые дѣти убагаются; черезъ нѣсколько времени слова появляются; уходягь одни—на ихъ мѣсто приходятъ другіе, привлеченные видомъ живописной группы. Однако, чтеніе все время продолжается; шумъ, производимый безпокойными элементами, очень мѣшаетъ, конечно, —ибо вниманіе слушателей разбивается,—но сейчасъ руководитель намеренно не борется съ этимъ. Разсказъ благополучно дочитывается до конца, заинтересовавшіяся дѣти со вздохомъ встрѣчаютъ печальный финалъ, а затѣмъ просятъ почитать еще что-нибудь; тактическія соображеніе —нежеланіе пресытить, а наоборотъ, стремленіе возбудить жажду—заставляютъ отказаться на этотъ разъ отъ дальнѣйшаго чтенія. Проходитъ день-другой, а затѣмъ, по просьбѣ дѣтей, снова чтеніе—на этотъ разъ „Сигналь“ (В. Гаршинъ); слушателей уже больше, хотя тоже мѣняется составъ ихъ часто. Черезъ день, „Одинъ день на полѣ сраженія“ (Тютчевъ); тутъ ужъ замѣчается формировавіе группъ постоянныхъ слушателей, —преимущественно изъ среды сорванцовъ. Слушаютъ сосредоточенно, различными возгласами и тѣлодвиженіями выражаютъ сочувствіе однимъ героямъ и возмущеніе другими; когда меньше разныя слушатели балуются или шумятъ, на нихъ „отсылаютъ“ ихъ же товарищи, обвѣщая „молчи, молчи“. Благодаріи наступающей тождивой погоды, дѣятельность всего учрежденія переносится въ закрытое помещеніе, то-есть, въ единственную имѣющуюся въ распоряженіи Дома комнату. Всякія занятія и работы прекращаются въ тотъ день за часъ до закрытія Дома; не расположенные слушать, уходятъ, другіе усаживаются кругомъ. Хотя чтенія идутъ по —преимуществу, для дѣтей средняго и старшаго возраста, не возбраняется присутствовать и малышамъ. Малоѣтнимъ членамъ Дома тоже хочется

посидѣть тихо, въ кружкѣ, тоже хочется послушать; и пока у насъ лишь одна комната, въ которой никакъ нельзя читать для двухъ группъ сразу, приходится не разбивать дѣтей по возрастамъ, — тѣмъ болѣе, что уже къ вечеру малыши безъ своихъ старшихъ братьевъ и сестеръ возвращаться домой не могутъ, боятся. Чтобы не стѣснять дѣтей, а также по соображеніямъ педагогическимъ, для пачала было разрѣшено входить и выходить изъ комнаты и во время чтенія, когда и кому угодно, соблюдая однако, при этомъ тишину. Пользуясь этимъ правомъ, дѣти часто выскальзывали въ корридоръ, чтобы вмѣстѣ побаловаться, или на улицу, чтобы „затнуться“, покурить, а затѣмъ возвращались, прося сообщить, въ чемъ дѣло, что произошло съ геросомъ разсказа за время ихъ отсутствія; конечно, этого имъ не рассказывали, давая чувствовать тѣмъ самымъ невыгоду отлучекъ. Въ этотъ періодъ работы составъ слушателей мѣнялся верѣдко: припоминаются случаи, когда руководитель оказывался вдругъ и совсѣмъ безъ аудиторіи — на улицѣ шумъ или раздается пѣсня группы сорванцевъ, и недосыдливые слушатели, одинъ за другимъ, сѣмать прихватить къ веселой компаніи. Случалось доканчивать какой-нибудь коротенькій разсказъ при двухъ-трехъ дѣтяхъ, случалось и совсѣмъ прерывать чтеніе за отсутствіемъ слушателей: совершенно не смущался, руководитель пряталъ книжку и ждалъ дальѣйшихъ событій. Никогда, однако, не приходилось испытывать чувство разочарованія, ибо дѣло этимъ не заканчивалось: не пройдетъ и четверти часа, какъ появится новый слушатель, который упроситъ прочесть что нибудь; является вскорѣ и группа прежнихъ, которые хотѣли бы деслужать начатый разсказъ. Конечно, разсказъ въ этотъ день уже не дочитывается, а дѣти, заинтересовавшіеся началомъ его или узнавшие отъ своихъ товарищей про „кра-

сивую" книжку, черезъ день другой просить дать ее „почитать“.

Крайне важнымъ является для всего дѣла этотъ именно моментъ, первое знакомство дѣтей съ книгой, первая впечатлѣнія, произведенныя ею на нетронутыя души молодыхъ дикарей, — отъ этихъ впечатлѣній зависитъ и все дальнѣйшее вліяніе книги, вся ея роль. Придавая, поэтому, громадное значеніе этой ознакомительной работѣ, мы весьма тщательно производили подборъ книгъ, съ одной стороны, и съ особой опаской вели самое чтеніе, съ другой. Къ книгѣ предъявлялись нами строгія требованія: она, всего раньше, должна быть написана простымъ живымъ, но и вполне литературнымъ — безесякимъ подлаживаніемъ — слогомъ; тема должна быть интересной для дѣтей, поменьше нужно описаній, побольше діалога. Каждая книжка, каждый рассказъ долженъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, содѣйствовать формированію цѣльной личности: жизненно правдивый, рассказъ, не заключающій въ себѣ элементовъ морализированія, непрѣмѣнно долженъ способствовать борьбѣ съ общественными предрасудками и выработкѣ правильныхъ взглядовъ на вещи, долженъ быть пропитанъ гуманными идеями и будить въ дѣтской душѣ добрыя чувства. Книжка, написанная мастеромъ слова, должна служить — и по художественной формѣ и по темѣ своей — проводникомъ здороваго демократизма; она должна звать къ бодрости и самостоятельности, къ энергіи и труду, къ красотѣ жизни отдельной личности и всего коллектива, — словомъ, ко всему тому, что, въ совокупности своей, способно дать индивидуальность, — яркую, сильную, творческую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подборъ *первыхъ* книгъ долженъ, въ смыслѣ содержанія, отъвѣчать наличному въ данный моментъ интересу аудиторіи. Такъ, вначалѣ дѣти стали просить книжекъ про войну и разные приключенія, требовали

непрерывно страшнаго, захватывающаго, а затѣмъ сказочнаго, волшебнаго. Дать имъ сразу совершенно иную пищу, зарядить другими интересами, невозможно; но если мы желаемъ завлечь дѣтей, нужно дѣйствовать неспешно, осторожно. Вотъ почему слѣдовало разложить среди лучшихъ произведеній дѣтской и не-дѣтской литературы такія, которыя не только соотвѣтствовали бы требованіямъ нашего читателя, но по разработкѣ, по фабулѣ были бы проникнуты высокимъ гуманизмомъ; если эти произведенія художественны, они окажутъ благотворное вліяніе на „кровежадного“ читателя и въ то же время удовлетворятъ его вѣрліи, ибо ему нужна лишь опредѣленная завязка, нуженъ фень картины.

Но удачный выборъ книжки—лишь часть работы; необходимо еще соотвѣтственнымъ образомъ обставить и самую технику чтенія. Въ большинствѣ книжекъ приходится—для поддержанія интереса—дѣлать кое-какія кушеры, выбрасывать отдѣльныя фразы, а иногда и цѣлыя абзацы, непригодныя для данной аудиторіи (въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ: то описаній слишкомъ много, то мѣсто не совсемъ понятное или рискованное. Все искусство въ умѣломъ и ловкомъ сокращеніи, при которомъ не пострадалъ бы ни авторъ ни слушатель, совсемъ и не подозрѣвающий о производимой операціи. Громкое, выразительное, по возможности, художественное чтеніе должно быть и спокойнымъ, естественнымъ—такъ часто наблюдающійся слащавый тонъ и заиризываніе съ дѣтскими производить и на послѣднихъ впечатлѣніе, противоположное тому, какого добиваешься. Чтець долженъ усвоить себѣ опредѣленную линію возведенія во время самого процесса чтенія: никакимъ образомъ нельзя прерывать его для какихъ бы то ни было поясненій или дополненій. Если встрѣтится слово, которое можетъ быть непонятно, слѣдуетъ тутъ

же не стрывая глазъ отъ книги, замѣнить его другимъ или—ка-что правильнѣе—поставить другое рядомъ съ нимъ; те же нуже предѣлать незамѣтно и съ цѣлою мыслью, съ фразой, если она внушаетъ чтенію сомнѣнія. Иллюстраціи, встрѣчающіяся среди текста и, обыкновенно, привлекающіе сугубое вниманіе слушателей, нужно тутъ же закрывать; по просьбѣ дѣтей, можно показывать ихъ по прочтеніи разсказа, и тогда онѣ служатъ часто какъ бы канвой, схемой для краткаго повторенія прочитаннаго. По вопросу объ иллюстраціяхъ упоминается такой фактъ. Какъ-то разъ пришлось читать книжку въ стигать, при чемъ рядомъ съ текстомъ помѣщена была на каждой страничкѣ соответствующая ему иллюстрація; поэтому руководитель—въ видѣ исключенія—сталъ показывать картинки тутъ же, при текствѣ. Однако, совершенно неожиданно поступилъ со стороны дѣтей протестъ: выразившія прежде нетерпѣніе дѣти такъ привыкли затѣмъ къ непрерывному, цѣльному чтенію, что теперь попросили показывать картинки послѣ, когда окончатъ разсказъ.

По этимъ же соображеніямъ въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ слѣдуетъ дѣлать краткія паузы, но тоже безъ разговоровъ. По окончаніи чтенія даннаго разсказа не нужно спрашивать, понравился ли онъ, чѣмъ да какъ: хорошее произведеніе въ текстовой чаткѣ и само за себя говорить, а напряженно слушающія дѣти, заставшія дыханіе, —лучшій показатель созданнаго настроенія; расспрашивать да разбирать значить спугнуть это настроеніе, обезцѣнить прекрасный моментъ.

Наряду съ коллективнымъ чтеніемъ тотчасъ же выявилась серьезная потребность въ собственной библіотекѣ: сильно повысился интересъ къ книгѣ, вообще, и къ той, что читалась вслухъ, въ особенности. И тѣ дѣти, что присутствовали на чтеніи, и тѣ, что совсѣмъ и не бывали въ Домѣ

въ тотъ или иной день, настойчиво просили данную книжку—одни хотѣли „своими глазами“ перечитывать, другіе разохотались, благодаря лестной рекомендаціи товарища, характерно, что продолжительное время дѣти не знали или не запоминали ни заглавія книжки ни ея автора—надо было догадываться либо по именамъ героевъ либо по какимъ-нибудь другимъ, иногда довольно курьезнымъ, примѣрамъ. Такъ или иначе, необходимо было подумать о своей библіотекѣ и позаботиться, чтобы читалось вслухъ явни то, что является нашей собственностью и можетъ быть выдано дѣтямъ на руки,—пришлось отказаться, такимъ образомъ, отъ пользованія книжнымъ имуществомъ частныхъ библиотекъ.

Къ тому времени Дѣтскому Дому удалось увеличить свое помѣщеніе, и для и жнѣ будущей библіотеки читальни была отведена вначалѣ маленкая, а затѣмъ, спустя мѣсяць-другой, болѣе просторная комната. Своими средствами и стараніями дѣтей комнату эту сейчасъ же превратили въ уютный уголокъ—достаточно было для этого поставить нѣсколько столовъ, обитыхъ клеенкой и окруженныхъ стульями, да развѣсить по стѣнамъ дешевенькія гравюры, начиная съ портретовъ писателей, вѣднѣхъ дѣятелей и кончая копіями картинъ отечественныхъ художниковъ. Съ этого момента библіотека изъ области мечты превратилась въ фактъ и тотчасъ же заняла опредѣленное мѣсто въ жизни Дома. Какъ, какими путями была собрана библіотека, какіе принципы были положены въ ея основу, какъ была поставлена техническая ея часть и, наконецъ, что удалось достигнуть при ея содѣйствіи,—объ этомъ рѣчь ниже; сейчасъ же вернемся къ вопросу о коллективныхъ чтеніяхъ и прослѣдимъ тѣ формы, какія они нерѣдко принимали.

Къ 6 - 6 ½ час. вечера многія дѣти, успѣвшія уже и поработать въ своихъ „мастерскихъ“ и по-

читать „про себя“, обрамляясь съ заиреюмъ — презбой: „N. N., а вы будете сегодня читать?“ Руководитель, никогда самъ не предлагавшій своихъ услугъ, но постоянно имѣвшій про запасъ, заготовъ, нѣсколько разнообразныхъ книжекъ, собиравался съ тѣмъ, какъ долго сидитъ сейчасъ наличный составъ читателей и насколько они увлечены книгой. Случалось, что раньше небытъ ли успѣли уже уйти изъ читальни, и въ ней сидѣло нѣсколько человекъ, которые недавно явились къ намъ — непосредственно съ работы — и съ большимъ интересомъ набросились на книжки — многие дочитывали начатое на канунъ или за нѣсколько дней до того. Въ такихъ случаяхъ руководитель стѣсчалъ, что сегодня, молъ, чтенія вслухъ не будетъ, — и большинствъ не только не протестовало, но и не интересовалось причиной отказа, ибо за книжкой сидѣть хотѣлось. Однако, большей частью читать приходило — слушатели наставляли: вообще, къ концу дня, послѣ работы, бѣготни, жалостей хочется спокойно и тихо посидѣть всѣмъ вмѣстѣ и покусимъ какой-нибудь „красивый“ разсказъ. На улицѣ — холода, грязь, вѣтра; дома — тяжелая обстановка бѣдности; у насъ же такъ уютно, ласково, тепло. Передъ чтеніемъ устраивалась спѣшная баллотировка — кто за — кто противъ него, нерасположенные слушать сдавали свои книги и уходили, сходили спѣшно составляли стулья тѣсными кругомъ и усаживались. Впрочемъ нѣсколько времени спустя, когда чтенія совершенно правились и составляли уже неотъемлемую принадлежность къ талки, мы разрѣшали жопашимъ продолжать индивидуальное чтеніе — сставаться въ комнаты, но съ условіемъ, чтобы до окончанія даннаго разсказа никто изъ нихъ не выходилъ и не произносилъ никакого шума. Подъ страхомъ грозныхъ товарищескихъ окриковъ, условія эти строго выполнялись; но весьма часто уже черезъ пять десять

мигнуть — глядишь читатели тихо положили передъ руководителемъ свои книги и, ступая на пальцахъ, примостались гдѣ нибудь поближе къ чтецу, чтобы тоже слушать заинтересовавшій ихъ рассказъ.

Потребуется въ полной тишинѣ выявилась среди дѣтей уже послѣ первыхъ пяти-шести чтеній — они стали очень нервничать и протестовать, когда кто-нибудь какимъ-нибудь стукомъ нарушалъ ихъ настроеніе, отвлекалъ вниманіе. Воспользовавшись этимъ, руководитель предложилъ дѣтямъ вынести такое постановленіе: во время чтенія, посреди рассказа, никто — ни дѣти ни взрослые — не можетъ ни входить въ комнату ни выходить оттуда. Такое правило, помнится, было принято единогласно и весьма охотно, и сами дѣти очень строго слѣдили за этимъ. Порядкомъ введенъ былъ такой: до начала чтенія и въ перерывахъ — а одинъ рассказъ, по возможности, прочитывался въ пятнадцать-двадцать минутъ — двери открывались, и одни вновь входили, другіе уходили. Кто не успѣвалъ, ждалъ въ корридорѣ слѣдующаго перерыва. Конечно, въ первые дни дѣти пытались нарушить этотъ порядокъ, но ихъ заинтересованные товарищи — слушатели сумѣли настоять на своемъ; они же мужественно боролись и съ нарушителями библиотечной тишины изъ среды взрослыхъ, сотрудниковъ Дома. Вскорѣ на чтеніи воцарилась такая атмосфера, такое безмолвное напряженіе, что громкимъ казалась дыханіе или тихій вздохъ слушателя; стоя за дверью, можно было думать, что руководитель читаетъ вслухъ въ большой пустой комнатѣ.

Составъ участниковъ коллективныхъ чтеній бывалъ самый пестрый по своему возрасту — въ числѣ заведомо взрослыхъ читалки находились и дѣти-восьмилѣтки и подростки-дѣвушки и парни 15-16 лѣтъ. При полномъ отсутствіи во всемъ районѣ какой-нибудь библиотѣки или клуба, не хватало у

руководителей Дома духу выпроваживать старших дѣтей, перешедшихъ опредѣленный возрастной цѣпъ. Они посѣщали, главнымъ образомъ, читалку и оставались на совмѣстномъ чтеніи. Такое разнообразіе слушателей заставляло съ особенной осторожностью выбирать матеріалъ для чтенія; и лишь въ самый послѣдній моментъ, же когда всѣ дѣти тѣснымъ колыцомъ окружали руководителя, послѣдній, бѣгло осмотрѣвши свою аудиторію, останавливался на какойнибудь однѣй книжкѣ. Въ большинствѣ случаевъ выборъ падалъ на рассказы для дѣтей 11-13 лѣтъ, ибо такихъ дѣтей всегда бывало въ читальнѣ всего больше: но, занимательные по сюжету и художественные по исполненію, рассказы эти заинтересовывали, съ одной стороны, и слушателей помоложе, а, съ другой, и болѣе взрослыхъ, которые въ свое время такихъ книжекъ не встрѣчали. Параллельно съ этими чтеніями всерьѣзъ организована была и младшая группа, которой читались, по преимуществу, сказки, легкіе, коротенькіе рассказы, стихи. Не принимая рѣшительно никакихъ повелительныхъ мѣръ и рассчитывая лишь на „естественный отборъ“, мы достигли того, что маленькія дѣти сами стремились „слушать сказки“; кто изъ малолѣтнихъ хотѣлъ, все же, оставаться на чтеніи старшихъ, свободно допускался: ему это, очевидно, интересно—и пусть сидитъ.

Кстати о сказкахъ. Въ подавляющемъ своемъ большинствѣ наши посѣтители ничего не читали, —кромѣ сказокъ, часто глупыхъ и бессмысленныхъ; вотъ почему, пришедши въ читалку, они только ихъ и требовали. Пришлось повести упорную борьбу съ этимъ предпочтеніемъ: не убоившись риска растерять слушателя, руководитель читалъ исключительно беллетристику, которая постепенно захватывала публику; сказкой же иногда „закусывалъ“, оставляя ее въ конецъ вечера. Изъ

сказокъ большимъ большимъ успѣхомъ пользовались избранныя произведенія Андерсена и Гримма, любимы были Бейштейнъ („Новыя сказки“ въ изд. Деврена); Киплингъ („Разказы и сказки“, изд. О. Поповой), и др.; истинный восторгъ аудиторіи вызвали былины о русскихъ богатыряхъ, изложенныя пѣвучимъ стихомъ. Постепенно, однако, у дѣтей остывала охота къ сказкѣ, а черезъ нѣскольکو времени явилась возможность проводить параллели между сказкой и былью, причемъ симпатіи сказались на сторонѣ послѣдней. Однажды была прочитана прекрасная книжка-разсказъ, цѣликомъ захватившая дѣтей, а послѣ этого — интересная сказка. На вопросъ, что больше нравятся, слушатели въ своихъ мнѣніяхъ разошлись — одни заявили, что разсказъ интереснѣе, другіе — что сказка; однако, всѣ признали, что въ сказкѣ „брехня“, а „правда о людяхъ“ лишь въ разсказахъ.

Въ первые 7-8 мѣсяцевъ въ „читалкѣ“ читалось было много книжекъ, при чемъ почти всѣ за самыми рѣдкими исключеніями — принимались дѣтьми очень тепло, съ большими вниманіемъ. Довольно часто можно было замѣтить на глазахъ не только молодыхъ, но и старшихъ слушателей, слезы сочувствія къ героямъ разсказовъ. Никогда не удавалось ограничиться однимъ произведеніемъ: по настоянію дѣтей, по ихъ горячѣй просьбѣ, приходилось читать второй разсказъ, за нимъ третій — иногда до хрипоты, — до поздняго вечера затягивалось литтѣрное чтеніе. Руководители чередовали мѣнорное, печальное, съ веселымъ юмористическимъ, „правду“ со „сказкой“. Нѣкоторое представленіе о предѣланной работѣ можетъ дать далеко не полный, впрочемъ, перечень прочитаннаго, — неполный потому, что мы вынуждены возстановлять его по памяти; слѣдуетъ оговориться — произведенія одного и того же автора на различныя темы, а также произведенія отдѣльных авторовъ

на ту же тему читались разновременно, съ опредѣленными промежутками. Къ сожалѣнію, отсутствіе записей, не даетъ возможность указать порядкъ, въ какомъ прочитывались книжки, и приходится называть ихъ по авторамъ.

Кромѣ упомянутыхъ выше, прочтаны были слѣдующія произведенія: Толстой Л. Н. Кавказскій плѣнникъ; Чѣмъ люди живы; Осада Севастополя (отдѣльныя мѣста). Маминъ-Сибирякъ. Кормилецъ. „Вольный человѣкъ Яшка“; Въ ученьи; Кара-Ханымъ; Замовье на Студеной; Акъ Бояаты; Жидъ. Станюковичъ К. Человѣкъ за бортомъ; За щупленькаго; Исайка; Огтяннѣй; Кудый; Нянька; Васина тайна; Двѣ елки. Сенкевичъ Г. Янко музикуать; Бартекъ-побѣдитель. Конопницкая, Жидъ (Мензель Гданскій). Оржевико Э. Коробейникъ; Тяжкій грѣхъ; Приключеніе Яся. Короленко. Дѣти подземелья. Амичисъ. Поединокъ; Мать. Гаршинъ В. Сигналъ; Сказаніе о гордомъ Апей. Бажина. Доброе дѣло; Счастье. Голяшъ. Запорожская свѣчь (отрывки). Тургеневъ. Записки охотника (отр.). Пушкинъ. Капитанская дочка (отр.) Гончаровъ. Обломовъ (Сонъ Илюши). Андреевъ Л. Петя на дачѣ Чуриковъ. Коля и Колька. Ледлау. Стрѣлочникъ Лизъ. Лафранъ. Жизнь за ласку. Уйдъ. Приключеніе маленькаго графа. Серго. Воалъ ребенка. Немировичъ-Данченко. Махмудкины дѣти. Слюцкова. Женильба Михайлы. Зандъ Ж. Великанъ Іеусъ. Бутетичъ. Красный фонарь; Кузя. Засодимскій. Въ подвалѣ; Ночь на новый годъ. Дмитриева. Мама на войнѣ; Малышъ и Жучка. Незванова. Микъ и Шумька. Жучка. Темліе. Изъ жизни уличнаго мальчика. Додъ. Необдуманный поступокъ. Лукашевичъ. Босоногая команда; Федюнька-учитель и др.

Черезъ день-другой послѣ кончины Д. Н. Маминъ-Сибиряка, въ ближайшее воскресенье, дѣти собрались специально для чтенія его произведеній: въ теченіе нѣсколькихъ часовъ были про-

читаны, кромѣ нѣкоторыхъ изъ вышеперечисленныхъ, еще и слѣдующія: „Дорогой камень“, „Дѣдушкино золото“ (съ куклярами), „Послѣдняя треба“.

Спросъ на „военные рассказы“ удовлетворялся нами рядомъ книжекъ, трагующихъ о благородствѣ и великодушіи какъ побѣдителей такъ и побѣжденныхъ. Таковы упомянутыя уже произведенія Толстого („Кавказскій плѣнникъ“, „Осада Севастополя“), Дмитриевой („Мама на войнѣ“), Немировича-Данченки („Махмудкины дѣти“), Тютчева („Одинъ на полѣ сраженія“), Сенкевича (Бартекъ-побѣдитель“), а также: Услуга за услугу; Раненый врачъ; *Иванина*. Послѣ сраженія; *Михайловскаго*. Доброе слово пастыря. Вопреки очень распространенному мнѣнію, дѣти улицы, въ больши́нствѣ своемъ, не заражены воинственностью и не жаждутъ крови: явно симпатизируя смѣлости и отвагѣ, они—на сторонѣ великодушныхъ побѣдителей. До самаго послѣдняго времени они не разбирались въ социальныхъ мотивахъ войны, но способны чувствовать ужасъ ея опустошительныхъ дѣйствій, умѣютъ сочувствовать угнетаемымъ, слабымъ, безъ вѣны страждущимъ. Нужно лишь путемъ подбора соответствующей литературы вызывать, проявить эти чувства.

Въ ряду другихъ мѣръ борьбы съ національной нетерпимостью, вообще, и съ душкомъ антисемитизма, въ частности, извѣстную роль сыграла и книга. За отчетный періодъ прочитаны были на эту тему: „Жидъ“ (Маминъ-Сибиряка), „Жидъ“ (Конопницкой) и „Коробейникъ“ (Оржешко), причемъ книжки эти читались передъ сплошь христіанской аудиторіей. Помнится когда руководитель впервые прочиталъ знакомое дѣтямъ слово заголовка, раздались хихиканья—незлобныя, игривыя; однако, весь рассказъ поослушанъ былъ съ большимъ вниманіемъ. Вторая книжка (Конопницкой) была взята послѣ значительнаго промежутка вре-

мени и произвела большое, тяжелое впечатление. Сцена погрома и фигура старого перешитчика оказались столь неотразимы, что слушатели тяжело выдыхали во время чтения, а по окончании его разошлись, вопреки обыкновению, медленно, без шума и баловства. „Корейбейникъ“ тоже очень понравился — и послѣ коллективного чтения книжка эта охотно перечитывалась дѣтьми отдѣльно.

Какъ то руководитель сдѣлалъ пробу — предложивъ дѣтямъ читать вслухъ по очереди: попытка эта окончилась неудачей, такъ какъ никто изъ нашихъ воспитателей не владелъ даромъ выразительнаго чтения, а слушатели рѣзко реагировали на всякія заманки, простекавшія изъ за отсутствія техники у малолѣтнихъ чтецовъ. Попытки читать по природовѣдствію, географіи и др. также оказались тщетными, такъ какъ въ первой стадіи нашей работы дѣтей это еще не интересовало да и книжекъ вполне подходящихъ не было. Замѣтно было нѣкоторое пристрастіе къ исторической беллетристикѣ, но и здѣсь сказывалась наша бѣдность, — отсутствіе въ библиотекѣ нужныхъ книгъ дало намъ возможности развить и углубить интересъ дѣтей къ исторіи и различнымъ ея эпохамъ.

Спустя нѣкоторое время, когда чтение небольшихъ произведеній окончательно наладилось, и вниманіе дѣтей было собрано, руководитель предпринялъ чтение вслухъ большого произведенія, которое пришлось растянуть на 3-4 раза. Взята была книжка *Е. А. Сысоевой* — „Отъ бревенчатой тижинны до Білаго дома“, которая, уже послѣ необходимыхъ купюръ, занимала свыше 150 стр. среднего формата. Опытъ этотъ удался блестяще: къ каждому послѣдующему чтенію являлись всѣ прежніе слушатели, а съ ними и новые, желавшіе послушать хотя бы со средины; по предложенію руководителя, сами дѣти припоминали, на чемъ мы остановились въ прошлый разъ, указывая на рядъ событій изъ

жизни героя, Джемса Гарфилда. Этотъ послѣдній долго служилъ, затѣмъ, предметомъ разговоровъ; книжку перечитывали въ одиночку, а твердостью характера, настойчивостью, энергіей героя восхищались. Успѣхъ давняго чтенія показалъ, какъ внимательными слушатели и какъ значительно ужь вліяніе на нихъ хорошей книги.

Достойна вниманія метафорфаза, какую терпѣли вкусы дѣтей въ отношеніи стихотворной формы изложенія. Почему то наши посѣтителы не любили стиха—думаю потому, что, читая его постоянно одностонно, — съ остановками въ концѣ каждой строки, а не тамъ, гдѣ это о требуетъ смыслъ, — они не улавливали содержанія, естественно, не чувствовали красоты стиха. Какъ-то разъ руководитель привялся за чтеніе Жуковскаго — „Капитанъ Боппъ“ замѣтивъ короткія строки, нѣкоторые дѣти запротестовали противъ стиховъ, другіе, хоть и ничего не говорили, но выражали въ лицѣ явное недовольство. Руководитель указалъ, что вещь это интересная и что онъ считаетъ нежеланіе слушать стихи простымъ капризомъ; а по сему читаться будетъ именно это произведеніе — кому не интересно, можетъ уйти. Нѣсколько человѣкъ поднялось, большинство осталось. Конечно, черезъ десять минутъ всѣ слушали съ превеликимъ вниманіемъ, совершенно забывши про форму изложенія. Спустя нѣсколько дней прочитавъ былъ „Судъ Божій надъ епископомъ“; позже читался и Некрасовъ — „Дядюшка Яковъ“, „Генераль Топтыгинъ“ — стихи получили полныя права гражданства. Такими же правами обзавелись вскорѣ и тощія книжицы, содержащія въ себѣ по одному лишь разсказу. Присущее всѣмъ дѣтямъ стремленіе „быть большими“ породило желаніе читать лишь „толстую“ книгу; отъ маленькой, копеечной брошюрки брезгливо створачивались. Такое явленіе было крайне неудобно, такъ какъ въ бѣдной

библіотекъ большинство книгъ — дешевенькія. Но это и весьма вредно, поскольку тощая книжца, вообще предпочтительнее, независимо отъ матеріальныхъ соблазновъ: опытъ показалъ, что въ сборникѣ разсказы дѣти читаютъ, обыкновенно лишь первые два-три. Книжка надоедаетъ даже видомъ своимъ, хочется новаго, и остальные разсказы, такимъ образомъ, пропадаютъ. Борьба съ засильемъ „толстой“ книги, проведена была совершенно незамѣтно для дѣтей: руководитель читалъ вслухъ *только* изъ тощей книжцы, и читатели стали привыкать къ тому, что и копеечная брошюрка можетъ быть интересной. До этого они были глубоко убѣждены, что интересной можетъ быть лишь толстая и, слѣдовательно, дорогая книжка.

XIV. Чтенія-бесѣды.

Говоря о техникахъ коллективныхъ чтеній, мы указали, что по окончаніи разсказа не слѣдуетъ расцѣпывать, понять ли онъ и нравятся ли, ибо это разбиваетъ впечатлѣніе, нарушаетъ цѣльность его. Однако бывають случаи, когда обсужденіе прочитаннаго, бесѣда „по поводу“ не только желательна, но и нужна, какъ нужны иногда дебаты по существу какого-нибудь доклада или лекціи. Иной докладъ такъ исчерпывающе освѣщаетъ вопросъ, что не оставляетъ мѣста для недоумѣній и возраженій; другой — наоборотъ, какъ бы приглашаетъ къ спору, вызываетъ реплики самой постановкой вопроса, трактовкой его.

Въ практикѣ нашей читалки были случаи, когда нужно было „открыть пренія“ о прочитанномъ, ощущалась потребность поставить точки надъ открытымъ „і“ и предоставлялось дѣлать это самимъ дѣтямъ; исходила инициатива, правда со стороны руководителя, но въ этомъ случаѣ онъ лишь отражалъ настроеніе слушателей. Изъ вѣс-

колькихъ „рефератовъ“, имѣвшихъ мѣсто въ Домѣ, остановимся на трехъ, которые остались въ памяти особенно отчетливо.

Читается прелестная вещьца Селкевича „Янко мувыкантъ“ („Янколь музыкантъ“, — окрестили его тотчасъ же наши башибузуки) и слушается съ исключительнымъ вниманіемъ, копецъ вызываетъ слезы. Но чувствуется необходимость бесѣды, ибо общественная совѣсть взбудоражена, и вопросъ не всѣмъ одинаково рѣшается. Руководитель въ нѣсколькихъ словахъ знакомитъ съ институтомъ присяжныхъ заседателей, попутно указавши на возможность коллизіи между установленнымъ фактомъ преступленія и его оцѣнкой и на важное значеніе мотивовъ и обстановки въ дѣлѣ. Итакъ, виновенъ ли Янко и заслуживаетъ ли наказанія? — ставится вопросъ дѣтямъ — будущимъ присяжнымъ. Почти всѣ хоромъ, съ экспрессіей, отвѣчаютъ, что Янко не виноватъ, хотя скрипку и укралъ. Какъ же, вѣдь кража совершена? „Такъ случилось... онъ не хотѣлъ, но взялъ .. онъ не виноватъ...“ „Что бы сдѣлала вы въ такомъ случаѣ съ Янко, если бы, въ качествѣ заседателей, судили его?“ На этотъ вопросъ отвѣчаетъ за всѣхъ главный вожакъ и заправила нашей сплоченной группы, четырнадцатилѣтній В—въ: „Отдать бы я ему скрипку, и кофѣйкой въ...., пшелъ“... Сочинивъ этотъ, сипровождаемый соответствующимъ жестомъ, вызываетъ явное сочувствіе и поддержку всей аудиторіи.

Нѣсколько дней спустя состоялось исключительное по своему интересу чтеніе съ бесѣдой, на которой присутствовало свыше полусотни членовъ. Руководитель съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ остановился на весьма удачномъ разсказѣ изъ школьной жизни: „Ябедникъ ли онъ?“ *).

*) Имя автора не запомнилъ, разсказъ былъ помѣщенъ въ одной изъ старыхъ книжекъ ж. „Юн. Читатель“.

ракекаа является симпатичный, честный и чистый мальчикъ, по фамилиі Галкинъ, воспитанный своей матерью изъ любви къ правдѣ и справедливости, въ повѣствіяхъ о товарищескомъ долгѣ, въ духѣ благородства и рыцарской чести. И вотъ этакъ то Галкинъ задеваетъ жертвой столкновения чувства правды съ чувствомъ товарищества. Одинъ изъ одноклассниковъ его, самый дурной и шкодливый, учиняетъ большую пакость въ отношеніи старичка-учителя, такого несчастнаго, прибитаго, добродушнаго. Въ результатъ очень злой нотѣхи, является грозный, всѣмъ ненавистный смотритель, производящій поголовный и ужасный допросъ-инквизицію; достается и несчастному, бѣдному учителю которому грозить увольненіе и, слѣдственно, нищета. Приближается очередь допроса и до Галкина, которому тоже придется предстать передъ страшнымъ, испытующимъ взоромъ начальства, категорически добивающагося имени виновника. Нравственно измученный происходящимъ къ классу, потрясенный и глубоко возмущенный издѣвательствомъ надъ учителемъ, вообще, любимымъ учениками, мальчакъ стоитъ передъ мучительнымъ вопросомъ: что дѣлать? какъ быть? Да, нельзя выдавать товарищей, нельзя ябедничать, но вѣдь и надо говорить только правду, — одну правду говорить надо, — такъ постоянно учила его малая, обожаемая мама. Мальчикъ въ недоумѣніи... Однако, онъ уже собирается сказать, оаъ ужъ говорить, что не знаетъ, кто позволилъ себѣ пакость... Въ это самое время передъ нимъ, какъ въ туманѣ, предстаетъ дорогой образъ любимой матери, — и тихо, почти безсознательно, однимъ лишь губами, произноситъ оаъ фамилію проказника... Всѣхъ школьниковъ штрафуютъ, Галкина хвалятъ и поощряютъ, но не радуется его это похвала, очень тяжела она ему. Толсурый выходитъ онъ изъ школы — для того лишь, чтобы на ул. гдѣ под-

вергнуться новымъ мученіямъ: его подстерегаютъ товарищи, набрасываются съ ругательствами, оскорбляютъ эту нѣжную душу, жестоко издѣваются. И что всего больнѣе—бросать въ лицо „ябедника“—ему, такому чистому. Мальчикъ униженъ, оплеванъ; но единственная надежда на мать—она его пойметъ, она оправдаетъ. Увы!—и здѣсь онъ не находитъ утѣшенія: и мать вынеситъ ему порицаніе, находя, что „правда—правдѣ ровнѣ“. Галкинъ заболѣваетъ горячкою, въ бреду оправдывается, отвергаетъ фактъ ябедничества, а затѣмъ умираетъ въ тифу.

Рассказъ заканчивается недоумѣннымъ вопросомъ: „ябедникъ ли онъ?“, и этотъ вопросъ ставится на разрѣшеніе насторожившихся слушателей, пѣликомъ поглощенныхъ исторіей Галкина и переживающихъ его трагедію. Какъ онъ долженъ былъ поступить, и права ли была его мать, окончатель-но сразившая любимое дитя своимъ обвинительнымъ приговоромъ? Нѣсколько человекъ—изъ числа наиболѣе рьяныхъ—заввели, что Галкинъ, „все таки“, ябедникъ; однако, это мнѣніе тотчасъ же покрывается гуломъ голосовъ, определенно указывающихъ, что мальчикъ совершенно невиноватъ, и въ смерти его повинна лишь мать. Руководитель поясняетъ при этомъ, что должны существовать нѣкія границы, въ рамкахъ коихъ долгъ товарищества священенъ; за этими границами начинается долгъ честнаго человѣка, долгъ гражданина, обязывающій всѣми путями и способами бороться со зломъ. Кто то изъ дѣтей пытается помочь руководителю, иллюстрируя свою мысль такъ: „если мой товарищъ пойдетъ со мною по улицѣ и пырнетъ коро-вибудъ ножомъ и если я не разекажу, такъ вѣдь онъ завтра другого убьетъ, а те вдругъ и меня самого“. Улучивъ удобный моментъ, руководитель приводитъ соответствующій случай изъ жизни Дѣтскаго Дома. Леодон-

кратко наши посѣтители дрались, сквернословили, буйствовали, даже краля,—и мы не добивались выдачи виновниковъ, просили даже не называть ихъ. Но однажды кто-то позволилъ себѣ въ вестибюлѣ гнуснѣсть, оскорбительную для всего Дома, и руководитель предложилъ тотчасъ же назвать фамиліи проказниковъ; товарищи ихъ нѣсколько смущенные, отшли вѣ сторону и, пошутукавшись очень непродолжительное время, указали на провинившихся. Очевидно, они сами повали, что здѣсь чувства товарищества ни при чемъ, ибо совершена крупная гадость, всѣмъ непріятная и недопустимая, вообще; и называя имена, они лишь борются со зломъ, но отяудъ не забываютъ, не выдаютъ.

Аудиторія, видимо, вполне согласилась съ этой точкой зрѣнія, и сложный вопросъ о столкновеніи двухъ этическихъ нормъ былъ благополучно разрѣшенъ.

Чтобы покончить съ тезисами-бесѣдами, упомянемъ еще обѣ одномъ случаѣ,—когда разбирались „дуэльный вопросъ“. Правда, дѣти, вообще, а училища, въ частности, чужды кастовыхъ предрассудковъ; они не очень чутки къ вопросамъ чести и не привыкли „давать удовлетвореніе оружіемъ“... Но зато они весьма привыкли апеллировать къ физическому воздействию, къ кулаку, какъ къ послѣднему и наиболѣе вѣсному аргументу. А въ сущности, развѣ дуэльная процедура—если ее лишить всякихъ внѣшнихъ красивыхъ атрибутовъ—не есть то же самое; развѣ здѣсь не расчетъ—быть сильнѣе ненавистнаго въ данный моментъ протавника и побить, повергнуть его во прахъ? Какъ же относятся наши читатели къ дуэли, которая должна бы имъ импонировать?

Прочитываются дѣтямъ два разсказа—Амичисъ „Поединокъ“ и, кажется, Стилежова—„Дуэль“ (изъ сборника Тумима—„Жизнь—благо“). Тепло напи-

савныя произведенія, самой своей темой выражающія рѣзкій протестъ прсти ѣ дикаго обычая средневѣковыхъ рыцарей, производятъ на дѣтей неотразимое впечатлѣніе; при особенно сильныхъ сценахъ слышатся всхли и нервное движеніе. А все тотъ же голоморѣзъ В. въ, тоже лихорадочно слѣдящій за чтеніемъ, заявляетъ какъ бы про себя, вполне логично: „Пора бы брсеяъ всѣ эти дуэли!“. Любопытно, что несмотря на крайне отрицательное отношеніе рассказовъ къ дуэлямъ, рѣта нѣсколько разъ просили, затѣмъ, почитать имъ сюва на эту тему.

И мы уже отмѣчались, что чтеніе проходило въ атмосферѣ удивительно теплой, мирной, хорошей. Благъ дарная аудиторія скоро научилась и слушать, и воспринимать и переживать съ большой интенсивностью, окулавшей всѣ уселія и всю затраченную энергію. Продолжавшаяся работа лишній разъ наглядно показала, что подѣ въѣнней грубостью и дикостью обется живая человѣческая душа со всѣми присущими ей свойствами, — нужно лишь осторожно, надо уметь найти подхожій реактивъ. Характерныя детали: বেশи соплячки явно слышали изъ своей чувствительности, своего соплячства слабому и обездѣльному, вообще своей „хорошести“ при реактивѣ на прослушанное, и намѣреніе „на это“, говорили и то я не такъ, что и какъ думать и что говорить. Достаточно было, однако, взглянуть на ихъ лица, чтобы знать, какъ и что думать себѣ. И сколько нѣбавитъ въ дѣтскихъ коллективныхъ чтеніяхъ, явленіе и изъ такого факта. Какъ то разъ, въ вечеръ, во время работы въ читальнѣ, гонимая и въ самое окно вбѣжалъ оскещъ. Руководитель, прекрасно зная, что наши слушатели являются необходимыми, обязательными авангардомъ музыкантовъ, прервать чтеніе и предложить всѣмъ выйти на улицу, посмотреть да послушать: и вѣроятно, съ шквомъ челоуѣкъ поди-

лось и, подъ ролотъ своихъ товарищей, конфузливо вышло три подростка; остальные, нѣсколько рисуясь своимъ пренебреженіемъ („важность какая, — музыка!“), просили продолжать „интересный“ рассказъ. А вѣдь всего лишь три-четыре мѣсяца тому назадъ эти самыя дѣтя, слышавши не только музыку, но какой нибудь необычный шумъ, стремглавъ, сломя голову, бросались на улицу, разбѣгая по дорогѣ и книга, и инструменты и собственные работы!..

ХV. Библіотека-Читальня.

При ближайшемъ разсмотрѣніи списка книгъ, послужившихъ матеріаломъ для коллективныхъ чтеній, несомнѣнно замѣчается отсутствіе строгой плановѣрности, системы въ выборѣ произведеній. Всѣ книжки, прочитанныя посѣтителямъ Дѣтскаго Дома, заслуживаютъ вниманія и одобренія; но почему именно эти книжки избраны, когда есть сотня такихъ же хорошихъ, а можетъ и лучшихъ? Почему послѣ даннаго произведенія прочитано именно это, а не другое? Почему самыя чтенія не проводились по опредѣленному, заранее детально-выработанному плану? Дѣйствительно, здѣсь былъ элементъ случайности; но случайность эта была вынужденной и объяснялась тѣми общими условіями, при которыхъ приходилось создавать библіотеку Дѣтскаго Дома. Мы уже отмѣтили, что вынуждены были читать вслухъ лишь то, что имѣлось въ нашемъ книгохранилищѣ; богатства же этого послѣдняго составлялись тоже совершенно случайно, независимо отъ нашей доброй воли.

Идея организаціи библіотеки-читальни при Домѣ, какъ и ея осуществленіе, не находились ни въ какой связи съ матеріальными возможностями; рѣшительно никакихъ ресурсовъ не было, а библіотеку, все же, создать необходимо. Приходилось

разсчитывать исключительно на добрехотныя даянія, на пожертвованія натурой, — какъ со стороны книгоиздателей, такъ и со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Черезъ 3—4 мѣсяца библіотека имѣла уже около 900 книгъ, при чемъ на покупку ихъ было затрачено сорокъ слишкомъ рублей *разновременно*. Маленькую сумму эту пришлось изстратить лишь на державныя книжки, и нельзя было, поэтому, подбирать ихъ, согласно строгимъ планамъ; если вспомнить, что пожертвованія — тоже дѣло случайное, понятно будетъ, почему наша библіотека не могла сразу же располагать извѣстнымъ *количественнымъ* подборомъ. Но зато мы весьма критически относились къ тѣмъ книгамъ, какія попадали къ намъ; и пусть не было у насъ многого изъ того, что должно быть въ богатой и хорошо-настроенной библіотекѣ, но то, что имѣлось, отвѣчало серьезнымъ педагогическимъ требованіямъ и по праву занимаетъ опредѣленное мѣсто въ дѣтской литературѣ — дурной, вредной книжки не найти въ библіотекѣ Дѣтскаго Дома. При полномъ отсутствіи средствъ и при бѣдности въ работникахъ созданіе книгохранилища требовало большой энергіи и упорнаго, тяжелаго труда: изъ частныхъ домовъ, черезъ посредство учебныхъ заведеній, а также отъ издателей поступали разнообразныя — часто безобразныя — книги, которыя надо было тщательно сортировать; многое приходилось вымѣнивать у букинистовъ, многое — для нашихъ цѣлей совершенно непригодное — сбывать за безцѣнокъ. Правда, самыя крупныя издательства оказались глухими къ проѣбамъ Дома (это, быть можетъ, объясняется и слишкомъ частымъ „клянченьемъ“ со стороны всевозможныхъ организацій); тѣмъ не менѣе именно отсюда пришла помощь, сразу поставившая дѣло на твердую почву. До пятисотъ отдѣльныхъ книгъ и брошюръ, поступившихъ отъ трехъ

наиболѣе отзывчивыя издательскія фирмъ *) послужили основнымъ фовдомъ новой библіотеки, которая, по мысли учредителей ея, должна была современемъ явиться образцомъ правильно поставленнаго дѣтскаго книгохраненія.

Отвѣчающія этимъ требованіямъ книжки разбивались на пять возрастныхъ группъ: для дѣтей младшаго возраста, младшаго-средняго, средняго, средняго-старшаго и, наконецъ, старшаго (13—15 лѣтъ); и, соотвѣтственно этому, на корешкѣ переплета, рядомъ съ номеромъ книги, помѣщались умяжныя наклейки обусловленныхъ цвѣтовъ. Для удобства выдачи весь данный авторъ помѣщался въ одномъ мѣстѣ, подъ однимъ номеромъ: такимъ образомъ, каждая книжка получала 2 номера—одинъ въ порядкѣ поступления и записи въ инвентарную книгу (матеріальный), другой—по автору (систематическій); кромѣ того, для отличія нѣсколькихъ книгъ одного автора, на корешкѣ же обозначался томъ—первый, второй, третій или а, б, с. и т. д.

Кромѣ инвентаря, куда заносился весь формуляръ книжки, велись подвижные каталоги, которые дѣлались на руки не выдавались, а должны были служить лишь справочнымъ матеріаломъ для руководителей. До поступления на полку книжка обзаводилась 3 карточками; послѣдняя, въ цѣлѣхъ дешевизны, не имѣли совсѣмъ печатнаго текста и изготовлены были изъ недорогого картона „международнаго“ формата ($7\frac{1}{2} \times 12\frac{1}{2}$ сантиметр.). Кромѣ номеровъ книги (съ лѣваго верхняго края), на карточку заносились самыя подробныя о ней свѣдѣнія,—вплоть до наименованія лучшихъ произведеній даннаго переплета. Одна такая карточка ставилась въ картонную коробку въ порядкѣ строгаго алфавита, это былъ алфавитный каталогъ, по которому легко можно было найти нужную, *опредѣленную* книжку. Другая карточка—а на всѣхъ

*) К. Н. Тахомировъ, Москва; М. Ступинъ, Москва; М. Н. Славцовъ („Книжки на конѣ охъ“), СПБ.

трехъ, съ праваго верхняго края, обозначенъ возрастъ — шла въ каталогъ, разбитый на пять отдѣловъ, сообразно упомянутому выше возрастному цензу. Если книжка предназначена для двухъ возрастовъ, ей изготовляется еще одна — по счету четвертая — карточка, которая фигурируетъ и въ одномъ и въ другомъ отдѣлѣ, при чемъ въ каждомъ изъ отдѣловъ сохраненъ полный алфавитъ. Этотъ каталогъ нуженъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется найти какую нибудь книжку для читателя даннаго возраста, того или иного развѣтѣ. Наконецъ, третья карточка предназначалась для такъ называемаго предметнаго каталога, вводимого въ нѣкоторыхъ русскихъ библиотекахъ съ недавнихъ поръ и служащаго, въ большинствѣ случаевъ, объектомъ тщетныхъ мечтаній. Составленіе такого каталога требуетъ продолжительнаго труда большого числа опытныхъ работниковъ, часто энциклопедическихъ знаній и, наконецъ, крупныхъ — не только единовременныхъ, но и постоянныхъ — расходовъ. Въ предметномъ каталогѣ карточки располагаются въ алфавитномъ порядкѣ, но не по авторамъ, а по названію тѣхъ понятій, о которыхъ трактуетъ данная книга; а такъ какъ одна и та же книга можетъ говорить и о двадцати понятіяхъ, то для нее приходится выполнять такое же количество, пусть и краткихъ по своему содержанію, карточекъ.

Идея предметнаго каталога осуществима въ молодыхъ библиотекахъ, гдѣ книгъ еще не такъ много, и поступаютъ онѣ постепенно, небольшими партиями. Въ отношеніи дѣтскихъ библиотекъ дѣло нѣсколько упрощается, благодаря тому, что въ таковыхъ, если онѣ хоть немного правильно поставлены, обязательно руководство читателемъ; правда, наши русскія библиотеки до такой высоты въ большинствѣ случаевъ, еще не поднялись, однако это вопроса не мѣняетъ. Тамъ же, гдѣ имѣется руководство, возможно объединять нѣс-

колько понятій въ общія группы и тѣмъ самымъ избѣжать очень ужъ громоздкаго детализированія. Въ библіотекѣ Дѣтскаго Дома намѣчались, напри-
мѣръ, такіе, приблизительно, отдѣлы: трудъ благо-
жизнь—красота; свобода, равенство и братство; до-
ля трудащихся; передъ человѣкомъ, умѣющимъ
хотѣть, все склоняется; борьба за право; сильные
и смѣлые, храбрые и умные; откуда все берется
и какъ что дѣлается; какъ живутъ разные народы;
путешествія и приключенія; сказки-небылицы и т.
д. Біографическій отдѣлъ — «Жизнь замѣчательныхъ
людей» — располагается по алфавиту біографируе-
мыхъ; исторія отдѣльныхъ странъ, если имѣется
значительная литература о каждой странѣ, — по ал-
фавиту названій.

Независимо отъ всей, системы каталогизаціи,
веденіе читальни требуетъ—особенно, въ первое
время—громоздкой работы, энергіи, опыта. Тотъ,
кто выдаетъ книги, является и руководителемъ
чтенія; ему надлежитъ знать содержаніе всѣхъ
книгъ и особенности каждой изъ нихъ, *помнить*
лучшія, *бювыя* произведенія и безъ всякихъ спра-
вокъ; членъ клуба, вошедшій въ библіотеку, дол-
женъ тотчасъ же, безъ задержекъ, получить кни-
гу. иначе скучающій, онъ станетъ шалить. Между
тѣмъ, за 3—3½ часа перебиваетъ тамъ и сто и
больше посѣтителей. при чемъ многіе мѣняютъ
книгу за вечеръ дважды, — нельзя, следовательно,
медлить, нельзя работать съ прохладцей. Одно-
временно приходится слѣдить за тѣмъ, *какъ* чита-
ютъ дѣти: случается, что много читателя книга по-
чему-либо не заинтересовала но ему неловко мѣ-
нять, и онъ скучаетъ,—нужно во-время замѣтить
это и исправить свою ошибку. А больше всего
надо стараться, чтобы этихъ ошибокъ вовсе и не
было, чтобы подростка цѣликомъ захватила уже
первая полученная имъ книга, чтобы она была по-
немъ по его вкусу и развитію. Вотъ здѣсь-то и

нужна сноровка, умѣніе съ двухъ-трехъ словъ угадать, учуять читателя: изъ часто односложныхъ отвѣтовъ на вѣсколько бѣглыхъ вопросовъ (гдѣ учитесь? читали ли то-то? нравится ли то-то?) надо опредѣлить развитіе его и сразу снабдить со-
 ствѣтствующей книгой; впрочемъ, распросы эти умѣстны лишь при первомъ по-
 щеніи—въ дальнѣйшемъ повторять ихъ не слѣдуетъ. Чтобы знать своего читателя, приходится бывать въ читалкѣ ежедневно и имѣть постоянное живое общеніе съ дѣтми и внѣ книги; только наблюдая ихъ за работою и играми, на собраніи „на улицѣ, часто бесѣдуя „обо всемъ и ни о чемъ“, можно быстро опредѣлять, съ кѣмъ имѣешь дѣло и кому что нужно.

Уже съ 4 часовъ дня, какъ только открываются двери клуба, появляется читатель и въ библиотекѣ: кое-кто только ради чтенія и приходитъ, другіе вскорѣ пойдутъ „на работу“, а иные пришли съ тѣмъ, чтобы „немножко почитать“, затѣмъ побѣжать домой—приготовить уроки или матери по хозяйству помочь, а тамъ снова появиться у насъ. Какъ мы уже отмѣтили, всѣ просили вначалѣ лишь сказокъ; между тѣмъ, таковыя выдавались безпрепятственно исключительно малышамъ, съ остальными же читателями приходилось воевать: иногда неудовлетворенный подростокъ совсѣмъ уходилъ изъ библиотeki въ видѣ демонстраціи, но вскорѣ, впрочемъ, возвращался, не ставя уже ультимативныхъ требованій. Сказка выдавалась для отдыха, послѣ того, какъ онъ почиталъ „книжку“ и хотѣлъ развлечься,—такъ именно и стали относиться къ ней читатели Дома спустя нѣкоторое время. Между дѣтми, несомнѣнно, происходилъ обмѣнъ впечатлѣній по поводу прочитаннаго, ибо, спустя дѣй три недѣли, читатели стали требовать опредѣленныя книжки,—изъ числа имѣвшихся у насъ; иногда, позабывши названіе

или главного героя произведенія, читатель такъ опредѣлялъ: „та, што у субботу такой то читалъ“... Послѣ указаній руководителя, что по такимъ признакамъ найти книжку трудно и что желательно называть номеръ ея, удалось добиться и этого. Больше древностные читатели брали объемистыя книги, осиливая ихъ въ нѣсколько вечеровъ, другіе—просили „такъ, чтобы сегодня окончить“, требовали „только правду о людяхъ“ или „жалостливое“, а затѣмъ, уже доверяя нашему вкусу—„дайте, какую хотите“. Дѣвочки стали посѣщать читальню нѣсколько позже и въ одиночку, какъ то нерѣшительно боязливо; однако, число ихъ росло съ каждымъ днемъ, и вскорѣ процентъ дѣвочекъ-читателей былъ не ниже, а иногда и выше процента читающихъ мальчиковъ. Любимыи еще одинъ контингентъ посѣтителей—это крошки 3-5 лѣтъ, которыя упорно добивались книжекъ съ картинками: имъ нравилась обстановка библиотеки, порядокъ въ ней, хотѣлось посидѣть со всѣми вмѣстѣ, за общими столами, въ тишинѣ и покоѣ. Не видя основаній запрещать этимъ будущимъ читателямъ посѣщеніе библиотеки, но и не имѣя соответствующихъ—весьма дорогихъ, въ сожалѣнію,—книжекъ картинокъ, мы завели специально для нихъ отдѣльные томы иллюстрированныхъ журналовъ за старые годы. Журналы эти просматривались нами предварительно, недходящія картинки удалялись,—и мелютки съ презерликимъ усердіемъ перелистали толстѣйшіе томы, а затѣмъ—утомленные, но и удовлетворенные, сіяющіе—уходили играть или слушать сказку или спать. Между прочимъ, эти же журналы служили и аблокѣмъ вѣчнаго раздора: подобно сказкамъ, они имѣли много поклонниковъ и въ средѣ подростковъ; однако, въ виду далеко не всегда подходящаго текста—а читатели обязательно читали и его—мы отказывали въ выдачѣ журналовъ старшимъ.

Съ чувствомъ большого удовлетворенія слѣдуетъ отмѣтить то бережное отношеніе къ книгѣ, какое вскорѣ установилось въ библіотекѣ, — къ чести крошекъ, и онѣ выказывали въ данномъ случаѣ много умиляющей осторожности. Потому ли, что дѣти были въ курсѣ дѣла и знали съ какимъ трудомъ раздобываются книги, благодаря ли частымъ нашимъ напоминаніямъ или подъ рліяніемъ краснорѣчивыхъ плакатовъ, изготовленныхъ при активномъ участіи читателей и развѣшенныхъ по стѣнкамъ библіотеки („книги принадлежать всемъ и никому“, „прежде, чѣмъ взять книгу, осмотри руки“, „береги книгу — не загибай листовъ“), — у насъ вскорѣ научились обращаться съ книгой, не сгибади по корешку, не слюнили.

Какія книги полюбилися нашимъ дѣтямъ всего болѣе? Вопросъ, самъ по себѣ занимательный терзаетъ въ нашихъ условіяхъ нѣкоторую дозу своего интереса: бѣлая библіотека, имѣющая сравнительно незначительный подборъ книгъ, не можетъ говорить языкомъ сравненій. Вотъ почему приходится отмѣтить, лишь то, что дѣти читали съ большой охотой и рекомендовали товарищамъ и что, слѣдовательно, заинтересовало ихъ всего больше въ предѣлахъ скромнаго книгохранилища. Кроме всего того, что читалось нами вслухъ и затѣмъ перечитывалось дѣтьми порознь, слѣдуетъ отмѣтить и слѣдующія книги, имѣвшія въ Дѣтскомъ Домѣ большой успѣхъ. Для младшаго и младшесредняго возраста: *Бостромъ*. Два мірка. *Горбунова* и *Лукиановская*. Для крошечныхъ людей. *Динъ*. Четыре времени года *Куликова*. Шарикъ *Лиданова*. На разсвѣтѣ *Маминъ-Сибирякъ*. Емеля охотникъ *Ахшарумова*. Гяѣдко *Ершовъ*. Конекъ-Горбунокъ *Лукашевичъ*. Гяѣздышко, Путешествіе Гулливера *Венцель*. Бѣлочка чокъ-чокъ. Для средняго и старшаго возраста: *Твенъ*. Принцъ и Нищій. *Твенъ*. Приключенія Тома Сойера; *Бернетъ*. Маленькій лордъ Фаунтле-

рой: *Біаръ*. Приключенія молодого натуралиста *Стенли*. Въ царствѣ черныхъ: *Мало Г. Безъ семьи*. Въ семьѣ *Джеслинсонъ*. Леди *Дженъ Дефо*. Робинзонъ *Крузо Алтасвъ*. Подъ гнетомъ инквизиціи *Вернъ Ж.* Дѣти капитана *Гранта Вернъ Ж.* Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой *Амичисъ*. Школьный годъ *Гринвудъ*. Маленькій оборвышъ *Додъ*. Исторія одного мальчика *Сталь*. Серебряные коныки *Галтъ*. Исторія одного маленькаго челоѣка *Свифтъ*. Путешествіе *Гулливера Рамбо*. Печать *Цезаря Буснахъ*. Своими силами и др.

Всѣ читатели настойчиво добивались полученія книги на домъ; очень нерѣдко со слезами на глазахъ подростокъ объяснялъ, что онъ хочетъ „почитать“ ее вечеромъ и въ свободное время въ течение дня, что онъ принесетъ ее своевременно и въ полной сохранности и т. д. Однако, долго администрація клуба не рѣшалась выдавать книги на домъ, находя это рискованнымъ, и лишь нѣсколько погоды, когда читатель нашъ окрѣпъ, былъ продѣланъ одинъ опытъ, приведшій къ весьма отраднымъ результатамъ. Видя все большую настойчивость дѣтей и ихъ вѣчныя, неотступныя просьбы, руководитель какъ то разъ поставилъ на обсужденіе вопросъ о томъ, какъ-бы обезпечить цѣлость книги на дому; собравшись на специальное совѣщаніе, дѣти предложили рядъ мѣръ—требовать залогъ деньгами или какой-нибудь вещью, отымать паспортъ, брать подписку родителей и прочее въ томъ же духѣ. Черезъ нѣсколько дней посѣтителей ждалъ сюрпризъ: когда всѣ завсегдатаи были въ сборѣ, имъ предложено было избрать свою библиотечную комиссію для надзора за книгами, и тотчасъ же такія были выданы подъ условіемъ возврата въ течение пяти дней. Никакихъ залоговъ, ни подписокъ, ни документочъ—книги выдавались „на честность“; для порядка же была заведена тетрадь, куда заносились №№ книгъ, время ихъ выдачи и

фамилии абонентов. Съ той поры большинство дѣтей являлось въ Домъ съ книжками, почти всегда тщательно завернутыми въ газетную бумагу; при дождѣ или снѣгѣ, книга оказывалась подъ пальто, подъ курткой. Книжки обмѣнивались почти ежедневно, при чемъ изъ оживленныхъ репликъ дѣтей видно было, что читаются онѣ всасось; мы припоминаемъ лишь два случая, когда просрочено было время возврата по вполнѣ уважительнымъ причинамъ,—да и тогда абонату бывало неловко и онъ усиленно оправдывался. Когда черезъ двѣ недѣли пришлось, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, прекратить выдачу книгъ на домъ, и объ этомъ было внезапно объявлено, на рукахъ оказалось 200 книгъ—и возвратилось изъ нихъ 198: одна книга пропала за новымъ, никому неизвѣстнымъ читателемъ, другая утеряна, и за нее обѣщано было уплатить. Правда, книги поступали въ теченіе недѣли, и членамъ дѣтской библиотечной коммисіи пришлось кое-кого посѣтить по этому дѣлу, но вѣдь не въ этомъ сугб. Процентъ потери и аккуратность читателя могутъ, по всей справедливости, служить предметомъ зависти многихъ и многихъ библиотекъ для взрослыхъ.

Значеніе читальни въ жизни Дѣтскаго Дома выходитъ далеко за предѣлы обыденнаго, ибо въ данномъ случаѣ рѣчь не только о доступномъ хранилище: въ лицѣ читальни удалось создать нѣкій оазисъ; получившій официальное наименованіе „тихой комнаты“. Съ того момента, какъ въ клубѣ завелся ревностный читатель, который нуждался въ тишинѣ и спокойствіи, таковыя водворились сами собой. Какъ бы ни шумѣлъ, какъ бы ни баловался членъ клуба въ другихъ комнатахъ, гдѣ производились работы и гдѣ въ такой, абсолютной тишинѣ нужды не было, какъ только онъ оказывался передъ дверью съ краснорѣчивымъ плакатомъ „Тихая комната—Библиотека“ даже внѣшній

видъ его мѣнялся. Сорванецъ непременно пригла-
дитъ волосы передъ тѣмъ, какъ открыть дверь,
запахнетъ разстегнутый вѣтъ сорочки, оправится
и войдетъ въ библиотеку „ва цыпочкахъ“. Онъ и
сюда пробовать вриваться съ шумомъ и смѣхомъ,
но тотчасъ же наталкивался на рѣзкій отпоръ со
стороны своихъ; постепенно сталъ онъ привыкать
къ тому, что въ читальнѣ можно ходить лишь на
цыпочкахъ, можно говорить съ руководителемъ
лишь односложно и тихимъ шепотомъ, можно ска-
зать что либо своему сосѣду лишь мимикой, зна-
ками. На первыхъ порахъ приходилось зорко гла-
дѣть за шалунами, пытавшимися и здѣсь шизнуть,
паясничать, смѣшать народъ; если такой проказ-
никъ послѣ 2-3 просьбъ не уймется, онъ долженъ
выйти изъ библиотеки. Но уже послѣ двухъ не-
дѣль дѣламъ такъ полюбилась тишина, такъ по-
правился мирный уютъ, что они сами стали доро-
жить этимъ и боролись съ нарушителями порядка;
если изрѣдка слышался говоръ вполголоса или
шумъ неосторожно передвигаемыхъ стульевъ,
можно было безошибочно сказать, что это дѣло
какого-либо новачка, созвѣмъ недавно прішедшаго
къ намъ и еще не успѣваго ассимилироваться
съ основнымъ ядромъ клуба, его старыми посѣти-
телями. Случалось, что какой-нибудь башкибузукъ,
только что напроказившій гдѣ нибудь и еще раз-
гориченный, вбодораженный, появится въ библи-
отеку и въ приличномъ видѣ, но ясно выдашь,
что сейчасъ онъ еще не читатель: въ такихъ слу-
чаяхъ предлагаешь ему выйти на нѣсколько ми-
нутъ—успокоится и отдышаться. И, дѣйствительно,
черезъ непродолжительное время онъ возвращается
въ надлежащемъ состояніи и усердно принимается
за чтеніе. Бывало и такъ: входятъ члены клуба въ
читальню, но отъ полученія книги отказывается—
онъ зашелъ, молъ, сюда, чтобы „просто посидѣть“,
отъ шума отдохнуть; посидитъ посидитъ, а затѣмъ,

либо книгу попросить, либо тихонько удалится.

Постепенно руководитель освобождалъ себя отъ обязанностей надзирателя, ибо все рѣже приходилось останавливать дѣтей и слѣдить за порядкомъ въ читальнѣ; иногда онъ намѣренно оставлялъ читателей однихъ на двѣ-три минуты. Глубокое удовлетвореніе довелось испытать нѣсколко позже: какъ то разъ, когда въ читальнѣ сидѣло около сорока человекъ, руководитель, выразивши увѣренность, что все будетъ въ порядкѣ, вышелъ. И когда, спустя минутой пятнадцать, онъ возвратился въ читальню, всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ, углубившася въ книгу и, въ большинствѣ, даже не замѣтивши возвращенія руководителя.

XVI. Заключение.

Подводя краткій итогъ проделанной работы, мы должны признать безспорность достигнутыхъ результатовъ: уже за первый періодъ функционирования новаго учрежденія успѣхи его были весьма ощутительны.

Черезъ 8-9 мѣсяцевъ Дѣтскій Домъ являлъ собою нѣчто цѣльное, организованное, сплоченное. Члены клуба какъ привязаны были къ нему, что съ явнымъ огорченіемъ относились ко всякимъ перерывамъ, будь то срывы, ремонтъ помѣщенія или какой нибудь неожиданный препятствіе. Домъ закрытъ и все же къ опредѣленному часу всѣ дѣти уже у заѣзжей ограды, гдѣ затѣваются игры, ссоры, даже потасовки. Отношеніе къ ближайшимъ руководителямъ—самое сердечное, внимательное, любовное.

Достаточно зрѣлымъ показателемъ повысившейся работоспособности и активности дѣтей можетъ служить спектакль, устроенный праздниками. При непосредственномъ участіи маленькихъ посетителей—изъ числа напѣснѣе будущихъ былъ

прекрасно и безъ суфлера разыграна на настоящей, всамдѣлшней сценѣ дѣтская пьеска въ 3 дѣйствіяхъ. Дѣти участвовали въ постановкѣ, только они и играли. Въ большемъ залѣ, наполненномъ дѣтьми и ихъ родными, царило такое хорошее настроеніе, а со сцены вѣяло такой радостью, такимъ ароматомъ жизни, что любо-дорого было наблюдать эту славную, распускающуюся дѣтвору.

Очень замѣтнымъ стало и вліяніе коллектива. Кражи почти совсѣмъ прекратились; всякія отвѣстственные порученія—вродѣ покупки матеріаловъ, сдачи большаго количества книгъ въ переплетъ и пр.—давались наиболѣе вороватымъ, и все проходило вполне благополучно, гладко, чисто. Заботясь о своемъ учрежденіи—а такимъ сознаніемъ они прониклись—дѣти стали болѣе хозяйственными, дѣловитыми, стали активно работать по устройству бібліотеки, по дежурствамъ и т. д.

Вѣсть громады сказывалась и въ поведеніи самыхъ буйныхъ элементовъ, такъ что шалости привились вскорѣ значительно болѣе невинный характеръ. Слѣдуетъ отмѣтить, что и національная нетерпимость въ значительной степени ступивалась, какъ бы притупилась: если въ началѣ работы чуть не ежедневно приходилось оборонять евреевъ отъ шаекъ маленькихъ членовъконенавистниковъ, возбуждавшихъ еврейскихъ дѣтей до крови, то къ концу отчетнаго періода ничего похожаго уже не было—слово „жидъ“ потеряло свою обаятельность.

Припоминается еще одинъ достойный вниманія фактъ, очень характерный для данной среды и взаимоотношеній ея членовъ. Для нужды бібліотеки добыть былъ шкафъ, который надо было приспособить подъ книги—вставить филеяки, исправить и предѣлать замки. Сдѣлать все это беретъ одинъ изъ наиболѣе взрослыхъ и усердныхъ посѣтителей Дома, по профессіи ремесленникъ. Окончивъ работу, подростокъ проситъ вдругъ у завѣ-

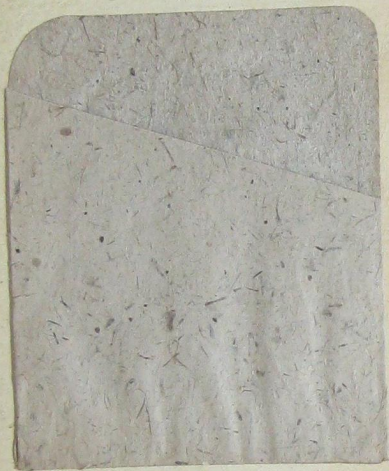
дующей хозяйствомъ „на чай“. Ошарашенная этой необычной просьбой, завѣдующая обращается за соизволеніемъ къ автору сихъ строкъ и, по его предложенію, даетъ за работу двугривенный. Вечеромъ, когда окруженный старшими мальчиками, руководитель уходить, онъ въ разговорѣ о проведенномъ днѣ рассказываетъ и про случай съ двугривеннымъ. Мальчики, быть можетъ, живущіе одними подачками, возмущены, вызываются поговорить со своимъ товарищемъ и даже грозятся по его адресу. Съ тѣхъ поръ юноша, очевидно, устыдившійся содѣяннаго, на время скрывается съ горизонта Дѣтскаго Дома; когда, однако, черезъ мѣсяць полтора, онъ снова сталъ посѣщать насъ, то долгое время старался не попадаться на глаза, не глядя на руководителя, стѣснялся.

Отношенія руководителей къ новому учрежденію тоже замѣтно измѣнились—взрослые стали, очевидно, понимать, что, хоть и не школа, а творится здѣсь что-то хорошее. Если вначалѣ мать отпускала ребенка только для того, чтобы хоть два часа отдохнуть отъ шума и баловства, то вскорѣ Домъ обрѣлъ въ ея глазахъ какой-то внутренний авторитетъ; вмѣсто слегка проницательной улыбки („они, молъ, тамъ „играются““) мы стали подмѣчать благодарность за заботы о малышахъ. Впрочемъ, нерѣдко приходилось выслушивать и робкія указанія, что вотъ если бы ремеслу мы обучали, было бы совсѣмъ прекрасно; однако, такой задачи Домъ брать на себя пока не могъ. Пришлось столкнуться и съ другимъ зломъ—съ безграмотностью взрослыхъ парней, и здѣсь быть пассивными не приходилось; однако, изъ соображеній „практическихъ“,—боязни столкнуться съ грознымъ начальствомъ—мы предпочитали такихъ дѣтей обучать грамотѣ частнымъ образомъ, на дому у отдѣльныхъ учителей.

Что до родителей, Дѣтскій Домъ намѣревался поставить ихъ ближе къ активной работѣ, привлечь къ дѣлу воспитанія дѣтей, и для этого предполагалось собирать ихъ время отъ времени для всяческихъ бесѣдъ: къ сожалѣнію, за отчетный періодъ осуществить это не удалось.

Въ результатѣ почти годовой работы—явное очеловѣченіе внушительнаго числа звѣрьконовъ, созданіе условий, при которыхъ только и возможна систематическая созидательная работа. Лишь теперь клубъ можетъ осуществлять свои воспитательныя задачи,—и остановка за соответствующими силами, дѣло лишь въ работникахъ, которые сумѣли бы перейти къ учрежденію съ надлежащими средствами, мѣрами, принципами...

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА

Цѣна 7 р.

РК-13
8072

Складъ изданія:

Культурно-Просвѣтительная Организация „Трудъ“,
Харьковъ, Пушкинская 1.

Адресъ для корресп.: Пассажъ, почт. ящ. № 188.

Въ Кіевѣ—Книжный складъ рабочихъ коопера-
тивовъ „Жизнь“, Бессарабка, Крошый рынокъ.

Въ Одессѣ—Книжный магазинъ „Трудъ“ (Дери-
басовская 25); А. А. Ивасенко (Дерибасов. 20).

V.N. Karazin Kharkiv National University

00622773